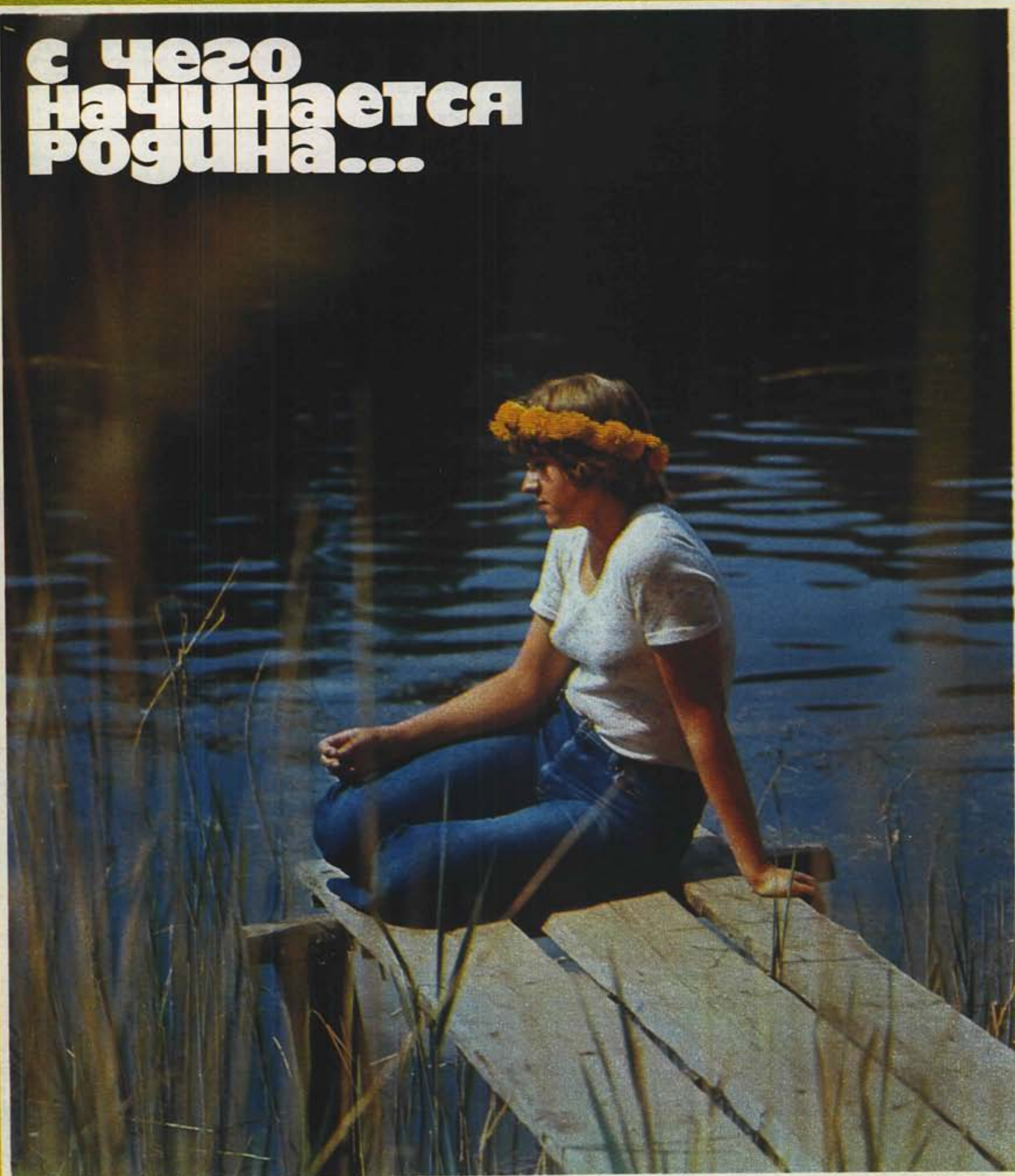

СМЕНА

№ 18 СЕНТЯБРЬ 1980

с чего
начинается
рогина...

РЯБИНА НАД ПОЛЕМ

Александр КРЕСТИНСКИЙ

Памяти белорусского комсомольца Михаила Мороза.
Погиб через тридцать два года после войны,
спасая товарищей от вражеского снаряда.

Рисунок Владимира ДЕЛБЫ

Как бежали из дому
По полю, по чистому?
Как пожары лапами
Нас хватили за полы?
Как с детьми да по лесу,
А снег—до пояса...

Вспоминает отец Миши Мороза:
«Мне было пять лет. Один раз утек босый от фашистов по снегу. Другой раз встретили нас немцы в лесу троих, мал мала меньше, наставили автоматы. Потом отпустили. А на третий раз схватили нас с мамой и забрали, а мать уткнула со мной опять в лес, и так я остался жив...»

Три вражеских солдата
Стояли и ржали,
Под мышкой они
Автоматы держали.
Гогочут солдаты,
И стынут минуты.
Для лучшего смеха
Мальчишки разуты.
В сугробы, в сугробы
Летят сапоги!
И слышится:—Форверц!
Вперед, мол, беги!
Босые по снегу
Мальчишки бегут.
—Шнель, шнель, партизанен!
Эршисен! Капуть!
И над головами,
И над головами—
Короткий

ночными
очередями.
Убитый вези
На землю легли,
Кривые крики
Затихли вдали.
Осыпался снег
В белорусских лесах
И белою прядью
Сверкнул в волосах.

Тишина

Через год он стал бы учителем.

Учитель входит в гулкий класс.
Как молод он! (Как я был молод,
Когда в такой же ранний час
Входил в такой же гулкий класс...
Бросало в жар меня и в холод!..)

А хлопчики—народ лихой,
На солнце выцвели макушки,
Упрямые волосы, как стружки,
Дымятся аж над головой!
Девчонки. Щebet ранних птах.
Приволье новостям и слухам.
Антоновки дразнящим духом
Класс по-осеннему пропах!

И он сказал:
— Пошли в поля.
Осенним воздухом подышим.
Увидим небо и услышим
Прощальный голос журавля...

И вмиг—как вымело ребят!
Стоят на солнечном угоре,
Над ними в праздничном уборе
Рябины звонкие царят.
Видны отсюда, с высоты,
Полей натруженные спины,
Земли глубокие морщины,
Ее неброские черты.

Чернеет жухлая ботва,
Тревожно сладок запах дыма,
И вертолет, летящий мимо,
Деревьев не задел едва...
А над рекою, за селом,
Протяжная повисла нота,
И машет, машет, машет кто-то
Платком, а может быть, крылом...

Поле

Полю, перепаханному войной,
Снится последний бой.
Сколько лет уже тишина вокруг
Но пашет, пашет памяти плуг,
Неутомимый плуг.

Там, у дальней межи, умирал комбат.
Помнит поле его отлетающий взгляд,
Помнит поле, как бился его батальон,
Но об этом не знает он,
Никогда не узнает он.

Там, где когда-то погиб комбат,
Бульбу копает красный комбайн.
Белые клубни—за рядом ряд,
Сизые птицы в небе парят,
В поле черном косынки горят.

Длинноногие дети детей войны,
В год от мира пятнадцатый вы рождены!
С колыбели слышали: враг был лют!
Как цветы, голоса ваши в поле цветут,
А до взрыва—десять минут.

Рассказ Виктора Вавилова

На мостике комбайна четвером
стояли мы. А пыль была такая,
что только ленту видишь,
вперед бегущую.
Лишь успевай схватить с нее траву
да комья глины.
Там некогда смотреть по сторонам.
Я слышу—Михаил меня зовет.
Гляжу сквозь пыль—
снаряд он держит ржавый.

Десятки лет пахали поле то.
Недопахали. Ржавый нам достался.
На ленту транспортера из земли
с картошкой, камнями и травой
к нам вынесло его. И плыл бы он
секунды три-четыре... пять-шесть от силы.
А там вибратор. К черту вынесло б
комбайн и нас с ним вместе.
Я это понял сразу, когда увидел
снаряд тот ржавый
у Миши на руках.

Тревога

Война посеяла в полях
Железное зерно,
Земле оно внушает страх:
Чем прорастет оно...
Среди корней темным-темно,
Молчит подземный свод,
Вот-вот проклонится зерно
И пламенем взойдет.
Не торопись, остановись,
Послушай, Человек,
О чем трубят и даль и высь,
Что шепчут дождь и снег...

Колыбельная

Середина столетья. Равнина,
Отдыхают поля от пальбы.
В тишине белорусской избы
Мать баюкает сына.

Баю-баю-бай,
Спи, сыночек, засыпай.
Все ребята спят кругом,
Спят деревья, дремлет дом.
Баю-баю-бай,
Ты, собака, не лай,
Ты, корова, не мычи,
Дятел, носом не стучи.
Ты, журавль, не курльчь,
Ворон ворона не кличь.
Тише, трактор,
Тише, трактор,
Не показывай характер,
Самолет, не гуди,
Мальша не буди.
Вечер, подвинься,
Ночь идет.

Ведьма Барабаха,
В репье рубаха,
Горбата, носата,
Прочь лети!
Змей Смок,
Броневой бок,
Грозный рык,
Железный язык—
Прочь лети!

Ты не бойся, Мишенька,
Никакого лишенька,
Сладко засыпай,
Баю-баю-бай...

В НОЧНОМ

Млечный Путь затянуло дымком,
Пахнет травами и молоком,
И притихла в ночном у костра
Деревенская детвора.

Хорошо в ночном!
Бульбу печь начнем!
А припевочка
Будет новая,
Чтоб дружной пеклась
Скороспелочка,
Вся лиловая,
Точно конский глаз.

Ты пекись, пекись, бульбочка,
С одного бочка!
Ты пекись, пекись, бульбочка,
С другого бочка!
Наверху уголья горочкой,
А внизу бульбочка с корочкой...

С ладошки на ладошку
Кидаем мы картошку—
Стынь!

Стынь!
Стынь!
Разломили пополам—
Пар пахучий по полям,
Синь,
синь,
синь...

Память

Купол звездный высится,
Снег на землю выпал,
Месяц коромыслицем
Из-за тучи выплыл.
За столом-то в комнате
Нынче любо-дорого,
А в войну-то, помните,
Как ушли от врага?..

— Иди вперед, показывай дорогу,—
он мне сказал.
С комбайна он сходил не торопясь,
всё под ноги глядел.
Он повторил:
— Показывай дорогу.
Потом сказал:
— Не подходи так близко.
Еще сказал:
— Держись подальше, Витя.

По скользкой глине шел с опаской он.
Я впереди бежал. Оглядывался.
Я говорил ему:
— Туда, там ров глубокий!..
Он говорил:
— Держись подальше, Витя.
Еще он говорил:
— Не подходи так близко.
Потом сказал:
— Спускайся в ров. Нет ли кого, взгляни.

Я прыгнул в ров. А наверху рвануло.

В пяти шагах от рва
в крови
щека,
рубашка,
ноги,
он на спине лежал,
он был в сознание,
он мне сказал:
— Не сообщайте маме.
Потом сказал:
— Ивану Ермолаевичу не говорите.
(Наш воспитатель,
Мишу он любил.)—
Еще сказал:
— Воды,—
и дождь ловил губами.

Когда снаряд взорвался, дождь пошел.
Все утро собирался
и пошел,
когда снаряд взорвался.

В тот день подменили солнце—
Отбрали белое солнце,
А вернули черное людям.
В тот день подменили небо—
Отбрали синее небо,
А вернули серое людям.
В тот день подменили землю—
Отбрали живую землю,
А вернули мертвую людям.

Прощайте, мама,
Мама, прощайте.
Руку со лба моего
Не убирайте.
Прощайте, мама,
Мама, прощайте.
Рябине поклон от меня
Передайте.
Не болейте, мама,
Братьев растите.
Простите, мама,
Простите...

Словно перышко от воробышка,
Вдоль по воздуху, не спеша,
Полетела к родному полюшку
Молодая его душа.

Стожок

Дружок мой, дружок,
Где твой стожок?
Я его искала,
Ноги исколола,
А во поле голо,
А во поле голо...

Ау!

Я в небе косил,
Дождь моросил,
Я стожок метал,
А он облаком стал...

Ау!

Дружок мой, дружок,
Приходи на лужок.
Я косу точила,
По росе косила,
На травах гадала,
Тебя поджидала...

Ау!

Девушка-краса,
Солона роса,
Небеса темны,
Не видать луны...

Ау!

Дружок мой, дружок,
Стали парни в кружок,
Каждый надеется:
— Поцелуй, девушка!
А я тебя искала,
А тебя не стало...

Ау...

Волшебная дудка играет

Ты слышишь призыв невеселый,
Ночную пронзающий хмарь!
По просекам, шляхам и селам
Скитается мальчик-дударь.

Идет с головой непокрытой
И в ведро, и в снег, и в грозу.
Одежда на нем, точно сито,
А ноги обуты в кирзу.

Волшебная дудка играет,
Мелодию тонкую вьет,
Кого-то к себе собирает,
Кого-то тревожно зовет.

Играет волшебная дудка
Родных белорусских кровей
Побудку, побудку, побудку
Для павших в бою сыновей.

Вставайте, вставайте, вставайте
В болотах, полях и лесах!
Вы очи скорей размыкайте,
Да светится небо в очах!

Глядите, глядите, глядите
На мирную землю свою,
На доброе солнце в зените,
На дождь, что бежит по жнивью.

На гулкие эти заводы,
На крепкие плечи машин,
На нежно-зеленые всходы
Засеянных хлебом равнин.

Не все еще в полном достатке,
Не всюду тепло и уют,
Но в хатах не плачут солдатки
И грозные пушки не быют.

Смотрите, смотрите, смотрите—
Притих и задумался класс...
О чем твое слово, учитель?—
О вас!

Песня за оградой

Загорелою рукой
Перевернута страничка—
Поздней осени черед.
По-над Припятью-рекой
Летит птичка-невеличка,
В клюве ягоду несет.

Ты лети себе, лети—
День обгонишь, ночь догонишь,
Солнце встретишь на пути...
Не печалься, не грусти,
Если ягоду уронишь—
Станет дерево расти.

На опушке,
у крыльца,
У окошка,

возле тына,
Точно весть из дальних мест,
Вспыхнут ветви деревца
С горьким именем Рябина,
Засияет всё окрест.

По-над Припятью-рекой
Летит птичка-невеличка,
В клюве ягоду несет...

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 18 (1280) СЕНТЯБРЬ 1980

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
ТИХАЯ ВОДА СЕЛИГЕРА.
Фото
Сергея ПЕТРУХИНА.

Очерк
Владимира ИСАКОВА
«ТИХИЙ СЕЛИГЕР»
на 16-й странице.

- 1 ФЕСТИВАЛЬ ПОЭМЫ.
Александр КРЕСТИНСКИЙ.
«РЯБИНА НАД ПОЛЕМ».
- 2 НАВСТРЕЧУ XXVI СЪЕЗДУ КПСС.
«ВАХТА С ЦВЕТАМИ».
Очерк Елены ГОНЧАРОВОЙ.
- 4 «ИЗ ПУНКТА «А» В ПУНКТ «Б».
Репортаж Владислава ЯНЕЛИСА и Юрия УСТИНОВА.
- 8 Рассказ Сергея МАТЮШИНА.
«И СНИТСЯ ЗАКАТУ ЗАРЯ».
- 11 КОНКУРС ИНТЕРЕСНОГО ПИСЬМА.
- 12 «ПРАЗДНИК, КОТОРЫЙ ОСТАЕТСЯ С НАМИ».
Очерк Сергея ВИШНЯКОВА и Генриха ГУРКОВА.
- 16 КРАСОТА РОДНОЙ ЗЕМЛИ.
«ТИХИЙ СЕЛИГЕР».
Фотоочерк Владимира ИСАКОВА и Сергея ПЕТРУХИНА.
- 18 Стихи Леонида МАРТЫНОВА.
- 19 Стихи Йозефа ШИМОНА.
- 22 «БЕССЪИДСТВО».
Очерк Ольги ЧАЙКОВСКОЙ.
- 24 МОЛОДЫЕ МАСТЕРА ИСКУССТВ.
Елена КОРОВИНА.
«ГДЕ ИСКАТЬ СИНЮЮ ПТИЦУ».
- 26 СЕНТЯБРЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ.
Обзор зарубежной печати.
- 28 ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЛОБУС «СМЕНИ».
Повесть Инизеро КРЕМАСКИ «ЧЕРНАЯ КОЖАНКА».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНОШЕВСКИЙ,
В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ
(заместитель главного редактора), В. Г. ПОБЕДНОСЦЕВ (ответ-
ственный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ,
В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (глав-
ный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, Г. Н. ЧЕБОТАРЕВ,
О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник Г. С. Терзибашьянц. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

© Издательство «Правда», «Смена», 1980 г.

«Пятилетке — ударный финиш! XXVI съезду КПСС — достойную встречу!» Соревнуйся под этим девизом, молодые труженики страны выходят на новые, рекордные рубежи.

Ребята из моей комсомольско-молодежной смены приходят в цех пораньше. Порядок такой завел мастер Владимир Борисович Духовный. «Присматриваться к ситуации надо до, а не во время работы», — так любит повторять мастер. Он прав. У нас, аппаратчиков, каждая смена складывается по-особому. Двух рабочих не бывает и быть не может. Производственный процесс непрерывен, и, встав к пульту управления, нельзя долго «раскачиваться», в первую же рабочую минуту все должно быть «в форме».

Шла на завод и видела у проходной транспарант: «XXVI съезду КПСС — достойную встречу!». Транспарант укрепили через час после окончания собрания комсомольского актива завода, на котором мне выпала честь обнародовать решение первичной комсомольской организации смены: 23 февраля 1981 года, в день открытия XXVI съезда КПСС, выполнить план первого года одиннадцатой пятилетки.

Сейчас можно открыть нашу маленькую тайну: мы давно решили преподнести очередному съезду партии подарок, так как усилили по экономии сырья, рабочего времени, безаварийная эксплуатация установок, отсутствие нарушений технологической и трудовой дисциплины, высокий дух социалистического соперничества и товарищеской взаимоподдержки в нашей комсомольско-молодежной смене позволили десятилетку выполнить 25 мая текущего года, ко Дню химика. Вот тогда-то смена и решила: есть основания, как и пять лет назад, выйти с инициативой — ознаменовать праздник всего советского народа ударным трудом.

«XXV съезду КПСС — двадцать пять ударных декад!» — гласил девиз, рож-

денный в нашей смене «Б» пять лет назад. «Каждому дню предсъездовской вахты — наивысшую производительность!» — сегодняшний.

Ставропольский завод химических реактивов и люминофоров имени 50-летия СССР — специализированное предприятие по выпуску неорганических химических реактивов, светосоставов для изготовления люминесцентных ламп, кинескопов для черно-белого и цветного телевидения, стабилизаторов и пластических масс и т. д. Сотни различных химических веществ, вырабатываемых предприятием, используются при научно-исследовательских разработках, контроле качества продукции и производственных процессах во всех отраслях народного хозяйства как технологическое сырье развивающихся современных отраслей промышленности. Сегодня мой завод один из самых крупных и передовых среди химических предприятий Ставропольского края.

В 1980 году объем производства достиг 55 миллионов рублей, из них на 1140 тысяч рублей изготавливается товаров народного потребления. Вот этим занимаемся я и мои товарищи.

Как же началась наша первая ударная вахта по достойной встрече XXVI съезда КПСС?

Внешне все было обычным. Мастер В. Б. Духовный выдал каждому задание на смену, разъяснил нюансы, шутил, но ребята, чувствовала, внутренне напряжены, волнуются. Переглянулась я с комсоргом нашим Сережей Зайцевым: излишнее волнение аппаратчику — враг. А Сережа кивает: не волнуйся, мол. Но я ушла к рабочему месту, обеспокоенная за девчат. Гляжу, букет ромашек в бутылке из-под молока стоит, а подле открытка: «Поздравляем, Лена, с началом ударной вахты в честь XXVI съезда КПСС. Верим, ты не подведешь».

Ох, и обрадовалась! Даже мне, своему заму, Сережа ничего не сказал о затее с цветами. Через секунду Люба Хвостикова по системе громкой связи говорит мне радостно: «Лена, какие у меня прекрасные розы», — а ее перебивает обслуживающая центрифугу Лида Евчик: «Мои васильки еще красивее». Комсорг, как оказалось, преподнес каждой из девчат ее любимые цветы. Так, с улыбкой, и началась предсъездовская вахта.

Сергей преподнес нам цветы потому, что он наш друг, и этим сказано все. Мы в первую очередь единомышленники, а во вторую лишь коллеги.

Мое рабочее место на третьем этаже цеха. Неподалеку установка борной кислоты, владение Любы Хвостиковой. Как-то, смотрю, забеспокоилась она, прекратилась циркуляция, очевидно, забилась всасыватель. Надо срочно его прочистить. Значит, беги по лестничным пролетам на первый этаж, теряй время. Люба не бежит, она просит Сережу устранить досадную помеху, а тот ей отвечает, что уже готово, всасыватель снова в «режиме». Словом, Любина установка и минуты не прогуляла. Сережа сам заметил беспорядок и устранил. Люба могла и вообще не узнать о его хлопотах, не приняв у нас считаться. Взаимопомощь бухгалтерскому счету неподвластна. В конце смены Люба Хвостикова спустилась вниз и помогла Сергею фасовать готовую продукцию. В сводке тогда записали: Люба Хвостикова выдала 4200 килограммов вещества, применяемого в стекловарении, вместо 2800 килограммов по норме, а Сергей Зайцев расфасовал 200 мешков при плане 140—160. Вот каким получился итог взаимовыручки.

...Маленький рабочий эпизод из жизни смены. Человеку непосвященному он и в глаза не бросится. Но я-то знаю, какая трудная у Сережи работа. От того,

насколько быстро, качественно он проведет растворение борной кислоты, зависит темп всей смены, и тем не менее наш комсорг не ждет просьб о помощи, поступает по неписаному закону комсомольско-молодежной смены: нет чужого рабочего места, нет чужой беды.

Когда подсчитали итоги социалистического соревнования смен цеха за июнь, выяснилось: мы выполнили план на 150 процентов, заняли первое место.

Знаете, кому больше всех были благодарны? Лидии Евчик, хотя ее месячные показатели по скромнее оказались, чем у остальных. Ее практикантка, Ольга Ганагина, теперь уверенно управляет центрифугой. А давно ли воробышком испуганным ходила по цеху? Смотрела робко, говорила тихо. Училась в Ставропольском техническом училище № 14 неплохо, но когда пришла в цех, «потеряла себя». Никак не могла войти в ритм, медленно работала, спрашивать совета опасалась. Гляжу, сидит в бытовке после первой смены своей и плачет. «Неумеха я, бездарь», — говорит. — Ничего из меня не получится. Оля плачет, а Лида Евчик рядом стоит и улыбается. Я ее корить было принялась: у человека, мол, неприятности, пожалеть надо. А Лида меня за рукав дергает: молчи, испортишь все. Потом выяснилось, Лида позвонила в училище и разузнала, какой у нее характер. Ей посоветовали рассеять Олины страхи, она их сама себе выдумывает. А способности у Ольги есть, хороший должен получиться аппаратчик, уверяли педагоги.

Усилия Лиды, советы педагогов училища не преминули сказаться. Через пару недель снова сидит после смены Оля в бытовке и снова плачет. А Лида Евчик рядом стоит и снова смеется. Практикантка от радости плачет, смен-

ЦВЕТАМИ

Елена ГОНЧАРОВА,
аппаратчица смены «Б»
третьего цеха Ставропольского
завода химреактивов
и люминофоров
имени 50-летия СССР,
заместитель группкомсорга смены.

Фото Альберта ЛЕХМУСА и Владимира ЧЕЙШВИЛИ.

ное задание осилила, учительница от радости смеется.

Вся смена в тот день поздравляла девушек с победой. Пусть маленькой, но очень важной для них, для всех нас. Случай этот вовсе не простой, он знаменателен — и вот чем...

...Учебу практиканта нельзя разделить «от сих до сих». Если ты план провалил, никто оправдание «Я, мол, учил практиканта» не примет. Спросят строго, накажут. Потому практикант требует дополнительного времени. А где его взять, дополнительное время? Лида нашла. У каждого из нас есть рабочие «секреты», знаем, где можно пусть хоть крохотную передышку сделать. Лида эти передышки устранила. Могла бы этого не делать? В любой другой смене — да, но не в нашей. Лида перешла к нам из смены «А». Не заладилась у нее там. Норму выполняла кое-как, часто простаивала. Ее особо не ругали, но и учить не учили. Равнодушно, одним словом, встретили. Жила Лида в одной комнате с Любой Хвостиковой. Та однажды рассказала: хороший человек, но тонет в болоте безразличия, не улыбается, книжек не хочет читать и вообще зачастила к стендам с объявлениями о приеме на работу. «Давайте к себе возьмем», — подытожила рассказ Люба Хвостикова.

Через полгода смена «А» тайком пыталась переманить Лиду назад. Тщетно. Как у вас получается, удивлялись задачливые переманиватели. Тайны не держим, способ прост. Прежде чем что-то взять от человека, ему нужно дать. Лиде все помогали обрести себя. После работы оставались на «тренировку», в выходные дни над схемами сживали. Мастер смены В. Б. Духовный, конечно, больше, но и мы не отставали. Как-то пришлось старые журналы смен листать, сравнила выработку нашей «крестьянки» до перехода и после. Вдвое

лучше работает теперь Лидия Евчик и «эстафету добра» передала Ольге Ганагиной. Я знаю, потихоньку от нас Оля ходила к начальнику цеха и категорически потребовала после сдачи государственного экзамена зачислить в смену «Б» на постоянную работу. «Это почему же?» — удивился начальник цеха. «Тепло с ними», — сказала Оля и вышла из кабинета. Значит, главного мы достигли. Оле хочется с нами работать, ей понравилась смена, пришлось по душе наша забота.

Однако мы не намерены пожинать лавры, нам предстоит еще немало сделать, потому что быть просто образцовым исполнителем инструкции недостаточно. Потому мы в цехе не отработываем восемь рабочих часов за смену — мы творим, так как я глубоко убеждена: хороший аппаратчик сродни художнику. Им обоим свойственно чувство нюанса, постоянное стремление к совершенствованию. Не могла и я, глядя, как остальные ребята из смены осваивают смежные установки, оставаться в стороне. Вскоре мне предстоит экзамен. Успешно сдать — разрешат работать на установке борной кислоты. Сергей Зайцев может подменить аппаратчика центрифуги. Люба Хвостикова успешно работает на установке борной кислоты, хотя у нее только третий, а не пятый разряд.

Сегодня, когда смена добилась полной взаимозаменяемости, выросла цена рабочей минуты. Раньше это не замечалось; ну, постоит пять минут центрифуга, велика ли потеря? Оказалось, велика: 35 килограммов боракса, например, не станет в сменный объем сделанного. Теперь же все оборудование эксплуатируется напряженно, в оптимальном режиме. Только так и достигается победа в социалистическом соревновании, — вырос профессиональный уровень наших соперников. Уже не удается

отрываться по итогам квартала от смены «Г», как бывало, на два месяца; два дня — вот максимум. Мы этому очень рады, ибо неоднократно приходили к ним на подмогу.

Социалистическое соревнование, хорошо налаженная система поощрения, постоянный обмен передовыми приемами труда привели к тому, что борьба за первенство между сменами идет за максимальное перевыполнение обязательств. Выполнение плана уже давно стало само собой разумеющимся. Вот почему на нашем заводе только за время, прошедшее с XXV съезда КПСС, производительность труда возросла на 36 процентов, а текучесть кадров, снизившись вдвое, до 15 процентов, продолжает уменьшаться. Социалистическое соревнование также укрепило трудовую дисциплину, поднимает культуру производства, но особенно наглядно его благотворное влияние сказалось на качестве выпускаемой продукции. Еще в 1975 году завод выдавал продукции с государственным Знаком качества лишь на 4,6 миллиона рублей, а в 1980 году эта цифра выросла до 22 миллионов. Хочу поделиться радостью: и наша комсомольско-молодежная смена добилась присвоения почетного пятиугольника одному из видов продукции.

Только год прошел с радостного дня, когда в краевом драматическом театре имени М. Ю. Лермонтова мне повязали алую ленту, на которой было написано золотом: «Рабочий». Повязала мне ее лучшая аппаратчица завода, кавалер многих правительственных наград. Обняв меня, она тихо так проговорила: «Ты, дочка, не осрами мое благословение». Ленту бережно хранию рядом с письмами мамы и моего любимого. Храбро и завет знатной аппаратчицы. Если доведется, скажу ей: слово свое обязательно сдержим, не было еще

такого, чтобы комсомольцы слова на ветер бросали, а завод наш весь, по существу, комсомольско-молодежный, средний возраст работающего 27 лет. Но ему в 1977 году присвоено звание «Предприятие высокой культуры производства», в 1979 году неоднократно награждался денежными премиями Министерства химической промышленности и ЦК профсоюза. Нашей смене за достижение высоких показателей во Всесоюзном социалистическом соревновании по повышению эффективности производства и качества работы, долгосрочное выполнение заданий 1978 года и обязательств по достойной встрече 60-летия Ленинского комсомола секретариатом ЦК ВЛКСМ, коллегией министерства химической промышленности, президиумом ЦК профсоюза рабочих химической и нефтехимической промышленности присуждено переходящее Красное знамя «Герои пятилеток, ветераны труда — лучшему комсомольско-молодежному коллективу». Вот эту высоту и держим, к открытию XXVI съезда КПСС выработаем дополнительной продукции на 700 тысяч рублей.

...Есть у нас добрая традиция в смене. В самые знаменательные дни Елена Рощина печет пирог, она непревзойденный мастер по части кулинарии. Мы накрываем праздничный стол, ставим самовар и чаевичаем душевно. После того, как сошла я с трибуны комсомольского актива завода, где прозвучало наше обращение к комсомольцам и молодежи Ставрополья: «Каждому дню предсьездовской вахты — наивысшую производительность!», Лена спросила меня:

— Ну что, пирог готовить?

Очень вкусным он получился. И разговор получился и первая предсьездовская смена. 130 процентов — вот ее итог. Он точно соответствует нашим расчетам.

ИЗ ПУНКТА "А" В ПУНКТ "Б"

Комсомольско-молодежному маршруту пятилетки — ритм, скорость, качество, высокую культуру обслуживания!

По старой привычке, собираясь в путь-дорогу, я откладываю мало-мальски серьезные размышления на потом, на «поезд». Предвкушаю удовольствие, знаю, как хорошо думается под ритмичный перестук колес. Именно в дороге находится время осмыслить многое из пережитого, как бы заново увидеть иные события, людей. Приходит в поезде и удивительное чувство равновесия и спокойствия, чего порой так недостает нам в будничной суете. А какой безграничной, щедрой видится земля наша, когда неспешно катишь по ней в доме на колесах. И все успеваешь рассмотреть и всему подивиться, и, главное, никогда не надоедает это дорожное глядение из окон поезда. Вот за это я его и люблю.

А другие любят поезд за другое — за неожиданность дорожных встреч, откровенность тихих бесед, да и когда еще поговоришь так вот неторопливо и рассудительно, если не в поезде, оторваавшем тебя от привычной городской спешки.

И ведь не так много надо пассажиру, чтобы помнить потом дорогу добром, — элементарный порядок в доме на колесах, чистая постель, немудреная еда. А уж если что окажется сверх того, то пассажир и вовсе счастлив. Но вот ведь какой парадокс: из немногих путешествий я возвращался без чувства досады на какую-нибудь неслаженность, на неоправданные издержки дорожного быта. И ведь большей частью вспоминались при этом мелочи, но тем больнее они переживались. Да и как не переживать, если мелочи эти портили дорогу, этот праздник души.

Чего только не было — мучался бессонницей в душном непроветриваемом купе, ссорился с проводником, вымаливая у него стакан чая, который попросту не готовили, потому что не было в вагоне воды, на короткой остановке мыл собственноручно окна купе, стекла которых были до такой степени черны от грязи и копоти, что рассмотреть сквозь них удавалось лишь день или ночь. Доходило до смешного — спал на мокрых простынях, отбивался от назойливых разносчиков, в первом часу ночи предлагавших «белое крепкое со средней наценкой»... Разве все перескажешь! Да и нет в том нужды, наверняка на памяти

многих из читателей, путешествующих пусть даже не часто, есть немало таких или подобных несурзац, связанных с дорогой.

Нет, бывала дорога и хорошей, были и поезда, в которых ехалось спокойно и легко. С ними даже порой не хотелось расставаться. Но такое, увы, бывало редко. И забывалась почему-то хорошая дорога быстрее, нежели испорченная. Впрочем, так, наверное, и должно быть, мы постепенно привыкаем относиться к должному порядку как к норме. И это касается не

СОТНИ ТЫСЯЧ ЛЮДЕЙ ЕЖЕДНЕВНО ОТПРАВЛЯЮТСЯ В ПУТЕШЕСТВИЕ ПО СТАЛЬНЫМ МАГИСТРАЛЯМ СТРАНЫ. И КАЖДОМУ ХОЧЕТСЯ, ЧТОБЫ ОНО БЫЛО КОМФОРТАБЕЛЬНЫМ, УДОБНЫМ, ПРИЯТНЫМ.

НИНА ЧИСТЯКОВА — ПРОВОДНИК, КОМСОРТ БРИГАДЫ И... КНИГНОША.

НЕМАЛО ВОПРОСОВ У БУДУЩИХ ПРОВОДНИКОВ, УЧАЩИХСЯ ПТУ, К ЗНАТНОМУ БРИГАДИРУ АЛЕКСАНДРУ ГРИГОРЬЕВИЧУ ШЕВЧЕНКО.

В КУПЕ, КАК ДОМА, ЕСЛИ ХОЗЯЙКА В ФОРМЕ ПРОВОДНИКА ГОСТЕПРИИМНА И ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬНА.

только транспорта — всего, что входит в объемное понятие сервиса. Хотя если на дело смотреть шире, то пассажирский поезд — тоже вид сервиса, призванный не просто доставить нас из пункта «А» в пункт «Б», но и удовлетворить в пути наши элементарные человеческие запросы, которые, повторяю, не так уж велики. А вот это пока получается далеко не всегда.

Обратимся к фактам. Из года в год растет поток жалоб на работу железной дороги, в особенности на ее подразделения, ответственные за пассажирские перевозки. Только в минувшем году количество критических замечаний в адрес железнодорожников увеличилось по сравнению с предыдущим годом в полтора раза и составило почти миллион. Много, очень много, даже если учесть, что у нас самая развитая сеть в мире и наша дорога перевозит самое большое число пассажиров. Причем надо учесть, что большинство жалоб — коллективные, стало быть, это уже не миллион, а больше. Что же заставляет огромное число людей направлять их в партийные и советские органы, в Министерство путей сообщения? А причины те же — антисанитарное состояние вагонов, чрезмерная жара, духота или холод в поездах, отсутствие элементарных удобств и больше половины — 618 тысяч — жалобы на грубость проводников, их бестактность, равнодушие к своим обязанностям хозяев поезда. Это самое настораживающее. И мы еще вернемся к причинам, которые объясняют, откуда взялись эти 618 тысяч жалоб на грубость. А пока забудем о них и попытаемся экспериментальным путем ответить на такой вот вопрос: можно ли в ситуации, типичной для всех дорог и направлений, силами поездной бригады создать в доме на колесах условия, при которых пассажир будет начисто избавлен от бытовой неуютности, от всех пока еще традиционных издержек дороги?

Эксперимент так эксперимент. Мы пришли в пассажирский отдел Министерства путей сообщения и попросили порекомендовать нам один из лучших поездов. Почти без колебаний начальник отдела Виталий Петрович Скоробогатов назвал лучшим фирменный поезд «Южный Урал», соединяющий Москву с Челябинском. Были названы и еще несколько поездов, опять же фирменных, многие из них принадлежали Прибалтийской железной дороге. Но мы все-таки остановились на «Южном Урале», как одном из самых старых среди фирменных поездов, самом стабильном по результатам в соцсоревновании. Больше того, мы попросили «прикрепить» нас к лучшей из восьми бригад, обслуживающих маршрут.

Ею оказалась комсомольско-молодежная бригада имени XXV съезда КПСС, которой с недавних пор руководит почетный железнодорожник Александр Григорьевич Шевченко. Познакомились мы с бригадой прямо на перроне, за полчаса до отправления поезда. Пока царил посадочная суматоха, прошлись вдоль состава. Хотелось посмотреть на фирменный снаружи. Надо отметить, что впечатление он производил очень неплохое: купе, высвеченные изнутри люминесцентными лампами, сверкали чистотой свежeweмытых зеркал, стекол и стен, койки аккуратно застеле-

СЛУЧАЕТСЯ И ТАКОЕ: ДВА БИЛЕТА НА ОДНО МЕСТО В КУПЕ. БРИГАДИР БЫСТРО УЛАДИТ ЭТО НЕДОРАЗУМЕНИЕ: ПАССАЖИР НЕ БУДЕТ В ОБИДЕ.

ны бельем, на столиках цветы. Проводники — молодые девушки — встречали пассажиров, одетые в чистые фирменные костюмы, кепи, накрахмаленные блузки, галстуки. Тогда мы еще не знали, скольких трудов это стоит... И еще одно, встречая пассажиров, девушки обязательно говорили им: «Добрый вечер» — и представлялись.

А потом мы поехали. Знакомые, сотни раз испытанные ощущения, звуки, запахи, дикторский текст по внутреннему радио. Впрочем, кое-что в нем было не совсем обычно. Например, вот это: «Вас обслуживает комсомольско-молодежная бригада коммунистического труда... свои пожелания и замечания вы можете записать в визитную карточку проводника, которая находится... В поезде имеется детский уголок, книжный и журнальный киоски... Ужин и завтрак вы можете заказать через проводника вашего вагона...»

Оговорюсь заранее, все это действительно так: и детский уголок с полным набором игрушек и очень даже неплохих. (Но и они были отложены юными пассажирами в сторону, когда хозяйка детского уголка проводник Людя Пастухова читала малышам «Сказку о царе Салтане».) Особенно тесно было в детском уголке-купе, когда настал час ужина и родители отправились в вагон-ресторан, сдав на попечение Людю своих малышек. Есть в поезде и книжный киоск с вполне приличным ассортиментом литературы, и журналы, от самых толстых до самых тонких, и свежие газеты. Есть киоск, где забывчивый пассажир может восполнить в своем багаже отсутствие предметов первой необходимости. Есть и еще множество новшества, хотя с точки зрения бригады все это давно уже считается нормой.

Атмосфера доброжелательности царил в поезде на всем протяжении рейса. Выражалась она главным образом в том, что проводники предупреждали все желания пассажиров, касающиеся дорожного быта. В каждом вагоне имелись шахматы, газеты, чай, кофе,

Владислав ЯНЕЛИС,
фото Юрия УСТИНОВА,
специальные
корреспонденты
«Смены»

аптечка, нитки с иголкой и прочее. Но больше всего удивляла почти стерильная чистота в купе. Чувствовалось, что здесь все делается для пассажиров, во имя их удобства. Тем самым устранялась возможность любого конфликта между сторонами. Хотя поводов для них было не так уж мало.

На наших глазах к начальнику поезда обратилось несколько человек, имевших билеты, но не имевших места. Их места, как это иной раз случается, были проданы дважды и заняты теми, кто сел в поезд раньше. Правда, такое же количество мест было свободно. Шевченко устроил «двойников» на свободные места, но это потребовало времени. Не обладая начальником поезда тактом и терпением, вряд ли удалось бы избежать конфликта.

Ситуаций, когда проводники страдают за чьи-то промахи и недоработки, сколько угодно. Взять тот же чай. По установленным нормам пятидесятиграммовые пачки чая рассчитаны на завтрак четырехсот стаканов. Надев на себя форменную куртку, автор с математической точностью рассчитал дозировку и попытался напоить нормированным чаем пассажиров ближайших купе.

Эксперимент увял в самом зародыше.

— Вы что нам, извините, вместо чая принесли? — саркастически заметил мужчина в тренировочном костюме.

Объясняю, что чай по норме.

— Вот и пусть его пьют те, кто эти нормы устанавливал, а нам давайте настоящий.

И ведь правы пассажиры. А приходится проводникам докупать чай самим, на свои деньги. Пассажирам этого объяснять не принято, чтобы не подрывать авторитет фирмы. Невозможно объяснить и то, почему, например, к чаю в поезде предлагаются двухсотграммовые упаковки печенья. Проводники их стараются не брать, не пользуются, мол, они спросом. Им на базах отвечают: «Других нет, нам поставляют печенье в таких упаковках». И действительно, базы снабжения железных дорог завалены двухсотграммовыми пачками черствого печенья, которое проводники возвращают после каждого рейса на склад, а потом вынуждены брать опять. Не расходится же печенье по одной простой причине: мало кто из пассажиров не очень дальних поездов способен одолеть все содержимое внушительной пачки.

Печенье, конечно, мелочь. При определенной гибкости органов снабжения и планирования проблему печенья и чая решить можно, надо лишь взглянуть на нее с реальных позиций. Значительно сложнее обстоит дело с материально-техническим обеспечением поездов. Не будем пока говорить о фирменных, экипировать которые стараются более или менее прилично, пусть даже за счет других поездов. А ведь немало поездов зачастую отправляются в рейс без необходимого запаса белья, без занавесок на окнах, скатертей на столиках, положенных по штату ковровых дорожек и прочего. И, что греха таить, постельное белье, выдаваемое пассажирам, выглядит нередко, мягко выражаясь, малопривлекательным. Пассажиры в этой ситуации склонны винить проводников, те, мол, экономят белье не без выгоды для себя. И мало кто знает истину. А она в том, что потребности железных дорог в хлопчатобумажных тканях, например, удовлетворяются лишь на 69 процентов, льняных — на 61, в моющих средствах — меньше чем наполовину. Вот и приходится пускать в дело простыни и наволочки, которые давно подлежат списанию, отправлять поезда без соответствующей «одежды». Неуютно в таких вагонах, это верно. Но, поверьте, вина проводников в этом нет. Как нет их вины и в том, что техническое состояние вагонов порой оставляет желать лучшего (особенно летом, когда вдвое увеличиваются пассажирские перевозки и в рейс снаряжаются вагоны, уже отслужившие свой век).

Проблемы, связанные с обновлением вагонного парка, так же, как и с материально-техническим обеспечением поездов, не новы. Решать их необходимо в комплексе, при полной согласованности целого ряда отраслей и органов. Эти проблемы лежат вне компетенции вагонной службы, но существует множество других, от решения которых зависит уровень поездного сервиса, и справиться с ними в состоянии руководство дорог и вагонных участков да и сами поездные бригады. Вернемся к опыту челябинцев.

Итак, «Южный Урал», один из первых и теперь уже старейших фирменных поездов. Марку фирменного, первого и одного из лучших в стране поддерживать было очень непросто, и вряд ли это удалось бы лишь благодаря волевым мерам руководства дороги и участка. Нужны были энтузиасты, люди, преданные своему делу, которые взяли бы на себя инициативу и смелость опробовать на практике целый ряд новшеств. Таким человеком оказался бывший бригадир поезда, фронтвик, ныне пенсионер, Владимир Андреевич Иванов.

Он взял целиком группу выпускников Челябинского железнодорожного ПТУ и предложил им стать... лучшей поездной бригадой дороги, а может быть, и Министерства путей сообщения. «Надо только очень

этого захотеть», — сказал он, — и не бояться первых «неудач».

Бригада начала с того, что выработала свой собственный кодекс, согласно которому все проводники обязались нести персональную ответственность за настроение и самочувствие каждого пассажира, за чистоту вагона, за внедрение новых форм поездного сервиса и так далее. Что же это были за формы? Ну, к примеру, тот же книжный киоск. Книги приобретались постепенно на средства самих девушек, так же, как и детские игрушки и предметы первой необходимости. Сначала хорошие книги доставать было непросто, но скоро представители бригады, отвечающих за книжный фонд, узнали в одном из крупнейших книжных магазинов столицы, и эта проблема была решена.

Инициатива бригады — создать свой фонд, самим добывать книги для киоска и прочее — бесспорно, благородная. Но давайте взглянем на дело шире. Ведь не обязаны же девушки оплачивать из собственного кармана свои добрые начинания. Железная дорога — мощная, богатая отрасль, думается, не оскудела бы, выделив на приобретение тех же книг, цветов, предметов первой необходимости определенную, пусть небольшую сумму под отчет каждой поездной бригаде. Это бы узаконило появление в каждом поезде необходимых видов услуг, подняло бы престиж пассажирской службы.

И второе. Несolidно как-то получается с книгами. Почему их приходится добывать чуть ли не в частном порядке? Ведь налажена же, и уже давно, доставка в отходящие из Москвы поезда газет и журналов. Почему бы не распределять по железнодорожным маршрутам и книги, делая это через книготорги, централизованно? Тогда отпала бы необходимость во всякой самостоятельности в добывании литературы, а главное, как признательны были бы пассажиры!

За чистотой в поезде следят специальные санитарные тройки, которые назначаются решением бюро ВЛКСМ бригады. Это была коллективная идея. Два три раза за рейс санитарная тройка проходит поезд и ставит оценки по пятибалльной системе за гигиену вагона, чистоту посуды, половиков... Результаты рейда учитываются при ежемесячном подведении итогов работы проводников и определении победителей внутрибригадного соревнования. Победители премируются опять же по единогласному решению всех членов коллектива.

На злободневный вопрос: можно ли работать без жалоб? — бригада ответила «можно». И доказала это. За много лет на ее счету тысячи благодарностей и ни одной жалобы. Не было поводов? Да, не было. Ни одна просьба пассажиров не оставалась без внимания.

В поезде, что вез нас в Челябинск, встретили мы немало людей, знавших «Южный Урал» по прежним поездкам. Эти люди тем и отличались от других пассажиров, что чувствовали себя в поезде, как в хорошо знакомом доме, где им привычно, спокойно и уютно и хозяева которого — добрые старинные друзья. Многие из них помнили прежнего бригадира Иванова, его слегка надтреснутый голос, когда он по традиции желал пассажирам по радио доброго утра и доброй ночи, его сутуловатую фигуру, всегдашнюю улыбку, неизменный вопрос: «Как едет?» Одна из пассажирок поведала мне историю, как вез Иванов в Москву отставшую от своего поезда и своих родителей шестилетнюю девочку. Та плакала, звала маму, Иванов мучился, на нее глядя, на каждой станции бегал давать телеграммы, что, мол, едет, чтоб встречали, покупал девочке любимое ее мороженое, перечитал все-детские книжки, оказавшиеся в поезде.

А потом, уже в Москве, девочка плакала, не желая с ним расставаться. И с тех пор, когда выдавались у него свободные часы в столице между рейсами, Иванов ездил в гости к этой девочке в Теплый Стан. И она дарила ему свои рисунки, которые Иванов хранит у себя дома и по сию пору.

Большинство постоянных пассажиров знали почти все о своих хозяйках вагона — какие книги они читают, как у них дома, знали их привычки и вкусы, даже маленькие секреты личной жизни. На моих глазах к Татьяне Амежневой как-то подошел очень представительного вида мужчина. Коротко кивнув, он выложил на стол несколько коробочек с лекарством.

— Достал. Для твоей мамы. Как принимать — там написано. Должно помочь... Утром не буди, буду отсыпаться, устал в Москве, домой приедешь — опять нервотрепка начнется.

Татьяна покраснела:

— Спасибо, Евгений Иванович...

— Ладно тебе.

— Замечательный человек, — сказала Таня, противясь с пассажиром. — Это он только с виду такой суровый, а сам добрый-добрый. — Она улыбнулась. — Заводом руководит, а любую просьбу помнит. Мы с ним уже третий год ездим. И я все-все про него знаю: и что сын его недавно женился и что главной продукцией их завода Знак качества присвоили месяц назад. А однажды вот так же из Москвы ехали, Евгений Иванович был расстроенный после какого-то

совещания. Ночью ему вдруг стало плохо с сердцем. Я два утра от него не отходила, а потом в больнице навещала. И он очень рад был...

Вот такая она, дорога. Чего только в пути не случается: и роды проводникам приходится принимать, и срочно доставать на глухом разъезде необходимое лекарство, и успокаивать расшалившихся малышей, и добывать для них детское питание. Дорога сводит людей, роднит их. Она же и разводит в разные стороны. Кого навсегда, кого на время. Профессия же проводника особая, она не позволяет оставаться безучастным свидетелем и житейских драм и человеческих радостей. И, поверьте, надо иметь очень щедрое сердце, чтобы быть способным хотя бы просто на душевный отклик, когда он необходим. А необходимо он бывает не так уж редко. Особенно в дороге.

Мы были где-то недалеко от Куйбышева и слегка опаздывали. Наверстывая время, поезд шел быстрее обычного, стрелой пронизывая леса, клубившиеся за окнами пышной листвой, звонко грохотал колесами по мостам, с пронзительным посвистом пронесился мимо крошечных полустанков. В вагоне было тихо, в это время кто спал, кто читал, кто играл в шахматы. Закончив очередную уборку, наш проводник Таня Амежнева ушла в составе санитарной тройки в обход.

Я стоял у окна, когда ко мне подошел один из пассажиров крайнего купе. Заметил я его еще в Москве — высокий, седой, начавший полнеть, в наглухо застегнутой поролоновой куртке, он появился в вагоне с цветами, большим букетом белой гвоздики. Потом он куда-то выходил и вернулся без цветов.

— Спешим, — произнес он, взглянув на часы. — Ничего, догоним.

Мы помолчали.

— Я, знаете, люблю поезд, хотя всю жизнь летал. А вот сажусь в поезд и радуюсь неизвестно чему, как мальчишка... На сутки в Москве задержался, чтобы на этом поезде уехать, да и то едва билет достал.

Тут я не удержался, спросил, почему ему надо было попасть именно на этот поезд. Он задумался.

— Все не так просто...

И Виктор Ильич Ч., так звали моего попутчика, рассказал мне историю, связавшую его с этим поездом несколько лет назад. Вот она.

Отслужив положенное, бывший военный летчик, подполковник запаса Ч. ехал в Челябинск к сыну. Думал налаживать жизнь свою рядом с родными людьми, налаживать заново, как гражданский человек. Незадолго до того Ч. похоронил жену, и, кроме сына и дочери, жившей в Смоленске, не было у него на всем свете близких людей. Сын же всегда казался ему ближе, чем дочь, вот почему он и ехал в Челябинск, а не в Смоленск. Ехал с подарками, мечтал, как будет нянчиться с внуками, работать на гражданке. Радости своей от предстоящей встречи с сыном и не виденными им еще внуками Ч. от людей не скрывал, поделился ею с проводником. Это была совсем еще молодая девушка с белыми волосами и голубыми глазами. Прощаясь с Ч., она пожелала ему счастья.

Но все получилось не так, как он предполагал. Сын сразу дал понять, что им будет тесно в одной квартире, пусть отец устраивается где-нибудь в другом месте. Ч. сложил чемодан и уехал на вокзал, не попрощавшись. Так вышло, что попал он в тот же поезд и в тот же вагон. Проводница узнала его и все поняла без слов.

— Куда же вы теперь? — спросила девушка Ч.

— Не знаю. К дочери боюсь, вдруг и она не примет. Поеду на Север, туда же, где служил, доживать жизнь где-то надо.

И вдруг на глазах ее показались слезы.

— Не смейте так думать. У вас есть дочь, внуки в Смоленске, они вас ждут.

— Нет.

Они проговорили тогда несколько часов. Девушка убила его. В Москве Ч. взял билет до Смоленска, приехал к дочери без предупреждения. И остался с ней, его действительно там ждали. Теперь он живет с дочерью и ее семьей, помогает воспитывать внука, работает. А в Челябинск все-таки ездит, раз в год, на несколько дней, отцовскому сердцу не прикажешь. Вот такая история.

Рассказав ее, Ч. надолго замолчал. Мы подъезжали к Куйбышеву. Город выростал за окном длинными корпусами заводов, железнодорожными депо, новыми жилыми кварталами.

— Сойду куплю газет, — произнес Ч.

Я не выдержал, остановил его.

— Так что цветы вы той самой девушке, проводнику подарили, которая...

Он улыбнулся:

— Да. Она мой настоящий друг. И я с тех пор езжу только этим поездом. И обязательно дарю ей цветы. Ведь именно ей я обязан своей нынешней, в общем, хорошей жизнью... Да вы ее, наверное, знаете, она работает в соседнем вагоне, Людэа Гладкова.

Историй, подобных этой, случается немало, на то она и дорога. И привел я ее только затем, чтобы было ясно, какая непростая работа у девушек, к которым

мы порой не успеваем толком и присмотреться. А теперь добавлю лишь, что почти каждый член бригады Иванава за самоотверженный труд был удостоен Знака ЦК ВЛКСМ «Молодой гвардеец пятилетки», награжден Почетными грамотами ЦК и Челябинского обкома комсомола.

Вот такую, можно сказать, знаменитую бригаду принял Шевченко после ухода Иванава. Правда, из ветеранов в коллективе осталось человек семь, часть перешла в другие бригады, чтобы передать свой опыт, часть поменяла специальность. Им на смену пришли недавние выпускники ПТУ, проводники с других маршрутов. Они успешно втягиваются в изданный заданный ритм, набираются опыта, учатся работать у партгрупорга бригады Лидии Калабиной, комсорга Нины Чистяковой, профгорма Людмилы Гладковой, у Татьяны Амежневой, Марии Истоминой, Веры Крутовой, Любы Федченко. Но говорить о бригаде Шевченко как об исключении было бы неверно. На том же фирменном поезде «Южный Урал» трудятся еще семь бригад, и большинство их очень немногим уступают коллективу, о работе которого мы рассказали более или менее подробно.

Практика доказывает, что любая инициатива только тогда приносит долговременный успех, когда встречает поддержку руководящих органов, партийных, комсомольских комитетов. И здесь опыт челябинцев заслуживает высокой оценки. Руководство Южно-Уральской железной дороги, заботясь об улучшении работы вагонной службы, всегда относилось к любым новым идеям очень внимательно. Если идея сулила эффект, ей сразу давали «зеленую улицу». Стало правилом заслушивать опыт лучших поездных бригад на комитетских заседаниях вагонной службы, дороги, на комсомольских активах. Почти два года работает при Челябинском обкоме ВЛКСМ совет секретарей комсомольских организаций Южно-Уральской железной дороги, в состав которого входят представители четырех обкомов комсомола областей, на территории которых трудятся южноуральские железнодорожники. Совет взял на себя координацию социалистического соревнования среди молодежных коллективов дороги, решает комплексные вопросы, связанные с воспитанием многотысячной армии комсомольцев, с распространением опыта лучших поездных бригад. Комитеты ВЛКСМ все больше направляют на железную дорогу молодых людей, с комсомольскими путевками.

Теперь попытаемся разобраться, почему на Южно-Уральской по сравнению с другими дорогами относительно низкая текучесть кадров проводников, отчего на челябинцев меньше всего жалоб.

Начнем с того, что не каждый руководитель такого масштаба, как начальник Южно-Уральской железной дороги Григорий Васильевич Тарунин, так хорошо осведомлен в вопросах организации труда и быта подчиненных. Особенно в том, что касается проводников. Тарунин признается: вопрос наболееший. И потому он знает, сколько мест в железнодорожных общежитиях отдано проводникам, сколько их детей нуждаются в круглогодичных детских садах, сколько квалифицированных специалистов готовит ежегодно ПТУ, как они распределяются по маршрутам, какая среди проводников заболеваемость и так далее. Заинтересованность руководителя, общественных организаций в разрешении бытовых проблем проводников многое объясняет. Это был стиль. В Челябинске действительно очень немало делается для того, чтобы закрепить кадры. Строятся новые благоустроенные общежития, детские учреждения, жилье, расширяется прием в ПТУ.

Именно забота об облегчении труда проводников подсказала челябинцам необходимость внедрить новую форму подготовки поездов к рейсу. Исполком века поездные бригады собственными силами производили послерейсовую уборку вагонов, буквально на себе относили в прачечную грязное белье, сами принимали свежее. Все эти трудоемкие хлопоты отнимали у проводников немало времени и сил. И надо отметить, что совсем не укрепляли их привязанности к избранной профессии. Да и оплачивались эти затраченные на самую трудоемкую работу часы по очень низким расценкам.

В Челябинске решили на эксперимент. При вагонном участке, куда входит и резерв проводников, были сформированы экипировочные бригады, полностью взявшие на себя уборку вагонов, подготовку их к следующему рейсу. В итоге сократилась время экипировки, уборка стала проводиться более качественно (ею занимались специалисты в своем деле, которым пришла на помощь малая механизация). Правда, пришлось сократить часть проводников, отдав их ставки экипировщикам, но в конечном итоге и это оказалось целесообразным: ведь объем работы у проводников заметно уменьшился. Сократилась и текучесть кадров.

И все-таки она высока по сравнению с другими группами работающими. Даже в Челябинске. Проблема углубляется еще и тем, что, уйдя из поездной бригады, люди, как правило, уходят с железной

дороги вообще, то есть меняют специальность. Даже в промышленности, где текучесть в ряде отраслей выше, чем на железной дороге, производство страдает в меньшей степени. Потому что если один завод теряет, к примеру, токаря, то другое предприятие его тогда же приобретает, ибо с самой профессией уволившийся рабочий не расстается. А вот проводник, уходя, уходит, как говорится, навсегда.

Продолжительность работы проводников в подавляющем большинстве не превышает 5—6 лет, из которых 2 года можно считать ученическими. Есть, конечно, исключения, есть даже семейные династии проводников. Но не они, к сожалению, делают погоду. Основной контингент, работающий в поездах, — молодежь. А у нее, как известно, свои особые духовные и материальные запросы, свое отношение к работе.

Попытаемся проанализировать основные причины текучести. Но сначала о том, чем привлекает молодежь работа в поезде. Мы опросили около 50 человек и установили следующее. Большинство девушек пришли в ПТУ или на курсы проводников по той простой причине, что с детства мечтали о путешествиях. Привлекала молодых девушек и атмосфера вагонного комфорта, возможность общения с людьми, которую дает эта профессия. Некоторых манили довольно высокие заработки, большое количество выходных.

Все это так. Есть в работе проводника и романтика дальних дорог, и приличная зарплата, и выходные дни. Но есть и многое другое, то, что называется оборотной стороной медали, что познается в процессе работы. И очень, очень многие, столкнувшись с этой оборотной стороной, познав труд проводника во всей его реальности, предпочитают поискать другую работу, пусть даже за нее платят значительно меньше.

Вместе с начальником вагонного участка дороги Юрием Ивановичем Девелюком и начальником резерва проводников Иваном Ивановичем Ереминым мы перелистали книгу, в которую заносится причина увольнения каждого работника. Вот самые характерные: «Не с кем оставить ребенка», «По болезни», «В связи с замужеством», «Не устраивают условия труда». Последнее встречается особенно часто. Почему?

Проводников на железной дороге хронически не хватает. Не зря среди пассажиров бытует образное выражение «полупроводник». Около 9 лет назад их персонал в силу соображений экономии урезали почти вдвое. Но даже в этот урезанный штат Госплан СССР внес свои коррективы, еще больше сократив среднегодовую численность проводников пассажирских вагонов. Нехватка кадров ведет к перегрузкам. В результате люди лишаются нормального отдыха. Порой, практически не успев прийти в себя после трудного рейса, бригады вынуждены вновь отправляться в путь. Очень немногим проводникам удается полностью использовать отпуск. Физическое переутомление вызывает у людей нервозность, апатию, приводит к конфликтам с пассажирами. Где уж тут следить за чистотой вагона, соблюдать вежливость, сохранять внешнюю привлекательность, если сил хватает лишь на самое элементарное. А иные, пользуясь сложившейся ситуацией, бездельничают, сознательно нарушают правила обслуживания пассажиров, беззащитно наживаются, провозя «зайцев», они знают: их не уволят, кадров-то не хватает.

Конечно, сверхурочная работа соответственно оплачивается. Но, оказывается, никакие материальные выгоды не могут заменить людям, особенно молодым, духовной потребности в общении с друзьями, театра, кино, книг, то есть всего того, чего при неравномерной рабочей нагрузке проводники лишены. Согласитесь, что в этих условиях создать нормальную семью для молодой женщины, работающей в поезде проводником, тоже не просто.

Немаловажное дело и организация отдыха проводников во время самого рейса. В большинстве вагонов для этого предназначены двухместные купе, расположенные рядом со служебными. Там же хранится запас постельного белья, использованные простыни, наволочки и прочее. Тесно — раз. Да и как отдохнуть после напряженной ночи, когда в вагоне только начинается активная жизнь, ежеминутно хлопают двери, отчетливо слышны голоса, радио? Выход был найден теми же челябинцами. Мы еще поговорим об этом.

Особый вопрос, вопрос большой — улучшение бытовых условий проводников в месте их, так сказать, приписки. Далеко не везде они имеют равные шансы с другими категориями железнодорожников при получении жилья. По проводники, по мнению иных руководителей, принадлежат к малоквалифицированным специалистам, удерживать которых ценной жилплощадью нет необходимости. Но ведь именно проводников железной дороге не хватает больше, чем кого-либо, особенно кадровых, опытных. Жизнь показывает: там, где в решении бытовых проблем подходят ко всем категориям работающих объективно и справедливо, текучесть кадров значительно ниже.

Нередко увольняются с железной дороги из-за ребенка. Действительно, под чьим присмотром оставит малыша мать, отправляясь в многодневный рейс, если нет ни бабушек, ни дедушек, а муж работает в разные смены? Отдать в сад или ясли? Но, во-первых, детских учреждений не хватает, во-вторых, работают они по раз и навсегда установленному графику, внести поправки в который ни одно ведомство не в силах. После пятидневки детей раздают родителям в пятницу, а в пятницу женщины, работающие проводниками, могут быть в поездке. И вернутся они только во вторник или в четверг, а в воскресенье опять уедут. Вывод прост — нужны постоянно действующие ясли и сады, в которых бы дети железнодорожников находились «до востребования», столько, сколько продиктовано спецификой производства их родителей.

Наконец, форма. Нет нужды говорить о том, что форма проводников железной дороги далека от эlegantности и много проигрывает в сравнении с формой их коллег из Аэрофлота. Молодежь попросту стесняется носить ее во внеслужебное время. Форма устарела морально. Ни цвет материала, ни фасон костюмов уже не устраивают женщин, которым далеко не безразлично, как они выглядят в глазах других. Исключение составляют проводники фирменных поездов, форма им шьется индивидуально и материал на нее идет несколько лучший. Но даже он далек от совершенства, так как мнется при малейшем прикосновении, а любое масляное пятно оставляет на нем вечный след.

Можно было бы назвать еще ряд проблем, которые ждут своего решения. Не всех, например, устраивает и само наименование их профессии — проводник. Они считают, что намного красивее звучало бы, скажем, «техник вагона», да и вернее по сути, ведь современный проводник имеет дело со сложным электрооборудованием, автоматикой и прочим. Что ж, и над этим, наверное, стоит подумать.

Пути к решению названных нами проблем могут быть разными. И они в принципе известны. Перво-наперво покончить с «полупроводниками». Тогда нормализуются графики работы и отдых поездных бригад. Назрела необходимость ввести в состав бригады и механика, отвечающего за поездное оборудование. Совсем не лишне будет и присутствие в поездной бригаде одного человека из числа проводников, который, кроме основной специальности, владел бы еще элементарными медицинскими знаниями, хотя бы в пределах полугодовых курсов.

Только деловой, кардинальный подход к наболеешим вопросам поможет поднять престиж необыкновенно важной профессии на железной дороге, удерживать на этой работе и привлечь к ней людей заинтересованных, болеющих за дело, инициативных, поможет наконец избавиться от недобросовестных, корыстных работников, позорящих звание советского железнодорожника. Огромная роль в решении проблемы проводников, повышении культуры обслуживания на железной дороге принадлежит комсомольским органам. Они могут сделать очень многое, если станут истинно организующей силой в претворении в жизнь новых, эффективных методов работы. Именно об этом говорится в недавнем постановлении ЦК КПСС «О мерах улучшения партийно-политической работы на железнодорожном транспорте».

Челябинцы подсказали довольно оригинальное решение сразу двух проблем. Почему бы, например, заботясь об улучшении условий труда проводников, один из пассажирских вагонов в каждом составе не назвать условно бытовым или служебным? Одну его половину можно выделить для отдыха проводников (который был бы в этом случае полноценным), а в другой разместить различные службы поездного сервиса — книжный киоск, детский уголок, душевую, бюро заказа такси, железнодорожных билетов, купе бытового обслуживания, где можно выгладить одежду, пришить пуговицу. Особенно нелишне внедрить новые формы сервиса на дальних рейсах. Не уменьшилось бы в этом случае и общее количество пассажирских мест в поезде, ведь можно было бы отдавать пассажирам места, которые сейчас занимают проводники.

Мы назвали далеко не все проблемы пассажирской железной дороги. Созаем, что и они решаются совсем непросто. Но ведь и делать вид, что этих проблем не существует, было бы неправильно, не по-хозяйски, не по-государственному. Их решения ждут миллионы пассажиров и более ста тысяч проводников.

...Обратный путь в Москву нам показался короче, может быть, потому что уже знакомой была дорога, люди, что вели нас по ней.

И вот уже потянулись московские пригороды, пахнуло в открытые окна запахом асфальта, бензина, строек, ворвались в вагон шумы города. Все кончается, кончается и дорога. Это была хорошая дорога. И нам по-настоящему хорошо ехалось. Была бы она всегда такой, я бы, наверное, ездил в поездах еще чаще.

И СНИЖИТСЯ ЗАКАТ У ЗАРЯ

ВЕЧЕР НА КАВЕ

Тихий пасмурный день похож на затянувшийся вечер. Так смиренно вокруг, что произнести слово среди покоя осеннего пространства кажется невозможным: странная уверенность, что звук человеческого голоса нарушит не столько тишину, но некую гармонию этой тишины... Даже ощущение времени смутное — словно всегда здесь было осеннее предвечерье и ты в нем, как часть его.

Смирилась природа перед близкой зимой. Притихшая, доживает свои дни в октябре покорно, словно уставший человек, безучастно ждет нового, от его воли не зависящего.

Зачастую и подолгу сеет с низкого неба сизая морось, застит пространство, и мир становится как бы меньше и уютнее. Серое, тягучее время, непрохожее, непроезжее. И удивительно хорошо в такую погоду посидеть у засыревшего окошка с книгой или так, без дела и дум, послушать дождик.

Но случается и в эту пору солнечный светлый день — словно улыбнется сквозь милую меланхолию природа, потеплеет ненадолго, а к вечеру на дворе снова сырой холод. Озябшая земля не берет в себя влагу, и она насыщает, студит недвижный воздух, разносит неуют и сиротливость по обмякшим пашням, потемневшим лощинам и пустынным долгим дорогам.

В солнечное утро с заиндевелого крыльца можно увидеть сверкающее серебро изморози, ровно покрывшей за ночь ломкие побеги озимых. — искрится, тая на солнце, затейный ковер, недолга его краса. Пойдешь луговойной — хрупают трава под сапогами, и жалко портить самотканый узор. А впереди горят, не сгорая, малиновым жаром поредевшие купы осин, светлит тропинки кленовый лист. Ясность в воздухе необыкновенная — неоглядна с высоко-го берега синь лесных далей. И вроде бы чуть томительно на душе. Отчего бы? Может, от невозможности охватить все это ни взглядом, ни сердцем, от вечного и несбыточного желания быть сразу везде.

Стою я на солнечном откосе и не чувствую себя ни творцом, ни создателем и уж никак не властелином, но счастливым свидетелем осенних дел природы, и не хочется брать у нее ничего, кроме впечатлений — вот их-то и ловишь, ждешь, как желанную милость и дар бесценный. Настроение совершенно созерцательное, и за него благодарен я этому дню.

Нет раздольной да неумной летней пышности в застывающей округе, другой красой полна осень — задумчивой, даже скорбной, и это сейчас близко сердцу. Верно, это в природе человеческой, ближе нам печали, чаще расстаемся: с людьми, иллюзиями, молодыми надеждами. И, может, потому с легкой грустью воспринимается нами осень — время урожая, время итогов и сожалений о несвершенном, время планов или успокоенности, у кого как. А несвершенного всегда больше, и растревоженный человек решает, что следующий год его жизни будет годом неустанным и подвижнического труда, обязательно праведного и нужного людям.

Я иду тихим лесом по гладко выстланной сосновыми иглами тропе и самонадеянно тешусь мыслью о взаимоприближении моего и леса состояний, и хочется подольше удержать в себе пришедшее душевное равновесие, и надо не спешить ни мыслью, ни взглядом, и надо по-пришвински присесть на мшистый, мягкий и сыроватый пенек и смотреть-любоваться, как падают в черную воду лесного озера невесомые листья, слушать колыбельную сыпучего дождика и думать неясно, забываясь, о чем-то простом и близком; а если повеет — мелькнет что-то детское, давнее-давнее: стал на мгновение дождиком, птицей... или согнутый лодочкой лист с задорно вздетым кривеньким че-

ренком представится корабликом с неизвестной жизнью.

Сырая тропа через мелколепье опушки спускается по кочковатому лугу к реке.

Ни журчания, ни всплеска.

Что-то новое в воздухе, не сырость, а вроде бы запах воды и трав речных, хотя глубокой осенью — какие у трав запахи...

Невидная, непроглядно позаросшая кугой, кувшинками, стрелолостом, а по берегам — путанным ивняком да частой черемухой и ольхой речка Кава мелка, маловодна, но я люблю ее за уютную скромность, за неповторимые картины излучий, за трудолюбие и возраст, хотя и свершалась ее жизнь без свидетельства, разума и посторонней воли.

За долгие века своего существования река Кава выточила по крутому изгибу в высоких известняках, ее окруживших, небольшой плес, но сама со временем отступила — где-то в верховьях на ее берегах вырубил человек лес для своей близкой нужды, и ушла ключевая и родниковая вода в недра, оголодала река, исхудала, плес обмелел, а потом и вовсе высох, порос травой, редким кустарником и превратился в прибрежный лужок, обрамленный лесистыми кручами, затихающей речкой и — по другой стороне — отвесной стеной обрыва с расслаивающимся белым камнем, с редкой березовой рощей по высокому краю. И никогда, даже в самую лютую непогоду, костер, здесь разведенный, не метался от беспорядочного ветра, а спокойно и ровно прогорал до жарких углей — всегда в этом месте сохраняется затишье, только поверху шумит тревогою лес да капли дождя то сонно, то порывисто стучат по крыше ольхового шалашика, что я соорудил недалеко от воды еще в конце лета — пружинистый пол из елового лапника, толстые стенки из слежавшихся веток хорошо держат тепло, между слоями их проложена полиэтиленовая пленка — никакой дождь не страшен. Есть тут у меня и стол из двух ящиков. В консервной банке огарок свечи с налившими вокруг фитиля комарами.

Я лежу на плахе у входа, посматриваю на костер, трепетные стебли голенастого тростника в речных струях, дымное небо, и вспоминаю с горечью в душе, другую реку: сильную, полноводную, лесную, но уже не существующую — большой город повернул ее с середины русла в свой канал и употребляет теперь для утоления хищной промышленной жажды, а запустевшее русло превращается в угрюмый овраг, с каждой весной все более голый.

Как мало находим мы времени для природы! Не всегда можно вот так просто и беззаботно отдать ей свои дни, не думая о несвершенном, не спеша в сутолоку и круговерть будней, а как вырвешься — тогда только и почувствуешь всем существом своим, как опрометчиво поступал, не прислушиваясь к ее вечному зову, отняв у себя собственную частицу свою, обделив себя неизбывной радостью единения с величием и покоем.

Как назвать то чувство, что пусть ненадолго, но неотвратимо наполняет нас при виде цветущей сирени, лесного безымянного ручейка, стремящегося, может быть, к океану, но и вполне самодостаточного в своей милой красоте... С чем сравнить приходящее в тебя чувство, когда на травяной и одноэтажной окраине города засмотришься вдруг на такую сирую, ничем вроде бы не приметную ромашку с обношенным в сентябре венчиком или улыбнешься веселой нарядности одуванчиков, так открыто и просто душою, так доверчиво, празднично расцветающих на весеннем склоне... Неизъяснимо оно, не найти этому чувству подобия, нет ему равного, никакая отрада не осветит так, не возвысит. В любой картине, во всяком штрихе природы заключен образ человека, образ его радости и печали, образ его судьбы и предназначения. По сути дела, куст похож на всё: на тень шатра, на грозный взрыв, на дельты рек, на луч, на колесо, но только его придется книзу; с ладонью сходен, сходен с

плотью всей, при беглом взгляде ленты вен мелькают...

На Каве вечереет. Становится зябко.

Я спускаюсь к воде, наполняю котелок и пристраиваю его среди лениво горящего костра. Снутри к стенке прилип бурый лист черемухи — пусть останется, может, чай будет иметь какой-то новый, необыкновенный аромат.

Ни звука, ни движения в округе.

Пухлое небо чернеет низкими тучами. Только маленькие беспризорные облачка истлевают розовым в невесть как пробиравшихся лучах, тускнеет с каждой минутой багровая полоса неба над зубчатой кромкой леса. Сквозь поредевший дождик еле различимы на другом берегу тонкие березы, что лепятся по каменистой осыпи. Темно и размыто высятся по горам лес.

Завтра мне уходить. Грустно думать о долгой разлуке со всем, что открылось здесь, став неотъемлемым.

Последняя ночь в ольховом шалашике, весеннее половодье смоеет мое сооружение без следа.

Но летом я построю новый шалаш. На этом же месте.

РОДНОЕ

...Птичка, самый малый, сел на верхинный палец самой высокой ели, и, видно, он там недаром сел, тоже славил зарю; клюв его маленький раскрывался, но песня не достигала земли, и по всему виду птички можно было понять: дело ее — славить, а не в том, чтобы песня достигала земли и славил птичку.

Михаил ПРИШВИН.
«Незабудки»

Редко мы бываем в родных местах, среди заповедных, тайных уголков своих, памятных маленькими открытиями. И зарастают в ожидании тропинки и поляны, мелеют ручьи, просто от старости мелеют, зарастают ольхою, ивняком частым да травой неведомой.

Иной раз чуть ли не годами собираешься посетить безвестную речку, где и был-то всего один день, или деревню, приглянувшуюся добрыми людьми и ясной красой округи. А ведь это все родное, любимое: и малого ручья слепящий блеск, и тенистый от нависших скальных берегов простор плеса реки, и многое другое, потаенное, пока не увиденное тобою. И с каждым годом все острее чувствуешь, как необходимы тебе эти посещения, и еще желаннее становятся ничем не приметные чуждому взгляду черты твоего леса, твоего окна в природу.

Отчетливо, до мелочей драгоценных, вспоминается: недвижная вода сонного плеса с куликом на песчаном островке; тропа среди ольшаника и березняка, каждым изгибом своим обещающая новое и не обманывающая никогда; тающий, прозрачный и как бы спешащий вдоль реки утренний туман, всплеск жереха и особенная тишина после; стогов содружество на прибрежной луговине; полный тайный ельный мрак на том берегу — и невыносимое желание переплыть туда в густой утренней воде, походить покосами и в неизвестном лесу. Даже сырой галечник, на котором стоял босой с рябиновой удочкой в руке, явственно ощущать ступнями, водоч забывшими прикосновение земли. А как хороши для беготни и хождения босиком после грозы продолговатые лужи на полянах и дорогах вдоль опушки — теплые, чистейшие, с нежным ласкающим травяным покровом на дне; ступишь на голый буторок — между пальцев, щекоча и завиваясь, вылезают глинистые полоски.

недаром самое древнее пророчество говорит: как только человек узнает, что движет звездами, жизнь на земле остановится; о любви же не сказано ничего, бессильна любая мудрость человеческая постигнуть ее.

Слово «лес» на меня действует магически.

Лес, лес, лес... Я могу заворочить этим словом сам себя. При одной только мысли о нем в воображении возникает цветной бесконечный фильм, и там в замедленном беспорядке, в прекрасном гармоническом беспорядке чередуются все времена года и бесконечные вариации и сочетания деревьев, кустарников, ручьев и дорог...

Моя память не хранит ясных картин грандиозных гор или моря, чужды мне и вызывают особую иррациональную скуку одиночества и заброшенности однообразные пространства большой воды, приятная красота юга кажется мне чрезмерной и не имеющей подобия в мире души человеческой,—грандиозное не пускает внутрь себя, оно высокомерно и отстраненно. Можно ли вообразить человека, объятого теплым и простым восторгом жизни, затерянного среди кремнистой пустыни под гробовым куполом ночи? Звезда говорит со звездой, а не с ним, сирым, и не ему внемлет пустыня, ему она угрожает.

Я люблю лес.

Я люблю лес, но мало знаю его. И, пожалуй, с трудом расскажу о свойствах вон той травы или повадках вот этой птицы; наверно, не вспомню, как именуется большинство растений и насекомых, не считая, конечно, всем известных. Но мне это незнание кажется неважным, да и в самом деле — оно легко поправимо.

Вский раз меня поражает другое: и себя чувствую в лесу иным.

Видимо, есть чувство поля, чувство реки, площади, базара и стадиона, но вот чувство леса — особенно родственное. Испытывал множество раз: выйдешь на опушку — и уже все другое в душе, и невозможно вспомнить, какой ты был минуту назад, о чем думал, пока был в лесу; шагнешь с опушки обратно — и снова какое-то колдовство, желанная ворожба... И оказывается — не в мыслях дело, их-то как раз нужно вызывать усилием.

Замечал еще, что по какой бы дороге ни шел, стоит оказаться в лесу или вблизи роши, и вот уже двигаешься медленно, медленнее, чем в поле, и тянет свернуть с тропы, — может быть, так же тянуло моего предка в потаенную спасительную глушь, но мне-то теперь от кого спастись? Может быть, красота желанная там, в чаще? Но только человеческое лицо обладает подлинной красотой. Так что же? Покой, согласие? Но трезвое размышление с грустью отвергает и это. Так почему же не устаешь всматриваться в зеленую глубину, вслушиваться, трогать и ласкать цветы и листья?..

Легкий доброжелательный укор есть в облике леса и спокойном призывном шуме его — словно покинутые мать и любимая в одном образе зовут вернуться.

Не изменился мой лес за год. Да и как увидишь, что прибавила сосна еще одно годовое кольцо, может быть, сотовое. Лес изменится, если ты не придешь к нему долго, но все равно будет легко узнаваем, как человек, близкий когда-то.

Не задержится взгляд с досадой и болью на ненужном, некрасивом или жестоком, не старение здесь, но обновление. И немолчный шум векового бора навевает несвязные размышления о давнем, прожитом навсегда, о самом добром и дорогом — мудрость красоты и жизни почувствуешь освеженной душой, убавится в сердце суеты и гордыни.

Уверенность вселяет лес. Покажется даже, что на земле стоять стал тверже — силы прибавилось.

Посветлеет внезапно ближе к полночи небо над зубчатым краем бора, багряно засветится — это всходит луна августа; взойдет она и сделает все кругом дивным, призрачным и даже слегка жутковатым.

Сверкает ледовая роса, шумит думный бор, ветер-вершинник сшибает шишки к замшелым корням; шорохи, шмыги какие-то там, в неведомых недрах, страшно одному пойти в полуночный бор, и хочется испытать себя. Но вот сидишь у тлеющего костра, и надежная палатка рядом, хотя тонкое полотно — какая защита от легшего или кижимор и шишиг лесных. «Говорит Москва...» — оживает транзистор в палатке, и замаявшийся на спиннинговой рыбалке товарищ показывает удивленное лицо в оконце и глядит, улыбаясь, на тебя ночного: «Все сидишь? Я тоже вот сейчас выйду посижу с тобой. Жалко спать, дома спать будем». А котелок наш приткнулся черно-бархатным своим бочком к головне; разольем по кружкам целительный чай из «матрешки» и будем разговаривать неспешно о делах наших завтрашних — грибных, рыбацких, походных.

Вот перебираешь в своей памяти какие-то странные, казалось бы, пустяки, и до забвения всего, до повторяющихся призывных снов, которыми живешь потом не один день, хочется повторить все снова, выкрасть хочется у прошлого хоть маленькую частичку действительности, и уже ускоряется жизнь, вся в праздничном ожидании, и удача в работе не покидает.

Побываешь в родных местах, и долго думается, что посчастливилось приметить нечто новое, которое ни ты раньше, ни другие, бывшие здесь до тебя, не увидели — не открылось им.

Да и в самом деле — разве были на свете где-нибудь два заката, две зари, похожие одна на другую; повторимы ли августовские туманы, живыми полосами кроющие кусты тальника в низинах и старницах; есть ли подобие любому лесному уголку, ветке, листику? Струи ручья ежемгновенно неповторимы; глянешь на облако через миг — и предыдущий облик его уже туманится иным; и разве не приворожит костер, не заколдует ночь сегодня, если насмотрелся шаманской игры огня и темноты накануне? И ночное небо в непостижимой и вечной красе и тайне только здесь такое высокое и звездное и не пугает своей бесконечностью, потому что и оно — часть тебя. А помнишь, как щемило восторгом сердце, когда в полуночном зените октября, расколов черный купол надвое, вспыхнул и растаял навсегда серебряный след метеорита над Черемуховой Долиной — и это знамение чудесным образом совпало с моими словами, и мои слова совпали с твоими, и это были лучшие слова из всех, что знают люди. Две тайны в вечную радость даны человеку: звездное небо над нами и любовь внутри нас,

Сколько сочетаний осенних тонов ждет нас за бесчисленными поворотами лесных дорог... Смотри с любовью, не торопись добыть и насытиться, не замыслий цели, и тогда откроется тайная красота этого мира.

Всматриваешься зимним днем в свое воспоминание и не можешь понять никак, отчего такая, казалось бы, незначительность, как разговор со случайным рыбаком, рано позолотившаяся береза над светлой протокой, полудночный восход багровой луны, делает тебя добрее, и жизнь ощутишь не только как вереницу забот, всегдашнюю череду неурядиц и несбывшихся желаний.

Повезло мне в эту осень: снова, после многолетнего перерыва, я был в своем лесу.

Вот и теперь, как и всегда раньше, стоило лишь оказаться среди дорогих сердцу мест, знакомых до бугорка на тропинке, до камушка на дне ручья, я радостно ощущал, как заполняет меня высокое чувство верности тропинкам этим, и ручью, и кусту калитки, осыпанному альм гарусом... Муравейник знакомый у тропы, все такой же маленький, как и несколько лет назад... Маломуравейск, а вот этого не было — значит, Новомуравейск. И вспоминаю: не забыть вечером, возвращаясь с рыбалки, положить формикам по паре плотвичек, пусть запасают и рыбки на зиму.

Целый день ходил я по лесу, спеша найти и залюбоваться осенним богатством знакомой рябины, спеша посмотреть — теплится ли еще жизнь в огромной, разбитой грозой березе. И медлил на опушках светлых, вдыхая сладкую горечь осеннего увядания. И основной бор встретил теми же запахами теплой хвои и старого пожара — так много прошло времени, но все еще видна обгоревшая кора у основания стволов, и подлесок пробивается робко, только дурман-багульник растет вовсю. Чист и прозрачен бор. Просвеченная косыми лучами закатного солнца, далеко просматривается анфилада золоченых стволов, и в глубине ее уже клубится сизо-перламутровый, умиротворяющий сумрак близкого вечера. И если пойти туда, в глушь берендееву, то скоро попадешь в старое болото, там мшистые кочки сплошь покрыты матово-красной клюквой.

Потом лес кончится.

И, поднявшись на холм, можно будет долго смотреть, как вечерет в полях.

На близком, целиком раскрывающемся небе медлит грозный в своем великолепии осенний закат. Среди его незаметно меняющихся нагромождений взгляд отличает окрашенные фуксином структуры небесных организмов, и червонные, цвета плавающего золота края трещин в темно-гуашевых облачных массивах, и гладкие эфирные мели, уходящие в небесную даль, и миражи райских островов с облачными кораблями на рейде... Искусно и причудливо небесные силы выстраивают закатную декорацию, и в какой-то счастливый момент почувствуешь себя не только участником этого дивного действия, но и творцом его.

...Все это я видел раньше, похуже испытывал, но по-прежнему замирает душа в восторге и благодарности, словно все впервые и не увидится мною никогда больше.

И не потому ли среди переполняющего восторга, тихой и глубокой радости, остро почувствуешь и жестокую несправедливость расставания. И так сильно захочется вобрать в себя, навсегда запомнить увиденное, все черты этого счастливого дня: запахи бора и солнечные блики на воде, тишина и звуки леса, движение вечерних облаков и полет птицы — все полно содержания и смысла.

И я знаю — вспомнившееся потом, в будущем моем неведомом, все это согрет в урочный час памятью о моей маленькой родине, и я снова пойду лесом, и меня будут ждать река и долина — потому что и я жду их, как слова и света.

ГЛИНКА

Однажды летом, в короткое июльское утро шел я по вытоптанной деревенским стадом околде к темнеющему сквозь туман лесу искать Глинку — так в округе называли местечко на реке Малой Коше, где в годы войны упали две бомбы, воронки от взрывов образовали небольшую, но «глубокую и гораздо рыбную омутину». Обрыв над омутком был текучий, глинистый, потому местечко и нарекли Глинкой. При всей простоте — «глинка» значит «маленький глинистый обрывчик» — название звучало нежно, ласково, словно придумал его любящий человек, о прозаической глине и не думалось.

В деревне говорили, что найти Глинку не так просто: «Ход туда вроде и не больно далекий, да не

всяк найдет, ходить стало некому, и по коряжинам все ноги изломаешь...» И это «не всяк найдет» особенно волновало своей старинной загадочностью, вспоминались бабушкины истории о заколдованных местах, где «водит»...

Расспросив дорогу у хозяйки (она дивилась моей настойчивости: «Дак чего тебе там, не знаю, медом мазано? Летось тоже вон спрашивал все, а сам не ходил. Какая там рыба, плотича, поди, одна и водится, да окуна с varejku»), я шел теперь искать затерянный в излучинах Малой Коши уголок.

Солнце, еще мутное и словно заспанное от неосевшего тумана, казалось, замерло в истоме полусна над крошкой дальнего леса.

Конечно, июльским утром нужно идти медленно, ничего не думать суетного, но только слушать и смотреть — пусть на сто раз знакомое — лес и утро всегда новы и благодатны.

Крупная роса дорого сверкала в неярких травах выгона — это серебристый налет на листочках растений делал водяные капли похожими на сверкающие зеркальные шарики. Редкая для июля холодная ночь подарила земле горсть драгоценностей.

Какой-то ранний человек звонко стучал по наковаленке — отбивал кобу; умелое эхо передразнивало в лесу. Изредка напористо и расторопно кричали по дворам на весь свет петухи.

Пройдя краем поля, я углубился в лес. Деревенские звуки стихли, мир вокруг постепенно наполнялся дивными и простыми признаками лесной жизни: прошелестел по верхинам утренник-ветер, дятел деловито стучнул несколько раз — мол, не позавтракать ли нам? Бездусные сороки принялись обсуждать меня с базарным азартом.

Я спустился в ложок к ручью и позавтракал хлебом и огурцом. Конечно, попил из родниковой ямки — на дне неумоимо плясал и крутился в ключевой струе белый песок. Поел, попил и пошел дальше.

Неотогравшиеся кузнечики, робко пострекочивая, вяло карабкались на мохнатые листья пушиц и стволы таволги; кое-как устроившись, они замирали для окончательного пробуждения.

Отрадно было лежать на берегу безмямного ручья, потом еле брести зарослями щедрого малиника, сырыми еще дугами по чуть заметной в разнотравье тропинке к неизвестному месту, где, сладко надеялся я, ждала меня маленькая тайна или новая радость.

Вскоре лес поредел, пошел сосновый да березовый подлесок. Тропинка потерялась среди плотного ковра тугих кустиков брусники, и, пройдя еще немного в теплом аромате трав и ягод редколесья, я неожиданно оказался на краю довольно крутого и высокого берега Малой Коши. Глина обрыва, мокрая и морщинистая от множества прорезавших ее повсюду ручейков грунтовой воды, причудливо блестя, вся как бы в ржаво-золотистых локонах. И было удивительно — как это оползни вовсе не стащили к воде искривленные худенькие березки, в беспорядке торчащие по склону.

Внизу, у самой воды, выселись старые ивы. Замшелые их корни и свисающие длинные ветви с подернутыми седной узкими листьями образовывали над изогнутыми стволами нечто вроде тенистой беседки, потаенного шалашика.

Пробравшись по очертенело заросшему крапивой овражку, я устроился на изгибе ствола. Размотал удочку, делая все как можно тише и осторожнее. Осмотрелся.

На другой стороне у самой воды стояла девочка в красном купальнике.

В такую рань!

В первое мгновение я настолько удивился, что от неожиданности чуть было не выдал себя словом или движением. Здесь, оказывается, еще кто-то, кроме меня, первооткрывателя! Вот тебе и потаенное место, которое «не всяк найдет»... Будешь знать, сентиментальный дядя, как носиться с бабушкиными сказками. Я хотел было вволю порадоваться счастливо найденному: облазить глухие уголки, найти гнездо и нору, обнаружить черные ямы с хищными окунищами — запомнить и сохранить все тутовые секреты и тайны, я хотел присвоить Глинку! И вдруг — какая-то тощенькая особа с облупившимся носом.

В одной руке она держала пруттик, которым чертила вокруг себя, из кулачка другой сыпалась на ее письмена пылящая струйка песка.

Угловатая, но стройная и в чем-то едва уловимом уже женственная фигурка, правильный, завершённый овал лица; скуластенькая, вздрагивающие высокие брови, спокойная улыбка... Весь ее облик, чем больше я всматривался, создавал неожиданное впечатление: внезапно и невесты почему стало ясно, что все здесь давным-давно принадлежит ей. Возникшие было сожаление и досада незаметно таяли, и вскоре я смотрел на нее как на неотъемлемую и естественную часть всего окружающего.

Резко швырнув пруттик в сторону, танцевальным

движением ноги смахнув с песка навсегда теперь пропавшее слово, она нетерпеливо крикнула, не оборачиваясь, словно обращалась к притаившемуся мне:

— Ну где ты там?!

Я как-то застеснялся и хотел уже вылезти из укрытия.

Но из кустов той стороны, потирая бедро, нарочито не спеша вышел на песок мальчишка с сердитым лицом. Был он гораздо меньше загорелый, не столь угловатый и тонкий, как его спутница. Черные волосы широкой прядью падали до самых глаз. В руке у него была полосатая сумка, из которой торчали ребристые зеленые ласты и до самой земли свисал край яркого полотенца.

Бросив сумку под ноги, мальчишка, продолжая потирать колено, осматривался.

Заложив руки за спину, девочка глядела на него. — Обжались весь... Завела куда-то, — с досадой пробубнил он. — Прямо настоящие дедри.

Она сорвалась с места, исчезла в кустах и вскоре уже стояла рядом, протягивая листок растения.

— Вот! На, возьми. Бери, бери, чего ты смотришь? Потри где обжались, и все пройдет.

— Да ла-анна, — протянул мальчишка в сторону. Однако листок взял, повертел, склонился на цельничу:

— И что? Женьшень, скажешь?

Потер коленку, бедро. Подождал. Удивленно хмыкнул: зуд, видимо, и вправду прошел.

— Ну ты вообще... Даешь! Что это за трава такая?

— Так тебе все сразу и скажи, хитренький какой, заслужить надо!

Девочка забежала в реку. Немного походила по мелководью. И вдруг, подняв ослепительную грядку брызг, где-то сбоку и снизу возникла трепетная радуга, понеслась вдоль берега, часто-часто, как мальчишка, работая локтями. Но, запутавшись в волнах и кувшинках, со смехом упала в воду. Выскочив на песок, она принялась прыгать на одной ноге, прикрыв ладошкой ухо.

— Ты, водица, не сиди, а наружу выходи, ты, водица...

Крутани головой, — серьезно сказал мальчик. — Резко крутани, вот так, смотри, покажу.

— А? И так ниче! В ухе тепло, значит, вытекла.

— Правильно, если горячо, значит, вытекла. Только надо говорить: в ушах, а не в ухе.

— Почему же это в ушах, если только в одном? Не-а, в ухе.

— Правильно — в ушах.

— Пра-виль-но — в ухе!

— В ушах.

— В ухе, в ухе!

— В ушах!

Она уселась рядом и, отдышавшись, тихо проговорила, глядя в небо:

— Тебе нравится здесь, а? — Рот у нее так и остался открыт.

— Ндравидца, — слегка язвительно отозвался он, предвзвительно выдержав гордую паузу. — Это и есть твоя... ну это, Глинка, что ли?

— Да, — чуть слышно произнесла, как выдохнула, девочка.

— А рыба тут водится, вот интересно.

— Ай, да смотри здесь как! — воскликнула она. — Я всю-всю речку знаю, так нигде-нигде больше нету! А сюда дороги никто, — она зажмурилась и замотала головой, — ага, вот в ушах тепло... Никто-никто не знает, одна только я знаю, а больше никто. Не веришь?

Я, невольный соглядатай сжался и покраснел: как бы исчезнуть отсюда?

— Здесь так здорово! — продолжала девочка. — Я всегда хожу сюда... купаться. И просто так. — Помолчав, она заговорила совсем тихо, положив подбородок на колени и сгребая ладонями песок к ногам:

— Я все хожу сюда, вот меня так и прозвали в деревне — Глинка. Это мама сначала: Глинка да Глинка, а после и все так стали. И в школе. А мне ниче так, нравится, — улыбнулась она просто и открыто, быстро глянув на мальчика. — А тебе? Нравится? Да? Нет? — Она спешила, она и не очень ждала ответов на свои торопливые вопросы, наверное, ей просто очень хотелось сказать, как-то выразить словами — какое же особенное доверие она оказывает, раскрывая свою тайну.

— Посмотри, посмотри же, как тут все... везде... Такое, я просто не могу! Представляешь, зимой... Или осенью! Вот это все желтое, красное... А там вот странно! Больше ели и вообще ужас какой-нибудь!

Должно быть, почувствовав необычность своего положения, мальчик насутился и посерьезнел.

А вокруг рдел и таял, замирал густым дурманным зноем июльский день.

Тусклой латуной поблескивала мокрая глина обрыва. Подвижные блестящие в прихотливых извилах ручейков перечеркивали ее рдяными штриха-

«ЖИВИ ЖИЗНЬЮ РАБОЧЕГО КЛАССА»

Одна из ярких страниц истории нашей Советской Родины — оборона Астрахани, участвовавшей которой была наша семья: мой отец Семен Захарович, заместитель председателя губисполкома, мои братья, сестры и я. Мне было 19 лет, когда после победы Октября меня избрали в состав губернской комиссии по организации Красной Армии. Время было тревожное. В августе 1918 года контрреволюционеры развернули подготовку к мятежу. 15 августа по городскому кремлю ударила пушка. Это был сигнал к мятежу. Базирующиеся группы с криками «Бей коммунистов!» ринулись к кремлю, губернскому комитету партии, к военкомату. Они захватили кремль и ряд государственных учреждений. Замучили и убили многих ответственных товарищей. Схватили моего отца и меня. Через весь город нас повели в кремль, чтобы там расстрелять. Я шел рядом с отцом, подним голову, и не чувствовал ударов конвоев, не слышал криков и проклятий. — Я был горд тем, что враги Советской власти считают меня большевиком. А о том, что нас ведут на расстрел, ни отец, ни я даже не думали и смерти не боялись...

Но вот и крепость. Ударами прикладов нас загнали в тюремную камеру. В ней было человек пятнадцать — двадцать. Наш большой друг Леонид Антонович Соснов, в прошлом старший унтер-офицер царской армии, член партии с 1917 года, обратился ко мне: «Вася, вы там в комиссии по организации Красной Армии хорошо подобрали текст клятвы молодого солдата. Она мне очень понравилась. Если поможешь наизусть, то прочти нам».

Я встал спиной к двери и, как бы вручая бойцу винтовку, патроны и солдатскую книжку, произнес клятву: «Солдат Красной Армии! Ты защитник интересов рабочих и беднейших крестьян, защитник юны поставленной Советской власти. Никогда не порывай живой связи со своим классом, живи жизнью рабочего класса, участвуя в его партии...»

Я вздрогнул, когда услышал тишое голоса заключенных большевиков, они вместе со мной повторили клятву. Ночь, проведенная в тюрьме, сделала меня большевиком на всю жизнь. Меня потрясли эти замечательные, необыкновенные люди, которые за несколько часов до расстрела совершенно не думали о смерти, не горевали о своей молодости. Нет! Они говорили о том, что не успели сделать, в чем ошиблись, что нужно было сделать, чтобы не допустить мятежа. Недаром большевиков называли твердокаменными. Да, это верно, они были истинными рыцарями революции. Говорили о завтрашнем дне, а на рассвете из камеры вышли Хакимова — члена земельного отдела, Хайруша — учителя, Барчука и еще двух других товарищей. Они не вернулись обратно: их расстреляли в подвалах крепости.

Трудно сказать, как обернулось бы дело, если бы в город в самый разгар мятежа не подоспел революционный полк имени Ленина, следовавший из Москвы на Кавказ для оказания помощи бакинским коммунистам. Действовал вместе с отрядами астраханских рабочих и военных моряков, полк разгромил мятежников, освободил узников из белогардейского тюрьма. Мятеж был подавлен.

28 августа 1918 года Астраханский горком партии большевиков направил В. И. Ленину следующую телеграмму: «Белогардейский мятеж подавлен при участии полка Вашего имени. Советская власть восстановлена». В октябре 1918 года я вступил в партию большевиков. Рекомендацию дали мне Сергей Миронович Киров, который был тогда председателем Военно-революционного комитета Астрахани, членом военного совета легендарной XI Красной Армии, и Надежда Николаевна Колесникова, бывшая председателем губернского комитета РКП(б) Астраханского края. И сейчас астраханцы не забывают нас — участников революционных событий. В дни, когда отмечалось 60-летие установления Советской власти в Астрахани, я получил телеграмму:

«В связи с шестидесятилетием установления Советской власти в Астрахани обком КПСС поздравляет Вас, активного участника этого исторического события. В грозные годы гражданской войны, в дни суровых испытаний в борьбе с прагами Октябрьской революции Вы находились в рядах стойких защитников трудового народа. Желаем Вам, Василию Семеновичу, доброго здоровья и личного счастья».

Василий ЖАДАЕВ,
член КПСС с 1918 года,
Москва

ИЗ ТРОФЕЙНЫХ ПУШЕК — ПО ВРАГУ!

В ноябре огненного 1942 года при контрнаступлении Красной Армии под Сталинградом в числе наших многочисленных трофеев оказались 88-миллиметровые зенитные пушки и свыше семи тысяч снарядов к ним. Трофейные пушки, отлитые на заводах Круша, стали грозным оружием против гитлеровцев в умелых руках командира батареи лейтенанта Макарова и командира взвода старшего сержанта Черняева. В первый же день были уничтожены десятки гитлеровцев, дзот и два блиндажа. На другой день — два дзота, а к вечеру подавлен огонь еще одной минометной батареи врага. Сержант Черняев, не жалея снарядов, обрушивал огонь трофейных пушек по обнаруженным целям, уничтожал и подавлял их. Командование и курсанты стрелкового полка, который поддерживала батарея, благодарили зенитчиков за помощь огнем. Вскоре лейтенант Макаров был переведен в другую часть, и все боевые заботы легли на плечи старшего сержанта.

В дни решающего разгрома окруженной группировки командир 7-го стрелкового корпуса генерал Горичев, находясь в боевых порядках корпуса, заехал к зенитчикам. Батарея вела сосредоточенный огонь по скоплениям пехоты и техники противника. Генералу понравилось, как «работали» трофейные пушки.

— Хорошо воюете, сержант, — похвалил генерал. — Всею личному составу батареи объявляю благодарность. Как только закончим разгром группировки Паулюса — всех к награде!

— Служу Советскому Союзу! — ответил Алексей Черняев.

В этот день Алексей обнаружил направление посадки и взлета вражеских самолетов. На командном пункте стрелкового полка сержант уточнил по карте место нахождения аэродрома, получил разрешение на его продолжительный обстрел. Батарея выпустила по цели более 400 снарядов. Вдруг горизонт, в направлении которого батарея вела огонь, озарился пламенем: это был взорван склад с горючим.

...Заканчивался январь 1943 года.

Веревками потянулись сторбленные, оборванные и обросшие штыковой гитлеровские военнопленные. Увидев немецкие пушки, они останавливались, из крикивая «Гитлер капут!», удивленно смотрели на русских ребят в подшубках, которые лихо и ловко делали свое солдатское дело возле немецких орудий, посылая немецкие снаряды в ту сторону, где последние группы фашистов еще продолжали сопротивляться. Завершились боевые дела под Сталинградом.

Генерал Горичев наградил всех зенитчиков батареи орденами и медалями. Алексей Черняев получил орден Красной Звезды и Почетную грамоту ЦК ВЛКСМ.

Прощаясь в феврале 1943 года с трофейными пушками, он не предполагал, что вновь встретится с ними. Однажды, уже после войны, демобилизованный Черняев был на выставке трофейного оружия в московском Парке культуры и отдыха имени А. М. Горького. Здесь он увидел две 88-миллиметровые немецкие зенитные пушки. Это были они. По хорошо знакомым ему зазубринам на станине и броневом щите он узнал их.

Экскурсовод, бойкая девушка в военной гимнастерке, только что демобилизованная из рядов Советской Армии, обратила внимание на человека, который по-хозяйски осматривал трофейные пушки.

— Что вы смотрите, молодой человек? — спросила экскурсовод.

— Смотрю на зазубрины, которые сделали мои боевые друзья, — ответил Черняев.

И он рассказал девушке, как в дни жестоких боев под Сталинградом после уничтожения минометной батареи противника кто-то из комсомольцев предложил отмечать каждый боевой успех зазубринами на станине и броневом щите.

Так произошла встреча сержанта Черняева с трофейными пушками, ставшими музейным экспонатом.

Сейчас бывший сержант Алексей Черняев занимает ответственную должность в Министерстве бытового обслуживания населения Российской Федерации.

Михаил САЛИКОВ,
бывший командир зенитной батареи
9-го Сталинградского Краснознаменного
корпуса ПВО,
Москва

ми. По другому берегу, в десятке шагов от воды, песок порос кустиками лопушистой мать-и-мачехи, крапивные джунгли поднимались неприступной ратью. Дальше, за слегка выгоревшей зеленью орешника, могуче и высоко по холмам темной глубиной зеленела густая хвоя елей, немой стражей высился бутристый лиственный лес. И казалось, что Глинка — это маленькое тайное озеро, бережно хранимое солнцем, летом и лесами для этой девочки с облупившимся носом и звонким именем — Глинка. Дивному этому совпадению я радовался и завидовал, завидую и сейчас...

Слева и справа от омутка за близкими излучинами еле угадывался говор перекаатов, неутомимых картавых говорунов.

У самого моего лица шевелились слабые, как русалочки волосы, ветви ивы. Солнце, пробиваясь сквозь нависшую стожком крону, пронизывало воду множеством тонких живых лучиков, в них суетились стайки юрких мальков, торкаясь губами в падающие мусоринки; я бросил им щепоть хлебных крошек — такая веселая возня поднялась! Оказывается, и мальки ведут себя, как куры: вот один упер здоровую крошку, остальные — за ним, отнимать, и свои крошки побросали.

Среди сиреневых цветочков частухи ерзала и крутилась на камне похожая на заводную раскрашенную игрушку вертялкав трясогозка.

Глинка и ее спутник молча лежали на краю берега.

Она, как дитя, сосредоточенно гребла песок себе на живот. Мальчишка, подложив два кулака под подбородок, думал. Наверное, о ней: как это вечно прыгающая и смешливая деревенская девочка с поцарапанными ногами знает что-то про реку и про такую траву, которая моментально помогает от крапивы... И что же она тут делает весной или зимой? И почему в деревне все так интересно, хотя ничего такого особенного вроде и нету?..

Может, от раздумий, а может быть, и так просто, мальчишка вздохнул, перевернулся на спину.

— Ты чего, а, Вов? Ну чего ты, а? — лукаво улыбаясь, живо спросила Глинка и чуть отодвинулась. Недолго помолчав, она осторожно, словно боясь ответа, произнесла: — А ты когда уедешь? Скоро теперь, да?

Мальчик приподнялся на локте, огляделся. Потом решительно встал, выхватил из сумки ласты — полотенце вывалилось и устроилось на песке огненным холмиком. Уселся вновь и заговорил громко и твердо, словно хотел, чтобы его услышал еще кто-то:

— Не уеду я теперь скоро. Вот увидишь. Не уеду. Не уеду, и все! До самой школы буду тут, у бабки. Пускай они сами едут в свои летние лагеря. — Пыхтя, он принялся натягивать ласты. — И не боюсь я никого, понятию тебе? Пусть попробуют! Вон бабушка всегда им говорит — в деревне лучше, а мама с батей одно и то же: режим, питание, игры, аттракционы... Мне этот ихний режим вот так дома надоел! Послеобеденный сон! — скривился, он так, словно этот невнятный послеобеденный сон был последней гадостью на свете. — На черта он мне сидит?

— Ой, не ругайся ты! — засмеялась и прикрыла руками лицо Глинка.

Мальчишка презрительно сплонул. Встал, попятился задом к воде.

— Не веришь? Не уеду. Вот увидишь. Поняла? Брось-ка там маску, в сумке. Ты когда-нибудь плавала с маской? Знаешь, как все отлично видно! Я тебя научу. Думаешь — уеду? Не веришь?

— Слабо! — подзаборила она.

— А спорим?

Разбросав песок, девочка вскочила на ноги, метнулась к воде, остановилась, прижав ладони к вспыхнувшим вдруг щекам, прыгнула обратно к ошеломленному мальчишке:

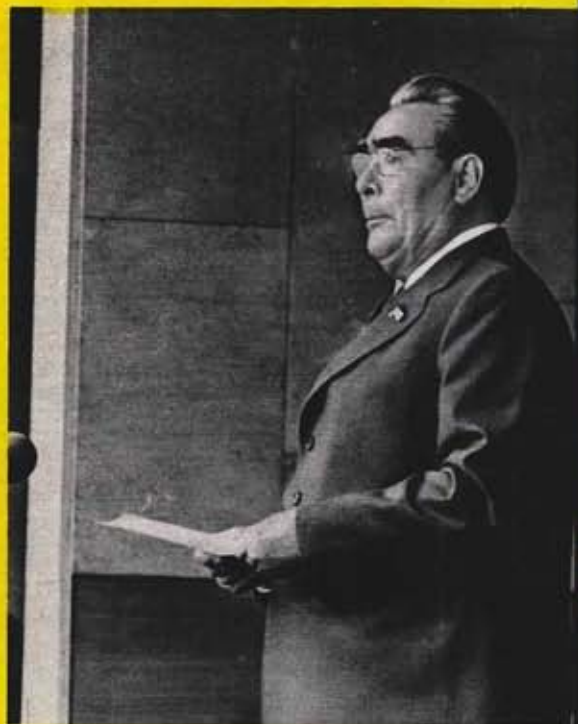
— Не уедешь? Поклялись, что не уедешь!

И, на секунду задержавшись, ткнулась выпяченными трубочкой губами куда-то в висок ему, неуклюжему, лаптоному.

И через мгновение она была уже в реке, и яркий купальник, светлые волосы и загорелые тонкие руки весело и беспощадно мелькали в сияющем фонтане солнца и воды.

Я тихонько выбрался в дремучий овражек, поднялся в лес. Шел и думал, как пройдут годы и повзрослевший мальчик вспомнит однажды о речке Малой Коше, о Глинке, о детской своей тайне, о полубытом летнем дне... И, может быть, расскажет об этом светоме другу, и приедут они весной сюда, к безвестной мелеющей речке, и посидят молча под черемухой на травяном берегу — взрослые и занятые, устроенные и обремененные. Посидят молча: все уже рассказано, и молчание это будет озарено самой светлой и дорогой памятью — памятью детства. И пусть тогда скажет один из них: «Интересно бы узнать, где сейчас Глинка... Какая она...»

ПРАЗДНИК, КОТОРЫЙ ОСТАЕТСЯ С НАМИ

Судьба Олимпиады подобна судьбам спортсменов: долго и терпеливо, не считаясь с силами и трудами, она готовится к сравнительно короткому отрезку времени, когда ей предстоит блеснуть талантами и достоинствами на аренах, распахнутых перед всем миром. Уходят спортсмены, отыграв свое, отпрыгав, отбегав, уходят и Олимпиады... Уходят, чтобы остаться, чтобы быть понятыми и осмысленными на все увеличивающемся временном расстоянии. Вы помните: «большое видится...». Конечно, вы помните. И вы вместе с нами задумываетесь, почему эта Олимпиада — первые летние Игры, проходившие в столице социалистического государства, — почему она стала именно такой? Что принесла она людям мира? И как она выглядит в контексте конкретной ситуации на нашей с вами, раздираемой тревогами и противоречиями, на жаждающей доброты и защиты маленькой Земле?

Роберт Джордано, тяжелоатлет (США): «Нам остается лишь с завистью следить через океан за спортивными баталиями, которые развернулись на чудесных стадионах, в спортивных залах, на водных дорожках Москвы.»

Спорт и политика... Обстоятельства, сопровождавшие Московскую Олимпиаду, заострили вопрос о соотношении этих двух понятий до крайнего предела. Нередко в полемическом азарте произносились слова: спорт и политика, мол, не имеют между собой ничего общего. Так ли это? Нам представляется куда более точной оценка человека, заслуги которого перед олимпийским движением велики и несомненны, — лорда Килланина. Открывая в Москве 83-ю сессию Международного олимпийского комитета, он упомянул «связь между спортом и политикой, которую никогда не отрицал». И прибавил к этому: «Проблемы возникают только тогда, когда спорт используется в качестве политического оружия».

Такое, как известно, имело место в период подготовки и проведения Олимпиады-80. Беспрецедентную в истории современного олимпийского движения антиолимпийскую кампанию развязала администрация Картера. Что говорить, жаль, что не увидели мы на стартах в Москве американских пловцов, японских гимнастов, легкоатлетов из ФРГ. Сочувствуем им. И дело не только в том, что пошли насмарку годы упорнейших тренировок. Куда печальнее для них, вероятно, то горькое чувство подневольного, вынужденного участия в нечистоплотной политической игре, целью которой было торпедировать Олимпиаду.

Сегодня, когда мы оглядываемся на радостные, заполненные впечатлениями дни Игр, как-то вроде и не верится, что целью стратегов антиолимпийского бойкота было отнюдь не то, что им с грехом пополам удалось, — добиться неучастия ряда стран. Замышлялось иное: вообще сорвать Московскую Олимпиаду, добиться ее отмены, лишить мир всего того, что было пережито в неповторимые олимпийские дни, и взвалить вину за горький вакуум на Советский Союз, страну — организатора Игр, вложившую чрезвычайно

Сергей ВИШНЯКОВ,
 Генрих ГУРКОВ
 Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ
 Специальные корреспонденты
 «Смены» на Играх XXII Олимпиады

много энергии, труда и средств в этот всемирный спортивный форум. Олимпиада вопреки всем расчетам Белого дома состоялась. И какая это была Олимпиада! 36 мировых, 74 олимпийских, 39 европейских рекордов. Сотни рекордов национальных. Полтора миллиарда телезрителей во всем мире с восхищением следили за незабываемыми событиями на аренах Московской Олимпиады. Золотые медали завоевали спортсмены 25 стран мира. Медали всех достоинств — атлеты 36 стран.

Роберт ван дер Валь, олимпийский чемпион по борьбе дзюдо в весовой категории до 95 килограммов (Бельгия): «Дворец спорта Лужников принес мне большое счастье... Это первое олимпийское золото Бельгии».

Сколько стоят Олимпиады? Вспоминается: по окончании XX, мюнхенских Игр была опубликована любопытная цифра. Подведя финансовый баланс Олимпиады, сопоставив расходы и доходы, представители оргкомитета сообщили, что Игры обошлись в... 39 пфеннигов. Арифметика весьма удобная. Непосвященные так и не узнали, сколько сотен миллионов марок переместилось из карманов тех, кто победнее, в сейфы тех, кто побогаче, и что именно укрыто за теми 39 пфеннигами, на которые не купишь даже стакан пива в самой дешевой из мюнхенских пивных...

Да возможно ли вообще просчитать стоимость Олимпиады? Обрела Москва превосходные спортивные сооружения, комфортабельные и так необходимые городу гостиницы, открыла новые уютные рестораны и кафе. Четырнадцать с половиной тысяч москвичей справят новоселье в тепер уже бывшей Олимпийской деревне... Как тут калькулировать чисто олимпийские расходы? В том же Мюнхене деся-

ЭТО БЫЛО В ЗЕНИТЕ МИНУВШЕГО ЛЕТА. МЫ ПРОЖИЛИ ШЕСТНАДЦАТЬ ФАНТАСТИЧЕСКИХ ОЛИМПИЙСКИХ ДНЕЙ, ШЕСТНАДЦАТЬ ДНЕЙ, ИСПОЛНЕННЫХ НЕОБЫЧАЙНОГО НАПРЯЖЕНИЯ. «БЫСТРЕЕ. ВЫШЕ. СИЛЬНЕЕ» — ЭТОТ ДРЕВНИЙ ОЛИМПИЙСКИЙ ДЕВИЗ ВОДУШЕВЛЯЛ В ТЕ ДНИ НЕ ТОЛЬКО АТЛЕТОВ ВСЕХ КОНТИНЕНТОВ, СОБРАВШИХСЯ ВМЕСТЕ ДЛЯ БЕСКОМПРОМИССНОЙ И БЛАГОРОДНОЙ СПОРТИВНОЙ БОРЬБЫ. БЫСТРЕЕ! — ЗВАЛ СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ ОЛИМПИЙСКИЙ РИТМ ЖИЗНИ ВСЕХ, КОГО ПРИВЛЕКАЛО ЗРЕЛИЩЕ СПОРТИВНЫХ СОСТЯЗАНИЙ. ВЫШЕ! — ВЗЫВАЛА К НАШИМ ЧУВСТВАМ ОЛИМПИАДА. СИЛЬНЕЕ! — ОЩУТИЛИ ВСЕ МЫ СЕБЯ, КОГДА ИГРЫ XXII ОЛИМПИАДЫ УШЛИ В ИСТОРИЮ СПОРТА, В ИСТОРИЮ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ, В ИСТОРИЮ УПРочЕНИЯ ДРУЖЕСКИХ СВЯЗЕЙ МИРОЛЮБИВОЙ МОЛОДЕЖИ ПЛАНЕТЫ.

тая часть расходов на строительство пришлось на самую дорогую, самую большую и самую, вероятно, непрактичную в мире крышу — смелую и сложную конструкцию, напоминающую издалека сказочного серебряного Змея Горыныча. Эффектно, слов нет. Но стонет с той поры мюнхенский муниципалитет, которому приходится эту крышу в порядке поддерживать... Строители комплексов Московской Олимпиады стремились не к экстравагантности, а к сочетанию эстетики и рациональности. Не на две недели Олимпиады, а на годы и десятилетия ориентировались те, кому уже сказали спасибо участники и гости Игр и кому еще многократно повторят это спасибо москвичи.

Сэр Денис Фоллоуз, президент Британской олимпийской ассоциации (Великобритания): «Огромная работа Оргкомитета, первоклассные спортивные сооружения, эрудированные, благожелательные зрители и звезды мирового спорта создали на Московской Олимпиаде прекрасную атмосферу праздника дружбы и спортивного сотрудничества».

«Молодежным спутником Олимпиады» окрестили журналисты Международный молодежный лагерь, бросивший в небо яркие флаги десятков стран-участниц, расцветивший спортивными и национальными костюмами площадки, аллеи, дорожки стадиона, всю живописно окаймленную березовой рощей и зелеными подмосковными лугами территорию. В центре, словно три огромных кирпичных паруса, поднимаются корпуса моноблока. А рядом — палаточный городок, неизменно шумный и оживленный.

...В спортзале — волейбольный матч. Играют мощно, гулко взрываются под сводами удары, взлетают высоко над сеткой руки блокирующих. Кто играет? «В той команде, справа», — поясняет Галя Карпова, сорудница пресс-центра, — два кубинца, наш парень из Волгограда, финн, ребята из Зимбабве и Сири. А в этой тоже кубинец, немец из ГДР, два венгра, кажется, один из Кувейта, а тот — мексиканец».

От ворот лагеря, раскинувшегося за олицей деревни Ивакино, что неподалеку от Химок, отходят автобусы. «№ 9 — на футбол, Большая спортивная арена, — объявляет через мегафон дежурный. — № 18 — на тяжелую атлетику, Дворец спорта «Измайлово», № 60 — на вечер балета, Большой театр...»

Спортивная и экскурсионная программа, которая была предложена гостям организаторами лагеря — а его проведение обеспечивал по заданию Оргкомитета «Олимпиада-80» Комитет молодежных организаций СССР, — заняла десятки страниц убористого текста. Большинство участников лагеря вперевые оказались в нашей стране. И они старались так поделить свое время, чтобы побывать не только на стадионах и в спортзалах, но и в музеях, театрах, на заводах, в совхозах. Олимпиада — это и праздник узнавания друг друга людьми и народами. Именно так! Конечно же, сувенирами молодежного лагеря становились пестрые матрешки и золотые хохломские росписи. И еще — книжки о Стране Советов. И еще — блокноты, густо исписанные торпливыми почерками на разных языках Земли...

Ник Пол, турист (США): «Я был ребенком, когда отец привел меня на первые Олимпийские игры современности в 1896 году в Афинах. У меня просто не было средств, чтобы побывать на всех Олимпиадах, но Московскую мне очень хотелось увидеть, и потому, несмотря на свой возраст, я совершила это путешествие из Нового Света в Старый... На меня произвели неизгладимое впечатление и Москва и сами соревнования, которые я наблюдаю здесь с утра до вечера».

То, что основателем олимпийского движения нового времени был французский общественный деятель барон Пьер де Кубертэн, известно каждому. Что же касается древних эллинских олимпиад, то тут вступают в силу легенды. Вот одна из них, наиболее, быть может, распространенная... Геракл, сын Зевса, уже младенцем проявивший незаурядные способности в своего рода «вольной борьбе», придумав пару заботливо подброшенных ему в колыбель змей, в дальнейшем совершил целый ряд подвигов, которые без особых натяжек можно было бы назвать спортивными. Вспомните о расправе Геракла с немейским львом, о схватке с Антеем... Осуществив очередной свой подвиг — расчистив изрядно замусоренные конюшни царя Авгия, — Геракл на радостях устроил для друзей праздник, в программу которого включил соревнования по бегу. И сам же их выиграл.

Но все же первым в истории олимпийским чемпи-

оном, имя которого было высечено на мраморной колонне, установленной на берегу реки Алфеи, стал Корэб, повар из Элиды, победивший в 776 году до нашей эры на стадионе в Олимпии в беге на 192 метра.

Нет незаполненных строчек в биографии Олимпиад нового времени — мы знаем, где и когда они проходили, знаем имена всех чемпионов, подробности состязаний. Игры I Олимпиады в Афинах с 6 по 15 апреля 1896 года — начало. Восемьдесят четыре года тому назад. В первом составе Международного олимпийского комитета, созданного Кубертэном, Россию представлял генерал Алексей Дмитриевич Бутовский, автор интересных и для своего времени весьма смелых теоретических работ по физическому воспитанию юношества. Бутовский восторженно поддерживал Кубертэна. «Идея международных игр, — писал он, — счастливая идея. Она отвечает насущной потребности современного человечества, потребности физического и нравственного возрождения молодого поколения».

В Олимпийских играх 1896 года в Афинах, 1900 года в Париже и 1904 года в Сент-Луисе спортсмены из России не участвовали. Впервые русские фамилии появились в протоколах лондонских Игр 1908 года. Их было пятеро, наших земляков. И они начали счет олимпийским наградам: Николай Коломенкин, выступивший под псевдонимом «Панин», стал первым русским — олимпийским чемпионом. Он победил в соревнованиях по фигурному катанию на коньках, включенному в программу III летней Олимпиады. Серебро завоевали борцы классического стиля Николай Орлов и Андрей Петров.

80 золотых, 69 серебряных, 46 бронзовых наград — так читается советская строка в олимпийской анкете 1980 года.

Вслед за нашей командой идут сборные ГДР (47 золотых, 37 серебряных и 42 бронзовых) и Болгарии (8, 16 и 17 медалей).

Стефан Малонга, член исполкома Международной ассоциации спортивной прессы (Конго): «За всю историю Олимпийских игр не было Оргкомитета, который бы так широко распахнул двери перед африканскими атлетами, желающими принять участие в Играх».

Мирус Ифтер, олимпийский чемпион в беге на 5000 и 10000 метров (Эфиопия): «Свою победу я посвящаю молодежи моей страны, моего континента, свободолобивой и миролюбивой молодежи всего мира».

Спортивное благородство — это выражение обрело на Олимпиаде вполне конкретный и наглядный смысл. Примеров поведения подлинно олимпийского тысяч. Не совсем олимпийского — единицы. Утверждаю это с полной убежденностью.

Матч Югославия — ЧССР. Неподалеку от вратарской площадки сборной Югославии упал игрок чехословацкой сборной. Он лежал тихо и, кажется, испытывал непереносимую муку. Судья в этом событии ничего трагического не усмотрел и медиков на поле не допустил. Игроку же он показал жестом — помощь окажут за пределами поля, выбирайся туда. И дал команду продолжить игру. Футболисты, окружившие упавшего, немедленно кинулись выполнять свои обязанности — слишком высока была цена победы в этом матче. Рядом оставались двое: лежащий чехословацкий игрок и югославский вратарь. К этому моменту сборная Югославии уже проигрывала со счетом 2:0, стало быть, именно голкипер Югославии с горьким чувством вины и беды дважды достал мяч из сетки своих ворот. Впору ему было бы испытать немалую злость на соперников. Но он испытующе внимательно смотрел на упавшего. Ему больно? Ему больно! И тогда вратарь покинул свой пост, подошел к чехословацкому футболисту, поднял его на руки и отнес за кромку поля, где и сдал неравнодушным врачам. Телекомментатор Котэ Махарадзе, чей горячий южный темперамент известен любителям футбола, глядя на происшедшее, воскликнул: «Вот оно — спортивное благородство! Истинное проявление олимпийского духа!»

Сара Симеони, олимпийская чемпионка по прыжкам в высоту (Италия): «Прыгнув на 197 сантиметров и обеспечив себе первое место, я расслабилась. А успокаивала меня Роземари Аккерман из ГДР, олимпийская чемпионка Монреаля. Будь я зрителем, болела бы за нее. Ах, какая замечательная спортсменка!»

Комплимент жрецам статистики! Какими только данными не снабжали они журналистов! Пролетавшие пресс-релизы, оперативно издававшиеся на нескольких языках пресс-центром Олимпиады-80, можно бы-

ло обнаружить не только исчерпывающую информацию о ходе Игр, но и обрести те самые «изюминки», без которых пресны и скучны любые спортивные отчеты. Ну, например, известно ли вам, как звучит фамилия, самая распространенная среди спортсменов — участников Олимпиады? Гонсалес. Девятнадцать Гонсалесов принимали участие в Играх — девять с Кубы, три из Мексики, пять из Испании и по одному из Франции и Колумбии. Пятнадцать спортсменов и спортсменов носили фамилию Ким — четырнадцать из КНДР и одна из СССР, кто именно, напоминать не приходится, конечно же, милая и скромная наша «королева гимнастики»... Из Индии, Великобритании и Танзании приехали в Москву четырнадцать Сингхов, из Социалистической Республики Вьетнам — двенадцать Нгуенов. А вот тех атлетов, кто откликнулся на самую вроде бы распространенную русскую фамилию Иванов, оказалось всего восемь. Притом в советской команде — один, остальные из Болгарии...

Превзошло себя телевидение. Фундаментальность блистательно сочеталась с фантазией, информативность — с артистичностью рассказа. Камеры, казалось, были всюду, успевали разглядеть все. И вот что особенно важно, на наш взгляд, не забывая о «технологии», так сказать, большого спорта, наше внимание постоянно концентрировали на человеке. Нам предлагали всмотреться в лицо, заглянуть в глаза спортсмену, постичь его состояние, задуматься над этим, себя с происходящим соразмерить, соотнести.

Необычайно весомой была в те дни каждая минута эфирного времени — слишком много всего происходило. Но телевизионные режиссеры проявляли порою неожиданную обстоятельность, показывая, к примеру, боксерские поединки. Вот вроде бы бой окончился, можно переключить внимание зрителей на события в другом виде спорта, но камера не отпускает стоящих посреди ринга трех людей: рефери в элегантном костюме с бабочкой и боксеров-соперников, которых он держит за руки, словно нашаливших мальчишек. Но не мальчишеским, но беззаботным взглядом смотрят перед собою эти и в самом деле молодые люди. На их лицах тревога и надежда, печаль и радость — как много, оказывается, может просечь молчаливая телекамера на этих истоптанных кулаками, обугленных внутренним жаром, пострадавших и страдающих лицах!

Возвращаясь к финансовым балансам: как оценить те уроки мужества и благородства, которые миллионам людей дала Олимпиада благодаря умной и самоотверженной работе наших товарищей и коллег с телевидения?

Олимпиада... Слава рекордам, честь и хвала рекордсменам, но мы все были свидетелями, как расшифровывался в буднях московских Игр высокий олимпийский тезис: «Главное — участвовать». Спортсмен — это прежде всего человек, а не механизм для сотворения рекордов. И удивительно точно и тактично реагировал зритель не только на победу, но и на поражение. Поражение поражению рознь, и были такие ситуации — многократно! — когда трибуны горячо и убежденно аплодировали не результату, а силе человеческого духа, тому, как вел себя в борьбе спортсмен.

...Чествовали победителей труднейшего, героического вида спорта — марафона. Цирпинский из ГДР, голландец Нойбург и наш Джуманазаров получили уже свои медали и, счастливо улыбаясь, махали трибунам. И в это время на беговой дорожке появились еще два марафонца. Они шли нога в ногу, на расстоянии метра друг от друга. И когда приблизились к финишной прямой, вдруг, словно забыв, что за плечами 42 километра пути, понеслись со спринтерской скоростью. За какое место боролись они? Сейчас и не скажешь. За двадцатое? Или за тридцатое? Овацией встретил стадион этот спортивный подвиг, который не оставил приметного следа в протоколах соревнований, но который не забудут все, кто видел его.

Олимпиаду в прокрустово ложе арифметики никак не уложишь — уж если и измерять ее последствия, то по законам особой, высшей математики. Кто скажет, сколько мальчишек и девчонок, которым посчастливилось окупиться в неповторимую атмосферу Игр, поступчатся в спортивные школы и секции? Не будем рваться в пророки, но с полной убежденностью предскажем: эхо Олимпийских игр весомо и радостно прозвучит на стартах комплекса ГТО. А какими суммами измеряется самое ценное, чем располагает любая страна, — здоровье народа?

Себастьян Коз, чемпион Олимпиады в беге на 1500 метров и серебряный призер в беге на 800 метров (Великобритания): «Зрители, собравшиеся на трибунах, — тонкие знатоки легкой атлетики, хорошо разбираются в перипетиях соперничества на беговой

дорожке. Дружно болеют за всех. В такой благожелательной атмосфере выступать легко».

Какой смысл рассказывать о церемониях открытия и закрытия Игр XXII Олимпиады? Во-первых, эти уникальные зрелища видела почти вся планета, а могла бы видеть не «почти», а просто вся, если бы иные западные телекомпании не пошли на поводу у администрации Белого дома, истерично требовавшей бойкота Московских Игр. Любопытно, что по ходу дела некоторые из поставщиков телевизионного изображения вынуждены были увеличить время олимпийских трансляций, понимая, что ни в чем не повинные болельщики их стран никогда не простят им столь скудного «пайка» крупнейших спортивных соревнований четырехлетия.

И во-вторых, не стоит, наверное, возвращаться ко всем деталям происходившего в эти два вечера на Большой спортивной арене Лужников еще и потому, что невозможно просто все это ни рассказать, ни описать. Имевший глаза и телевизор увидел. Лишь одну подробность открытия хочется вспомнить, тем более, что операторы телевидения зачехлили к этому моменту свои камеры.

...Гигантская чаша Центрального стадиона имени В. И. Ленина постепенно стала пустеть. Мы вышли на крыльцо того сектора, откуда смотрели церемонии открытия, и глазам нашим предстало нечто поразительное. Все те, кто в разные моменты торжества, строго следуя четкому сценарию, предписанному Олимпийской хартией, появлялся на арене и покидал ее, смешались теперь в одно огромное людское море. Взволнованные, глубоко растроганные апофеозом олимпийского духа, они, а вернее сказать, мы все почувствовали себя воистину единой олимпийской семьей. Спортсмены разных стран в костюмах сдержанно-благородных и экзотически-ярких, зрители, нарядившиеся так празднично, как только можно было теплым летним днем, юные гимнастки и гимнасты, выступавшие только что в лаконичнейших спортивных одеяниях, танцоры и танцовщицы, приехавшие в нашу столицу из всех республик страны в своих национальных платьях, иностранные туристы, увешанные фотоаппаратами и кинокамерами, — все они, многие тысячи людей, создали в эти минуты поразительный человеческий сплав. И главным качеством этого сплава стала искренняя, живая, веселая доброжелательность.

Вот группа экспансивных англичан, увидев рядом русских красавиц в кокошниках и бравых парней в алых шелковых шароварах, снова, уже в который раз принялась аллодировать. А вот какой-то туркменский юноша, столкнувшись нос к носу с прославленным кубинским боксером Теофило Стивенсоном, начал в полном восторге кидать в небо свою мохнатую папаху. А вот две девочки в лимонно-желтых купальниках, делавших их неотразимо похожими на цыплят, помчались по краю толпы к киоску, где продают мороженое, и взрослые, нежно улыбаясь, сдвинулись в сторону — пусть бегут, лишь бы не простудились.

Никто не спешил ко входу в метро, никто никуда не опаздывал. Блюстители порядка, выстроившиеся шпалерами по пути следования этой благодушной демонстрации, тоже демонстрировали олимпийское спокойствие. К слову сказать, на некоторых прежних Играх объявлялось самоодовольно и гораздо раньше времени, что это будет «олимпиада улыбок», а между тем происходили события, от которых никак не хотелось улыбаться. Наши хранители общественного спокойствия были скромнее — гарантировали лишь то, что исполнят свой долг. Этого оказалось достаточно, чтобы не случилось никаких импортных неприятностей, хотя намерения такого рода, несомненно, имелись. Праздничная толпа шла, улыбаясь и беседуя, и знала: все хорошо!

Открытие — это был праздник, так много обещавший и, как все убедились, свои обещания сдержавший. А закрытие... Закрытие не лишено было оттенка печали, грустного привкуса прощания. Семейей олимпийской мы стали, лишь когда выходили со стадиона после открытия. А на закрытие мы уже шли на стадион олимпийской семьей. И как приятно было узнать, что хартия, свод принципов олимпизма, предвидела такую метаморфозу в сердцах людей, поскольку именно этот документ предписывал спортсменам на открытии проходить перед трибунами в составе своих национальных делегаций, а на закрытии — в едином строю, общей колонной, олимпийской семьей.

И когда лукавый наш Миша, симпатичный русский медвежонок, появившийся на «живой картинке» художественного фона, уронил слезу, многие резко, на вздохнули, ощутив в горле комочек. Мы возвращались со стадиона. Все было кончено. И вдруг услышали, как огненно-рыжий парнишка сказал своему отцу: «А хорошо бы он к нам во двор приземлился — ну, Миша, тот, который в небо улетел!» Не огорчайся, этот Миша теперь всегда будет с тобой.

Коллективный критический анализ: работа в тягость, работа в радость

После выступлений «Смены»

«ВОКРУГ КОНФЛИКТА»

Гомельский обком ЛКСМ Белоруссии внимательно изучил вопросы, затронутые журналом «Смена» в статье «Вокруг конфликта», опубликованной в № 10. Журнал своевременно и правильно рассмотрел актуальные вопросы, связанные с качеством выпускаемой продукции и соблюдением технологической дисциплины.

Факты, отмеченные автором, действительно имели место. Вопросы качества, трудовой дисциплины, работы с новичками и недостатки во внутрисоюзной жизни комсомольской организации рассмотрены на заседании комитета комсомола производственного швейного объединения «Коминтерн», данный вопрос обсужден в цеховых комсомольских организациях. Принципиальный разговор состоялся на бюро Центрального РК ЛКСМБ г. Гомеля, отчет секретаря комитета комсомола был заслушан на заседании отдела рабочей и сельской молодежи.

Партком, профком совместно с комсомольской организацией объединения разработали конкретные мероприятия, направленные на улучшение качества выпускаемой продукции.

Созданы комсомольские посты качества на участках с наибольшим процентом недоброкачественной продукции, всего их действует 82.

На предприятии внедрен четырехступенчатый контроль качества. В г. Жлобине (филиал № 4 объединения «Коминтерн») создана сквозная бригада отличного качества по пошиву детских шерстяных костюмов. В настоящее время на государственной Знак качества представлено 20 моделей, 17 из них аттестовано. Предприятием выпущено продукции со Знаком качества на значительную сумму.

Намечены и некоторые другие изменения. В первом квартале 1981 года должно начаться строительство общежития на 500 мест, запланировано строительство профилактория.

**В. ДОВИДОВИЧ,
секретарь Гомельского
обкома ЛКСМ Белоруссии**

Статья «Вокруг конфликта», опубликованная в № 10 «Смены», обсуждена в коллективе гомельского производственного швейного объединения «Коминтерн» на комсомольских и профсоюзных собраниях; намечены мероприятия по устранению отмеченных недостатков.

В связи с тем, что статья вызвана результатами проверки качества продукции объединения, в разработанных мероприятиях большое внимание уделено улучшению качества, совершенствованию систем контроля. С целью улучшения качества продукции на предприятии внедрен четырехступенчатый контроль.

Для повышения ответственности каждого исполнителя за качество выполняемой им работы разработано положение и составлен план мероприятий по переводу бригад на самокон-

троль согласно стандарту предприятия.

Проведена работа по переводу бригад на самоконтроль качества выпускаемой продукции. Выдана доверенность на право самостоятельного определения сортности готовой продукции коллективу производственного участка филиала № 2 мастера М. И. Осовской, достигшего высокого качества труда. В настоящее время проводится работа по переводу на самоконтроль коллектива бригады филиала № 3 по пошиву мужских брюк.

Как отмечалось в статье «Вокруг конфликта», организованная сквозная бригада по пошиву мужских костюмов в составе 520 рабочих-сдельщиков (численность 1980 г.) трудноуправляема. Проведена работа по организации сквозных бригад с охватом меньшего количества работающих, бригад пошивочного звена с законченным циклом производства.

В настоящее время администрацией объединения, профсоюзным комитетом уделяется большое внимание решению социальных вопросов. В 1980 году Минлеспромом БССР выделены и уже освоены средства на проектирование молодежного общежития на 500 мест. Решен вопрос с отводом площадки под общежитие, строительство которого запланировано на 1981 год. Объединению выделены также средства на 1981 год для строительства жилья, а УКСом горисполкома г. Гомеля эти средства приняты к освоению.

Удовлетворена просьба коллектива предприятия об увеличении жилищного строительства. Так, на 1980 год главному предприятию объединения выделено 870 квадратных метров жилищной площади, что на 250 квадратных метров больше по сравнению с 1979 годом.

Партийный комитет оказал практическую помощь в деятельности комитета комсомола, в частности в усилении воспитательной работы с молодыми рабочими, а также в повышении их ответственности за честь фабричной марки.

В каждом цехе созданы и работают цеховые штабы качества, которые организуют и контролируют работу комсомольских постов, периодически заслушивают их работу, проводят рейды, массовые проверки.

В бригадных комсомольских группах организуются комсомольские посты качества. Комсомольский пост создается на участке с наибольшим процентом выпуска недоброкачественной продукции. В его состав входят молодые рабочие, контролеры. Всего в объединении действует 82 комсомольских поста качества. Материалы рейдов широко освещаются в регулярном выпуске «Комсомольских профкаторов».

Комсомольцы и молодежь объединения принимают активное участие в конкурсах рабочего мастерства. Комсомольцы В. Ф. Малицкая, Н. П. Казимирова стали победителями республиканских конкурсов рабочего мастерства, а комсомолка Н. Н. Лашицкая заняла второе место на межреспубликанском конкурсе, прошедшем в Вильносе.

Эффективной формой участия комсомольцев и молодежи в социалистическом соревновании являются комсомольско-молодежные коллективы. 17 таких коллективов создано на головном предприятии.

В результате осуществления инженерных мероприятий, а также организационно-массовой и воспитательной работы повысился технический уровень продукции. Государственным Знаком качества в первом полугодии аттестовано 17 моделей костюмов.

**З. СУХАНОВА,
главный инженер
объединения «Коминтерн»**

Край

В центре России, между Москвой и Ленинградом, есть край глубокой, нетронутой тишины. Среди холмов, блестя на солнце, лежат бесконечные голубые плесы. Безмолвие. Зеркальная гладь. Покой. Если подняться на один из холмов, можно увидеть множество островов, палаточные городки, пляжи под кронами осен.

Курорт «Селигер». Так с недавнего времени называется весь этот край. Главный среднерусский курорт, раскинувшийся на берегах озера, которое по праву стоит в ряду самых живописных озер Европы — таких, как Женевское, Балатон, Лаго-Маджоре.

Для новичка Селигер — это лабиринт многочисленных плесов, протоков, заводей. На плесах Селигера более ста пятидесяти островов. Лесных, дремучих, с жильем на берегу. Совсем маленьких, на которых едва уместится палатка. С каждым островом связана какая-нибудь история. Кличен, Разбойник, Журавка, Колодный, Чайка. Не зная дороги, среди них легко заблудиться, но вообще в плавании они очень удобны: переночевать, переждать бурю, позагорать на песочке посреди озера.

Из окрестных лесов в Селигер впадает множество речек: Сиговка, Сабринка, Близна, Глубочица... Есть на Селигере и внутренние реки, связывающие отдельные плесы озера: Непри, Полоновка, Княжа.

По берегам Селигера, по всей более чем пятисоткилометровой береговой линии синееют сосновые боры. Дальше, вглубь, пойдут ельники и березняки, заросли ивы, ольхи, черемухи, но вдоль воды широкой стеной в несколько километров, освещая озеро теплым, ясным светом, почти везде стоят сосняки. На холмах и возвышенностях в этом лесу растут вереск и можжевельник, на сухих равнинах — подлесок рябины с мхом и брусникой, во влажных низинах — заросли багульника, кукушкина льна, черники...

Богата и интересна история этого древнего края. На берегах озера, почти на каждом плесе виднеются памятники архитектуры, курганы, городища, волоки. Здесь пролегал водный путь с Балтики на Каспий, по которому на

УТРЕННЕЕ СОЛНЦЕ ВЫЗОЛОТИЛО ДЕРЕВНЮ ЗАЛУЧЬЕ.

протяжении веков ходили новгородские торговые караваны. Первыми, еще в незапамятные времена, этот путь открыли древние финны. Полученное от них имя и носит до сих пор Селигер: «Озеро на волоке».

С именем каждого города невольно связан какой-нибудь образ. Мелодия. Воспоминание, навсегда запавшее в душу.

При имени Осташкова видишь большое озеро. Солнечный день. Водную гладь. Белые дома на берегу. Белые теплоходы.

Приезжать в Осташков надо, конечно, летом. Садиться на теплоход, забывать обо всем на свете и долго плыть по озеру. Здесь, на озере, в душе наступают покой и ясность.

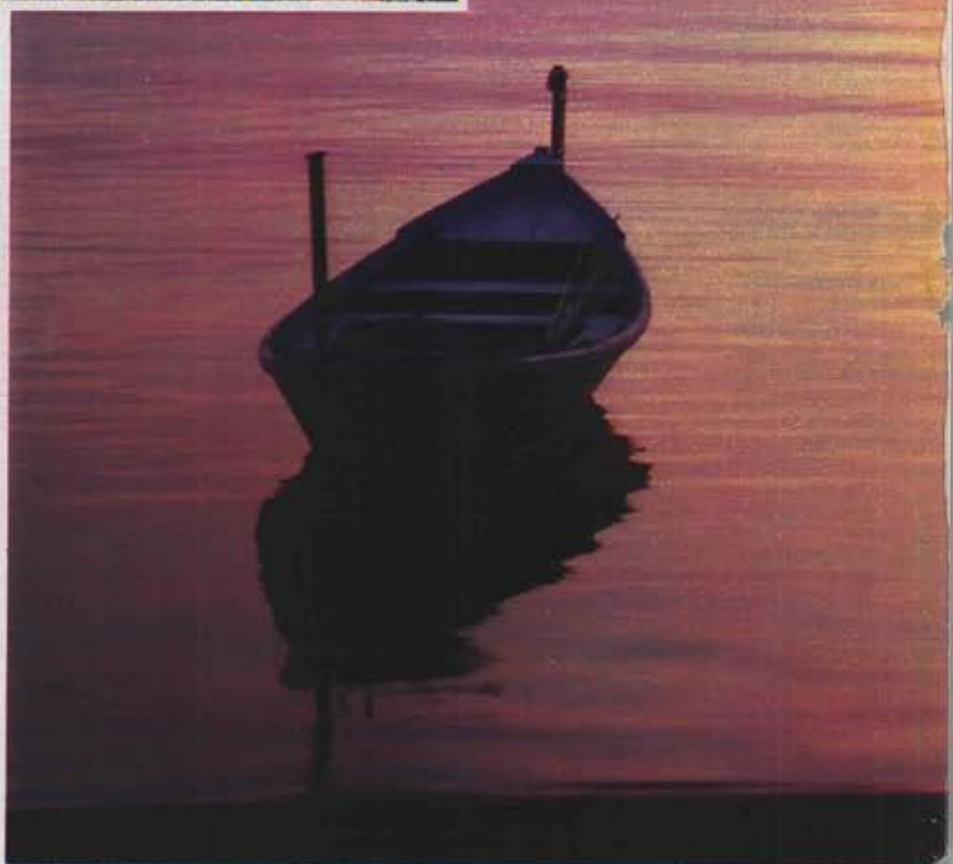
В таком настроении хорошо сойти с теплохода, оказаться меж белых отраженных в воде домов. В первые минуты Осташков покажется как бы продолжением озера. Тишина. Песчаные берега. Плеск волн. От озера начнутся все набережные, улицы, переулки этого города.

Отсюда, с озера, начинается и его история. По преданию, на краешке мыса, на узком наволоке между водой и лесом, возникла первая изба, которую поставил основатель города рыбак Евстафий Осташко. Рядом с ним поселился второй рыбак, Тимофей. Так на озере появились две маленькие деревни — Осташковская и Тимофеевская. Было это в самом конце XIV века.

Но первый город на месте нынешнего Осташкова, хотя и с другим названием, возник гораздо раньше, историки называют таким городом Кличен. На острове Кличен рядом с Осташковым сохранились следы этого древнего города, который упоминается в «Списке русских городов», составленном в XIII веке.

Мало того, некоторые свидетельства уводят нас еще дальше. На южной окраине Осташкова, у деревни Верхние Рудины, есть любопытное место. Здесь, на берегу Селигера, на сужении водного пути, заметны остатки холма. Это — древнее городище. В

**И НА ВОДНОМ ПУТИ
ЕСТЬ СВОИ «СВЕТОФОРЫ».**

**ДЛЯ ИХТИОЛОГОВ СЕЛИГЕР —
БОГАТЕЙШАЯ НАУЧНО-
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ БАЗА.**

**ОТСЮДА БЕРЕТ НАЧАЛО
ВОЛГА-МАТУШКА.**

ЧТО Я ЗОВУ СВОЕЙ СУДЬБОЙ

прошлом веке археологи вели тут раскопки. По их мнению, на холме стоял город Жабачев, сожженный татарами.

Темные, неясные воспоминания об этом древнейшем городе держались в народе упорно. Если вспомнить, что весной 1238 года по берегам Селигера, как пожар, прошла Батыева рать, в исчезновении городов, стоявших на «серегерском пути», нет ничего удивительного. Но есть ли какие-то упоминания о существовании города Жабачева?

Оказывается, есть. В «Уставной грамоте», составленной в 1150 году, при смоленском князе Ростиславе Метиславовиче, перечисляются города и селения по берегам Днепра, Западной Двины, Волги и Селигера. Там говорится и о Жабачеве — предке нынешнего Осташкова.

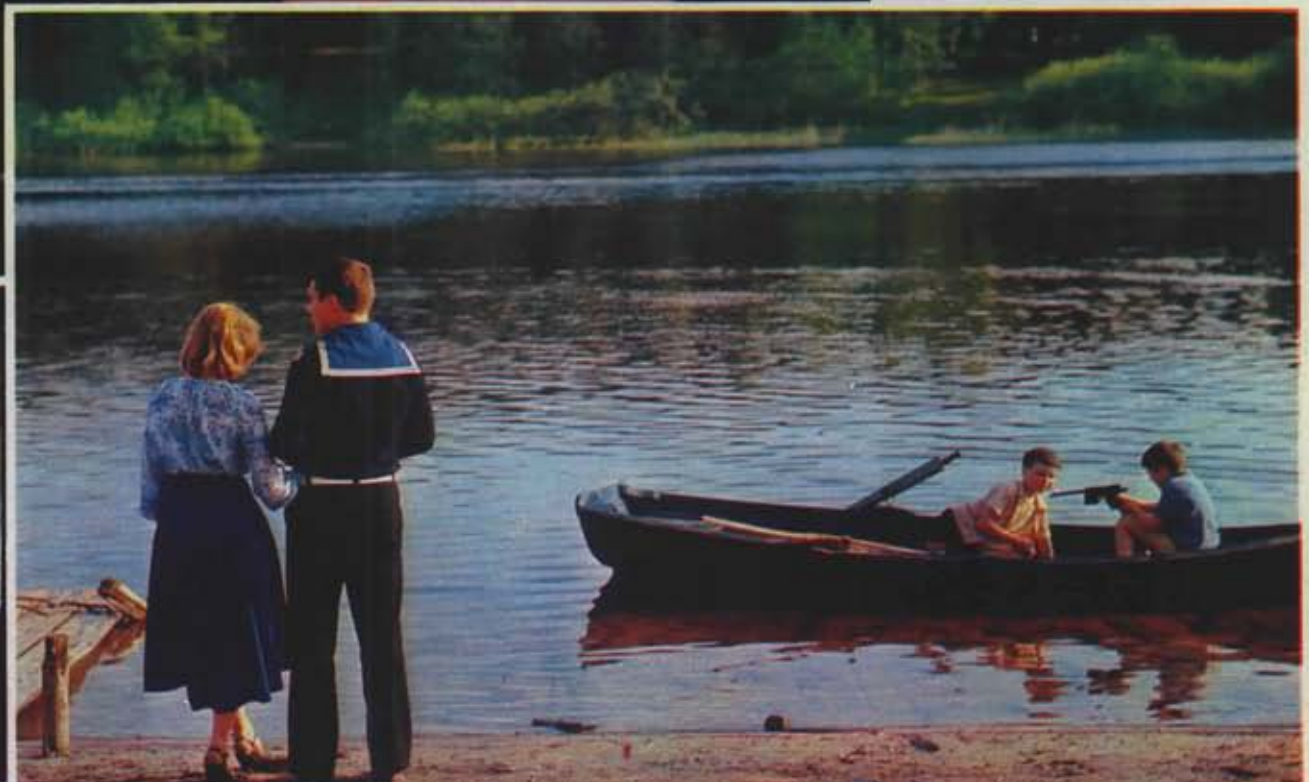
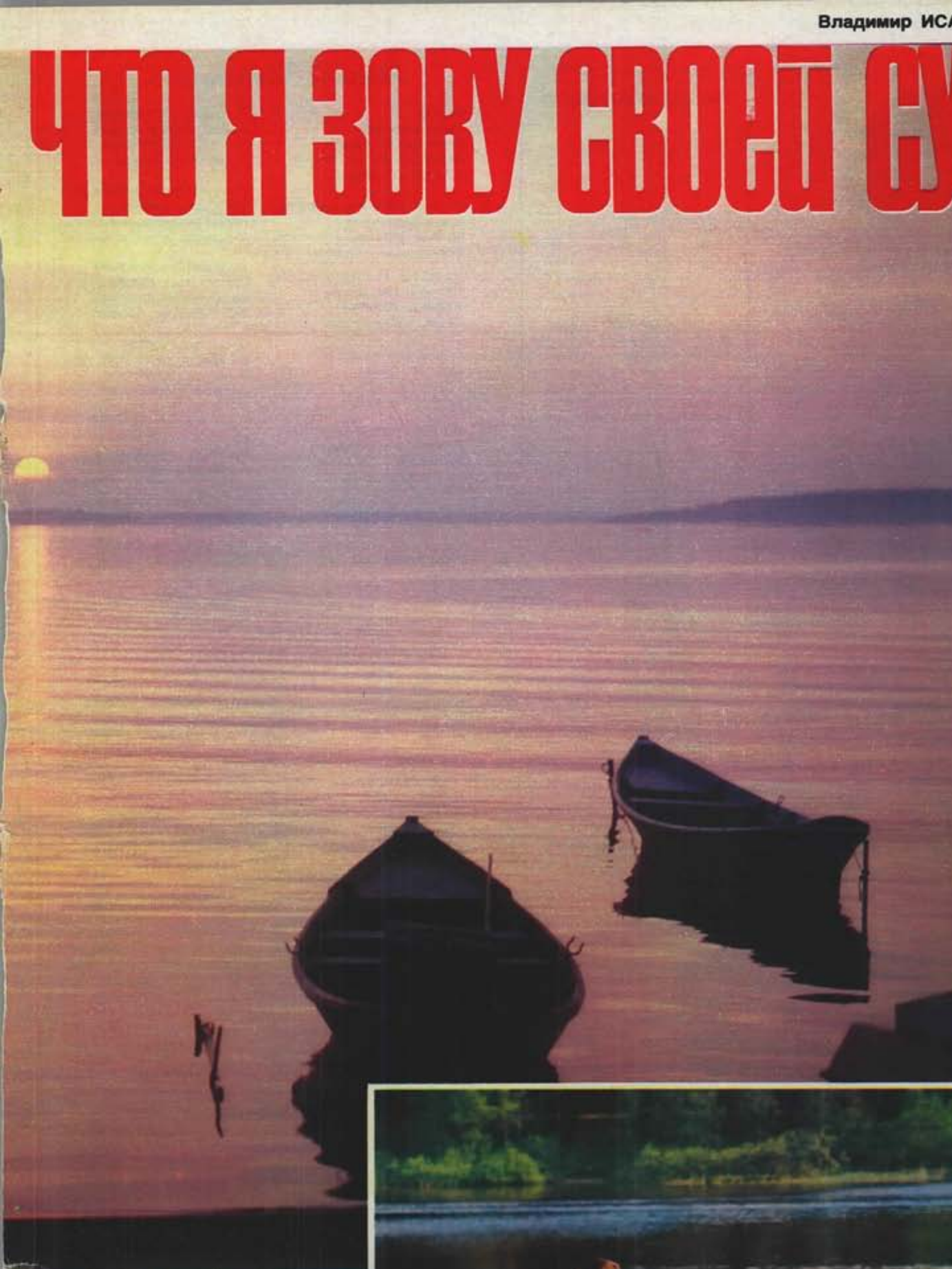
XII век как время возникновения города на Селигере кажется весьма вероятным. В эту же пору возникли многие другие города Тверской земли. Дальнейшие археологические раскопки помогут сделать окончательный вывод о дате основания Осташкова.

Сегодня, оглядываясь назад, мы знаем, что судьба его была пестрой и сложной. Городок Жабачев, сожженный татарами. Кличен, стертый с лица земли новгородцами. Рыбачья деревня. Монастырская слобода. Пограничная крепость на польско-литовской границе. Ремесленный город с бургомистром и ратушей...

Самое интересное место в Осташкове — мыс, где с севера и с востока к городу подходит вода. Здесь, над озером, глядя на него пушками, стояла осташковская крепость. Что же было в ней за валами, рвами и бревенчатыми стенами? Нам известно, что в 1620—1625 годах в крепости было две деревянные церкви, острог, торговые ряды, воеводский двор, приказные избы и кривые узкие улочки с домами осташей. Население этого городка составляло примерно 250 человек.

У стен осташковской крепости не

ТИХАЯ ЭТА ВОДА ДЛЯ КАЖДОГО НАХОДИТ СВОЙ ГОВОР, СВОЮ СКАЗКУ.

Злата Баба

Был ветер с моря ледовит.
Я выглянул в иллюминатор.
Был, видно, прав Антоний Вид,
Ученый данцигский сенатор,
Тот, что гостил иль не гостил
В краю Обдорском хладном, грустном;
Но Злату Бабу поместил
На чертеже своем искусном.

Да, вот она, стоит цела,
Лучится, как и встарь лучилась:
— Да, это я, жила-была,
Пока Кучума не случилось.
Явился с юга злой Кучум,
До нашего добрался края,
Ясак нещадно собирая,
Заглядывал он в каждый чум.

Меня он, Деву Золоту,
Хотел в гарем забрать женою,
Да трудно совладать со мною,
Невал, презренный,
Не на ту!
Звала я с Волги казака,
Я поддержала смельчача
И помогла ему уметь.
Палил Ермак из самострела.
Но наши северные стрелы
И меткость нашего копыя
Ценила родина твоя.

Так Злата Дева говорит,
Стучась перстом в иллюминатор,
А вовсе не Антоний Вид,
Ученый данцигский сенатор!

Леонид МАРТЫНОВ

Ушел из жизни большой поэт Леонид Мартынов. Его сердце перестало биться, но эхо жизни поэта остается в стихах. И это — навсегда. Леонид Николаевич любил молодежь, он часто и охотно печатался на страницах «Смены». Еще при жизни он передал нам стихи, которые, к горечи нашей, внезапно оказались посмертными.

Рисунок
Геннадия НОВОЖИЛОВА

Москва
Такая странная,
Кругом сады, сады,
Врагов искать не стану я,
Исчезли их следы.

Те, кто бросались в ярости
Мне поперек пути,
Ко мне тащились в старости
Молить меня: — Прости!

Но молча на граните я
Стоял, а там вдали
Какие-то события
Текли, текли, текли.

И ни о чем не думая,
Величие храня,
Проснулся вдруг от шума я,
От грома и огня.

И пуля, будто шалая,
Резнула мне, визжа,
Что вызвал сам начало я
Мирского мятежа,

И в бурю превращаются
Мои, свои слова,
И будто бы венчается
Моим венцом Москва.

Я слышал: артиллерия
Гремит со всех сторон,
Что рухнула Империя,
В которой я рожден.

Я видел: люди властные,
Которых я люблю,
Народ на площадь Красную,
К Кремлю ведут, к Кремлю.

Ты пулей пистолетною
Сразил меня, Дантес,
Но вот летит ответная,
Что я воскрес, воскрес.

О, эта пуля шалая,
Воскрес я, снова жив,
И увидал немало я
Видений, дивных див!

Одни считали баричем,
Но сделался другим,
Воистину товарищем
И другом дорогим.

Исчезло чувство бренности,
И с ясной головой
Я в центре современности
Живой, живой, живой!

Отставной моряк

Кто зовет меня: вернись, вернись!
Голос чей из предрассветной мглы?
Неужели это бьют о мыс
Пенные соленые валы?
Водоросли мягкие легли
На песок, обвившись вокруг коряг:
— Мы бы так тебя бы оплели,
Не опутали тебя бы так!
Очень нежная морская соль
Говорит, играя и лучась:

— Я тебе не принесла бы боль
Острую, такую, как сейчас!
Я живу у маленьких озер,
Двух озер большой голубизны,
Где приливы и отливы — вздор,
Несогласный с фазами Луны.
И, плененный этою страной,
Этих двух озер голубизной,
Про себя я слышу стороной,
Что моряк я вовсе отставной!

раз бывали сражения. Крепость сгорала и отстраивалась вновь. О ней до сих пор напоминает «Вальский столп» — каменная колонна на остатках вала, в том месте, где были главные городские ворота.

В старой крепости на сравнительно небольшой территории и расположены несколько наиболее древних построек этого города. На холме, посреди крепости, высится Троицкий и Воскресенский соборы конца XVII века — значительнейшие памятники селигерской архитектуры.

По соседству с соборами стоят два древнейших гражданских здания — дом № 7 по улице Печатникова и дом № 14 по Чайкину переулку. Это памятники архитектуры конца XVII — начала XVIII века — каменные дома с тяжелыми стенами, сводчатыми потолками и маленькими старинными окнами. Наиболее интересен первый из них — с высоким неприступным фасадом, построенный по типу древнерусских палат. По преданию, в нем бывал Петр Первый. Это здание известно в городе как «Дом ратуши».

В течение последних лет в древнейшей части Осташкова идут реставрационные работы. По проекту архитектора Всесоюзного производственного научно-реставрационного комбината В. И. Якубени специалисты Осташковского реставрационного участка под руководством старшего прораба А. А. Ковалева закончили реставрацию Троицкого собора. Сейчас сюда переехал городской краеведческий музей. С завершением реставрационных работ вырисовывается центр своеобразного историко-архитектурного заповедника, который уже сейчас посещают многие тысячи людей.

За пределами осташковской крепости, на прямых, правильных улицах, построенных по «регулярному» плану

и строго, с берега до берега, пересекающих городской полуостров, внимательно взгляду при неторопливой прогулке также открывается немало интересного. Среди деревянных домов с мезонинами на этих улицах часто попадаются здания, возведенные 150—200 лет назад в стиле ампира, классицизма и барокко.

Это «Дом шкипера» с необычным орнаментом в виде парусных судов и штурманских инструментов на стенах. «Дом художников Митиных» с высокими торжественными колоннами. Глядящиеся в озеро стены Знаменского монастыря. Преображенская колокольня — огромная белая башня над городским сквером.

На старинных улицах и площадях надо замедлить шаг, чтобы постоять перед лучшими, наиболее значительными творениями нашего времени. Интересно зайти в краеведческий музей. Просто поговорить с горожанами. Так понемногу вы почувствуете характер тихого озерного городка, поймете его старую и новую историю.

Новая история — это продолжение того, что знали и умели предки. Вот, например, кожевенное ремесло. Когда-то всю западную часть города занимали кожевни кустарей-ремесленников. Сейчас в этом районе крупный кожевенный завод и жилой городок кожевников. Любопытно пройти по цехам завода. Увидеть, как делаются тонкий изящный опоек, плотный обувной хром, мягкий добротный велор.

Вот другая характерная профессия этих мест — рыбацкая. В тихой северной части города, в заливе у Житного полуострова стоит рыбозавод: висят невода, пахнет рыбой, ходят рыбаки в ярких оранжевых штормовках. Отсюда каждый день уходят на лов катера.

Ну, и, конечно, озерный город — это город капитанов. На самом живопис-

ном, восточном берегу полуострова, на котором расположен Осташков, дремлют у причалов пассажирские теплоходы «Лиза Чайкина», «Алексей Родин», «Капитан Марков». Каждый в городе знает капитанов Н. Н. Алексева, В. А. Емельянова, А. Н. Бедюхова. Каждый мальчишка мечтает, как они, встать когда-нибудь за штурвал, выйти на теплоходе в озеро.

Наряду с традиционными в городе появилось немало и новых профессий. В последние годы Осташков приобретает все большее значение как туристский город, центр нового курорта «Селигер».

Сто с лишним лет назад, въезжая в Осташков на лошади по глухой лесной дороге, великий русский драматург А. Н. Островский записал в своем дневнике: «Наконец, после утомительного суточного странствования, я приехал на берег Селигера. Новые невиданные картины открылись передо мной. На берегу вся увешенная сетями деревня, через пролив Рудинского плеса тянется непрерывная сеть мезеж, безгранично протянулось синее озеро со своими островами, вдали колокольни и дома почти утонувшего в воде Осташкова...»

Туристы со всех концов света, въезжающие теперь в город по асфальту на многочисленных машинах и автобусах, видят перед собой, конечно, другие картины. Многоэтажную гостиницу. Новый микрорайон. Современную пристань с комфортабельными пассажирскими теплоходами.

Будущее Осташкова — это будущее туристского центра. При новой застройке здесь бережно сохраняется старина: планировка, стиль, атмосфера старых улочек. Потому что душа города живет именно здесь. И каждый, кто бывал в Осташкове, помнит именно это. Уют. Зелень. Дома над

водой. Тихий образ города у синего озера.

Каждый год с весны до осени я отправляюсь по Селигеру. Езжу на лодке, живу в палатке, ловлю рыбу. Но больше и ярче всего мне памятливы пешие дорожки по берегам Селигера.

Чуть сойдет снег, я беру с собой ружье и надолго ухожу из дома. Иду по песчаной тропе из деревни в деревню вдоль задумчивой, безмолвной воды. Так, километр за километром, я обошел все озеро, делил хлеб и соль с множеством людей. Об одном таком странствии мне и хочется здесь рассказать.

В конце апреля, как обычно, после долгой зимы, стали тесными знакомые стены и улицы. Манил к себе другой, огромный мир — синее озеро, белые деревни по берегам, полевая дорога под высоким безоблачным небом. Казалось, по этой дороге можно уйти на край света...

Целый день я чистил ружье, набивал патроны. На столе лежали шомпола, ветошь, груды пыжки, пороха, дрови. В комнате пахло ружейным маслом и стреляными гильзами. Я не торопясь вставлял в гильзу капсюль, высыпал мерку пороха, проталкивал пыжки, горстью, на глаз, брал и насыпал дрови, по-аптекарьски встряхивал содержимое и, накрыв все пыжком, плотно закатывал края. Снаряжение патронов действовало успокоительно. Оно было частью уже другой, лесной жизни, которую предстояло вести с завтрашнего дня.

Закончив с патронами, я достал старье, линияле рюкзак и палатку, разложил на полу брезентовые брюки и куртку, спальник мешок, свитер, несколько пар носков, патронташ, нож, топор и, стоя на коленях рядом с кучей снаряжения, медленно стал укладываться.

Северный путь

...И голландцы и англичане
Оставляли свои корабли
В море льда и в морозном тумане
Близ Ямала — конца Земли.

Может быть, нынче льды стали реже
Либо правильный выбран путь,
Вдоль арктических побережий
Мы сегодня проходим тут.

Лед на палубе. Холодно. Скользко.
Сзади мрак, впереди туман.
Ничего! Мы идем из Тобольска
В Атлантический океан.

Смутные закаты

Ты видишь: над Цветным бульваром
Блуждает розовая пыль!
Неужто там, за Гибралтаром,
Опять нарушен кем-то штиль?

В тумане тускло-розоватом
Сирокко мечется, кричит,
А здесь у нас перед закатом
Пылают солнца пранный щит.

Чтоб ураганам-великанам
Не преступить через порог,
Где полозом аэросанным
Зима разгладит снег дорог.

Над морем Черным или Красным
Вскипают медные смерчи,
А здесь у нас на небе ясном
Лишь звезды бледно горячи.

И Ночь, очей не подымая,
Идет к двенадцати часам
Сказать, все речи понимая:
Покой? Его ты сделай сам!

Я сделал сам покой? Навеки?
Я не уверен. На века?
Быть может! В каждом человеке
Об этом жиднется тоска.

Литературный глобус «Смены»

Йозеф ШИМОН

Байкальская

Молчаньем вод — ах, гладкая вода —
Назад относит все мои рассветы.
И тайно прихожу к другой сюда
Я к лебеди из дыма сигареты.

Закидываю удочку молчком,
По глади вод — золотых путей каленые,
Что делают здесь на «прежде» и «потом»
И время жизни и вершин камня.

Ракет трезубцы тех, что тьму секут,
Что делают все здесь
На «потом» и «прежде»,
Головокруженьем сладкое секунд
И вещи беспредметные,
Все вещи...

Над удочкой мечтаю:
В мираже
Мчат гладью вод из золота дороги,
Горячий зонтик солнечный в душе
Раскрыть спешит уста твои в итоге.

Неспешно, с возрастающим давлением
Ракет трезубцы — я,
Дороги их.
Я — рыба та, что в звездном уравнии,
Словно приманки кус, глотает стих.

Наверняка

Я знаю об одном наверняка:
Пока жива речь чешская, века —
Я не один!
И отрицаю впредь
Необходимость сочинять и петь.

Наверняка я не один вдаль
Читаю отпечатки грез своих
В глазах у малышей —
О, сколько их!
Их, ангелов грядущего земли.

Я знаю твердо, что судьба и рок —
Не только сыпкий, ветренный песок,
Который — только лишь взойдет восход —
Бесследно в даль седую утечет.

Наверняка я знаю, что рассвет
Из лона темноты ночной придет.
Но тягостное чувство грудь сожмет —
И не прошу себе пощады, нет!

Рецензия

Живу я только раз здесь и теперь,
Где столько красоты по всем приметам,
Ах, Фауст, молодым хочу, поверь,
Ах, Фауст,
Разве я виновен в этом?

И хоть светла, прекрасна и светла
Давно родная синяя планета,
Читаю с губ ее среди войн и зла
Проклятья,
Что остались без ответа.

Стихи я написать хочу про тех,
Кто вечно ищет, странствуя по свету,
Кошунствую, напрасен мой пробор —
На листьях мне сегодня пишет ветер.

Он пишет, что в распахнутую высь
Мне не взлететь,
Что охладил к раздолую
И что давно обвенчан — на всю жизнь
С сурово-нежной беспрестанной болью.

Еще напишет он спокойно так,
Что горы снились мне и ныне снятся.
И что навстречу ветру шел бедняк
И не умел ко времени смеяться.

Я, мол, таков, как этот бедный вид
Мох холмов, где я рожден когда-то
Желанием отца, что зацемент
В груди моей убого и крылато.

Перевел с чешского
Владимир ЦЫБИН.

Дни твои — это дни и мои

Дни твои, что полны мотыльков:
Прилетят и, глядишь, улетели.
Дни из ярких порхающих снегов,
Дни — как сумерки, сумраки, тени.

Дни твои — это дни и мои:
Невозвратны они, невозвратны,
Шелестят, как сухие ручьи,
Нереальны, себе непонятны.

В них слипаются дрожащих оснований,
Их дыханье ко мне прилетает,
Как воздушный ручей мотыльков.
Им на крыльях пыльца налипают.

Им бы жить, где живет высота,
Ах, как небо, как небо, как небо,
Также вишен хотели бы, а?
А не тыкаться в сумерки слепо.

Им хотелось бы также звучать
В коллективных созвучиях жизни,
На неделе — в наш срок — созреть,
Не свисать перезревшего вишнею,

Ну, а также любить без любви?..
Нереальны, правдивы и прочее,
Дни твои — это дни и мои:
Все короче они, все короче.

Перевел с чешского
Егор САМЧЕНКО.

Утром я надел брезентовую робу,
натянул сапоги и, взяв рюкзаки и
ружье, вышел из дома. В первый день
предстояло пройти километров трид-
цать — до деревни Заречье, где был
дом, в котором останавливались охот-
ники. Я вышел за город, миновал
мокрые луга и вошел в лес. По лесу
вела едва различимая дорога — тем-
ный коридор со следами тележных
колес. Пахло болотом, сыростью,
мхом. Я посмотрел по сторонам, на
небо с высокими перистыми облаками
и, почувствовав знакомую упругую си-
лу, весело двинулся в путь.

Никогда не забывается пройденная
пешком дорога. Она то заходила в лес,
то снова выводила к озеру, и я, словно
человек, выздоравливающий после
болезни, все беспричинно улыбался и
думал: «Хорошо...» Все было хорошо,
езде жили люди. Можно было остаться
в любой деревне, пожить, сколько
хочется, а не понравится — идти даль-
ше. Мелькали по холмам избы, коло-
дезные журавли, ивы над речками. Я
шел и думал о том, что вот она — моя
родина. Что много нового, смелого,
умного ждет эта лежащая на бескрай-
ных пространствах страна от каждого
из своих сыновей.

В Заречье я пришел еще засветло.
Посидел у воды, слушая, как колотят
валками белье, постоял с рыбаками,
причлывшими на лодках к берегу,
пошел на соседнюю турбазу.

Рядом с Заречьем, в сосновом бору
на берегу большого залива, стоит ту-
ристская база «Сокол». С озера сквозь
густые деревья видны два корпуса с
лодками, множество коттеджей,
флаги на мачтах. Поют птицы. Пахнет
хвоей. Теплый, терпкий, смолистый
запах сосны висит в комнатах, в столо-
вой, на пляжах.

В глубине леса над длинным и узким
заливом Хотинья любят жить рыболо-

вы. Отсюда на восходе солнца, поскри-
пывая уключинами, уходят десятки
яликов. В чуткой тишине далеко по
воде отдаются шорохи, игра рыбы,
плеск весел. Рыбалка на Селигере за-
мечательна тем, что наряду с окунем,
плотвой, подлещиком тут можно пой-
мать крупную и ценную рыбу — леща,
судака, угря...

На мысу, далеко выдающемся в озе-
ро, на закатном солнце светилась вы-
сокая старая церковь с изящными
кокошниками и веселыми, порхающими
в небе маковками. Это был Никола-
Рожок — одно из самых древних посе-
лений на озере.

У подножия Николы-Рожка всеми
красками пестрела лодочная станция с
сотнями яликов. На зеленых полянах
туристы грузили лодки, собирались в
походы.

Утром я проснулся помолодевший и
сильный, умылся на озере, походил по
деревне. Над домами, как свечки, сто-
яли столбы печного дыма. Пахло пи-
рогами, теплом, горячей берестой.
Можно было остаться, прожить в За-
речье хотя бы несколько дней. Но не
сиделось от нетерпения, счастья, ожи-
дания дороги. Ноги еще не устали,
глаза не насмотрелись, душа не насы-
тилась. Я вспомнил вчерашний день.
Моя душа звала меня дальше. Я бы-
стро собрался и пошел по песчаному
берегу...

...Среди многочисленных троп Сели-
гера есть тропа, которая ведет к одно-
му из самых святых и заповедных
мест нашей страны — истоку Волги. От
деревни Свапуце в глубину чащи ухо-
дит прохладная таинственная дорога.
С холма на холм, от озера к озеру, от
болота к болоту.

Много раз ходил я по этой дороге к
истоку. За пятнадцать километров пу-
ти, за три часа по лесу можно переду-
мать обо всем на свете. Но так или

иначе, кто бы о чем ни думал, каждый
из идущих сюда с волнением подумает
об одном и том же — о загадочном,
поражающем нас явлении природы, о
великой тайне рождения реки.

Ближе к истоку холмы станут пона-
даться все чаще, появятся валуны,
заросли, завалы, и дорога постепенно
превратится в тропинку, которая, не-
смотря на постоянное ожидание, все
же неожиданно выведет вас к деревне
Волговерховье.

Деревня невелика — два десятка до-
мов. За деревней в конце улицы видно
большое болото. На болоте — бревен-
чатая избушка. Если войти в нее и
присмотреться, можно увидеть тихое
биение ключа. Это место на Валдай-
ской возвышенности, на высоте 228
метров над уровнем моря, и считается
истоком Волги.

Во времена классической древности
в географии господствовало представ-
ление, что все реки, тем более великие,
стекают с высоких гор. Скромная Вал-
дайская возвышенность, где берет на-
чало Волга, Днепр, Западная Двина, на
картах античного мира изображалась
в виде солидных горных цепей. Позже,
в средние века, считалось, что Волга
течет из какого-то большого озера,
видимо, Селигера. По народному воз-
зрению, все реки берут начало в лесах,
из родников. Лишь относительно не-
давно, в XIX веке, ученые стали при-
ходить к новой теории рождения
рек — из болот.

«Географии наши во многом погре-
шают», — писал русский географ акаде-
мик Н. Я. Озерецковский, — и исправи-
ть их не иначе можно, как обзорием
самых мест». Он был одним из
первых ученых, отправившихся в лес-
ную глушь, на исток Волги. В конце
прошлого века здесь побывали и дали
первую научную характеристику вер-
ховьям Волги известный географ, про-

фессор Московского университета
Д. Н. Аночин, лесовод М. К. Турский,
ботаник Н. И. Кузнецов и другие.

Н. И. Кузнецов в своем отчете, в
частности, писал: «Реставрируя кар-
тину далекого прошлого, мы приходим
к выводу, что во времена доисториче-
ские местность между Селигером и
Волгой представляла страну, одетую
дремучими еловыми лесами. По бере-
гам озер и рек на песках здесь были
сосновые боры, на водоразделах — об-
ширные моховые болота, питавшие
реки и служившие им, так сказать,
водохранилищами...»

Волга берет начало в обширном мо-
ховом болоте с характерной сфагно-
вой растительностью (клюква, дроз-
ра, андромеда, кассандра, ледум), рас-
положенном выше деревни Волговер-
ховье. Из этого болота с одной стороны
берет начало Волга, с другой — один из
притоков Полы. Моховые болота, пи-
тающие истоки рек, нуждаются здесь в
специальном изучении и затем в тща-
тельной охране. Их следовало бы на-
нести на карту и признать охраняе-
мыми.

В последние годы эта мысль — об
охране болот, питающих истоки
рек, — становится все актуальнее. При-
давая большее значение судьбе волж-
ского верховья, Калининский облас-
полком в 1972 году объявил исток
Волги природным заказником. В за-
казнике, который раскинулся в ради-
усе трех-четырёх километров вокруг
истока Волги примерно на двух тыся-
чах гектаров, запрещены рубка де-
ревьев и кустарников, строительство
капитальных и временных сооруже-
ний, пастьба скота, разбивка палаток.
В заказник входят сам исток, леса и
болота на истоке, несколько первых
километров по течению Волги, озера
Малый и Большой Верхиты.

Поток туристов в этот край растет

небывальными темпами. И растут новые проблемы. Необходимо поддержание соответствующего лесного и водного режимов в районе истока, благоустройство подходов к нему и прилегающих населенных пунктов.

Все леса в границах природного заказника на истоке Волги переданы отныне в гослесфонд, единому хозяину — Селигерскому спецмехлесхозу. За заказником закреплен специальный лесник. Лес вдоль дороги и туристской тропы очищается от сухостоя и валежника. От деревни Вороново не-

Заплавье — самая рыбацкая деревня на всем озере. С зеленых полей в воду глядят белые дома. Под окнами на волне качаются темные лодки. На берегах стоят вешала с сетями.

На одном из белых каменных домов у озера можно прочитать надпись: «Дом Семена Тепцова». Кто такой Семен Тепцов? Я зашел в дом просто из любопытства и попал к старому знаменитому рыбаку.

Вряд ли где, кроме Заплавья, варят уху из семи видов рыб — угля, судака, леща, налима, щуки, окуня и ерша.

Впервые ею угостил меня Тепцов. Потом я видел ее и в других здешних домах. Но чтобы варить такую уху, надо быть рыбаком.

У рыбаков Заплавья есть старые, переходящие от дедов к внукам тайны рыбного промысла. Есть самодельные карты, на которых запечатлен опыт многих поколений. Все озеро на этих картах поделено на небольшие участки — тони. Каждая тоня имеет свое название, свои приметы, необъяснимые особенности. В одних тонях водится лещ, в других — снеток, в третьих — окунь. По рассказам, раньше бывали тони, в которых попадался почти один судак.

Я поехал с заплавскими посмотреть, как они ловят рыбу.

Старый потертый мотоневодник с десятью рыбаками в кубрике, с черным капроновым неводом на усейной чешуе палубе рано утром отчалил от деревенского рейда. Мы с Тепцовым сели в закутке на корме и завели беседу про озеро.

— Больше всего рыбы на зимовальных ямах — в Орловой луке, Дударне, Огородах, — начал мой собеседник. — Зимой раз попали на тонию — думали, не справится. Собрали народ. С утра до вечера тянули один невод. Загребли всю рыбу, которая тут зимовала, — с пятьдесят возов! А потом на целый год — как отрезало. Значит, на-

ука: ходить рыбаку туда нельзя. Надо, чтобы у рыбы было место, где ей можно спастись, передохнуть от нашего брата.

Такое вступление к выходу в озеро показалось мне не совсем обычным. Я поинтересовался, где же мы собираемся ловить рыбу.

— Места есть. Хорошие места. Придем без ошибки, — было невозмутимо сказано мне в ответ.

Бригадир артели — невысокий жилистый рыбак с нахмуренными бровями и решительным голосом — стоял в рубке рядом с мотористом и, надвинув кепку на самые глаза, неподвижно смотрел вперед.

Мы прошли несколько островов и оказались на большом плесе. На палубу один за другим стали выходить рыбаки — в ярких оранжевых штормовках, резиновых костюмах, сапогах-заколенниках.

Бригадир встал за штурвал. Двое рыбаков прыгнули в тащившуюся за катером лодку, бросили в нее конец невода и, взявшись за весла, поехали цепляться к берегу. Еще двое прыгнули в другую лодку, стали разбирать и заводить чрево всей снасти — большую, хитроумно связанную мотню. Катер, кренясь на один борт, пошел по кругу, опоясывая неводом почти половину плеса. Сведя концы, рыбаки бросили якорь и взялись за веревки. Все

«СОКОЛ» — ОДНА ИЗ ЛУЧШИХ ТУРБАЗ СЕЛИГЕРСКОЙ ЗОНЫ ОТДЫХА.

посредственно к истоку туристы должны будут пройти двухкилометровой пешеходной тропой. В каменной церкви на истоке после реставрации откроется музей «Волга». Деревням Волговерховье и Вороново решено придать музейный русский стиль, собрать здесь лучшие образцы деревянного зодчества этого края — жилые дома, амбары, мельницы.

Но главной достопримечательностью здешних мест был и будет вот этот родник на болоте. Исток Волги навсегда останется в нашей памяти маленькой деревянной избушкой. Таинственной избушкой среди лесов и озер...

...По утрам в беззвучном тумане от берега тихо отталкиваются большие деревянные лодки, слышится чуть различимый скрип уключин, и остроносые, пахнущие смолой и дегтем суденшки, удаляясь к линии горизонта, медленно исчезают в туманных бесконечных плесах. Рыбаки выходят на лов.

Это время между ночью и просыпающимся утром, время тишины, безмолвия, ничем не нарушаемого покоя воды, — лучшие часы в жизни озера. Пока вы спите и еще долго будете спать, рыбак уже давно на ногах, давно надел непромокаемую робу и с веслами в руках вышел на берег.

Сказать, что озеро — дом рыбака, значит ничего не сказать. Озеро — это озеро. Это мир затаенной и загадочной тишины, мир солнечных плесов, рыбных заводей, необитаемых островов, мир быстро сменяющихся друг друга часов безветрия и неожиданных штормов. И чем больше узнаешь характер многочисленных плесов, все эти ветры, течения, мели, места кормежки рыб и все их повадки, тем больше тянет туда — к непостоянному, ненадежному счастью, к заманчивой и опасной игре, которая называется ловом рыбы.

казались белые дома Заплавья. На берегу рыбаков встречала толпа жен и матерей. В воздухе стоял неповторимый запах сена, озера, рыбы...

...В заключение нашего путешествия по Селигеру давайте тихо посидим на берегу озера и, бросая камешки в воду, помечтаем о будущем. С каждым годом яснее, что природа этого края имеет для нашей страны ни с чем не сравнимую, уникальную ценность. В центре России не так уж много мест, сохранивших свой первозданный вид. В последнее время в научных кругах все настойчивее обсуждается вопрос об организации национального парка на Селигере.

Еще в шестидесятых годах комиссия по охране природы при Госплане СССР предложила создать вокруг Селигера крупный природный парк всесоюзного и международного значения. Сейчас разработан проект такого пар-

БУДЕТ УЛОВ БОГАТЫМ!

**ТАК В ДЕРЕВНЕ
БЕРЕЗОВЫЙ РЯДОК
ИЗДАВНА ТКАЛИ ПОЛОТНО.**

ка. На наш взгляд, важно подчеркнуть, что Селигер — один из тех районов страны, которые наиболее полно и ярко выражают русскую природу, русскую историю, дух русского народа.

Изучая условия, необходимые для создания национального парка, можно сказать, что Селигер обладает целым комплексом географических, природных, культурных достоинств. Как и во многих зарубежных странах, центром парка здесь является озеро. Это обширный живописный район, способный принять большое количество гостей, рассредоточить их, не нарушая девственности территории, и предоставить все условия для отдыха на природе — жизни в лесу, купания, охоты, рыбалки. Это район с удобным автомобильным, железнодорожным, водным сообщением, максимально доступный как жителям нашей страны, так и иностранным туристам. Это район многочисленных памятников природы, истории, архитектуры, среди которых можно назвать исток Волги, Кличенское городище, Николу-Рожок...

Условия озера представляют для организации парка прекрасные возможности. Скажем, остров Хачин площадью более трех тысяч гектаров можно сделать заповедным центром парка. На соседнем острове, в Ниловой пустыни, могут разместиться различные службы парка, гостиница, яхт-клуб. Сосновые боры по берегам станут более свободной зоной, где необходимо будет провести хорошие шоссе-ные дороги, проложить тропы для пешеходов, велосипедистов, всадников. На остановках нужны деревянные туристские хижины, столы, купальни. По всему парку должны стоять небольшие кемпинги с палатками для туристов.

...Я сижу и долго смотрю в озерные плесы. Вдали, на фоне заката, скользит чья-то байдарка. Над водой тают все звуки. Селигер, как всегда, завораживает своей тишиной.

ВПЕРЕДИ — ВСЯ ЖИЗНЬ.

собрались на корме. Над огромной, обозначенной поплавками тоней закружили чайки. Одна, другая, третья бросились в самую середину невода и полетели, держа в клюве белую серебристую рыбешку.

— Давай! — махнул рукой бригадир. Мы столпились на пятачке кормы и, упираясь в борта, начали вытягивать снасть. Черная капроновая сетка поползла по палубе, ложась к нашим ногам. Невод сопротивлялся, словно озеро не хотело отдавать нам его обратно. Веревки жгли руки. Наконец тяжелая, как мешок, мотня была подтянута к катеру. Бригадир с саком в руках ястребом слетел в лодку. Дернули шнурок, стягивающий мотню. Внутри, сверкая, шевелясь и подпры-

ЗДЕСЬ ОСТАНОВИЛИ ВРАГА.

гивая, волнующе билась рыба. Лещи. Щуки. Судачки.

После первой катер прочесал еще несколько тоней. Ящики на палубе быстро наполнялись рыбой. В коротких перерывах мы пили чай и играли в домино. Рыбаки были веселы. Лов сегодня шел хорошо.

К полудню дело было кончено. Катер взял курс на Заплавье. Мы с Тепцовым снова сидели на палубе и вели разговор.

— Я вот высоты боюсь, полезу на чердак — у меня голова кружится. А озера никогда не боялся. Шторм, ветер, другие торопятся к берегу, а для меня это, значит, самая большая радость, чтобы идти по озеру.

Катер качался на воде. Впереди по-

БЕССТЫД

Что значит —
порядочный человек?

Ольга ЧАЙКОВСКАЯ

Письмо было анонимным и сообщало, что сотрудница института Ольга Кретова всюду хвастает, будто у нее любовь с директором. Директор был взбешен и порешил было Кретову уволить, но за нее вступились, да и сам он одумался. А Ольга плакала: она недавно вышла замуж, и сплетня была особенно нелепа и оскорбительна. Долго ломали голову: кто бы это мог быть, кому понадобилось писать все эти нелепицы, может быть, ревнивой женщине? — но тут подоспело новое письмо с сообщением, что Кретова берет взятки, и начались новые страдания.

Вспоминаются другие истории, похожие. Одного инженера, например, в связи с анонимками, как водится, вызывали, он, как водится, оправдывался, что-то доказывал (а как доказать то, чего не было?), потом, когда все понемногу успокаивалось, являлось новое письмо, и в конце концов ему сказали: мы знаем, что вы ни в чем не виноваты, но уж если кто-то начал на вас писать, поверьте, не остановится. Лучше уж сами уходите, все равно ни вам, ни нам покоя не дадут, — и он ушел. Вспомнилась и другая история, совсем удивительная. Некую семью, жившую в поселке, тоже мучили анонимными доносами, сюжеты которых становились все круче, все затейливее, и, наконец, дело дошло до сообщения, будто у них на огороде закопан труп. И что же вы думаете? В один прекрасный день явилась к ним команда с лопатами. Хозяйка в тот раз очень веселилась: ей по весне задаром вскопали участок. Но, в общем, веселого было мало. И, знаете, как-то связалось с огородом представление о трупе, которого не было. Труп было, а воздух был заражен.

Анонимные письма поражают наше воображение именно тем, что анонимны. Они приходят из темноты, кажется, что сама темнота их и пишет — уж, во всяком случае, не люди, а нечто нерасчлененное, угрюмое, уродливое, какой-то стукотности и злобы. И если вдруг изловят автора — ощущение от встречи с ним бывает неправдоподобное и шоковое. Такой шок пережила Ольга Кретова, когда узнала, кто писал против нее письма. Шок тем более сильный, что автором оказался... ее собственный муж, тот самый, за которого она недавно вышла замуж. А уличенный муж отнюдь не умирал от стыда, он даже не покраснел, а объяснил спокойно, что намерения его были самые добродетельные: пусть бы жену уволили с работы, она бы тогда всецело принадлежала семье, и он не понимает, зачем разводиться.

Подобное бесстыдство не может нас не тревожить. Оно не просто факт биографии данного бесстыдника. Мы скоро увидим, что авторы ложных доносов порой вовсе не прячут лица и подписываются полным именем, не таясь. Более того, начинает казаться, что заявления, порочащие людей — анонимные или подписанные, все равно, — уже не просто плод зависти и злобы, а стратегическое оружие. Идет, к примеру, какое-нибудь расследование или следствие, и вдруг в самую нужную минуту, в самую необходимую инстанцию приходят письма — некто ведет прицельный огонь. Кажется, появились даже своего рода снайперы, отлично знающие, когда и куда послать свои отравленные пули.

Человечество создавало правила порядочности веками. Самые совестливые, самые чуткие к нравственным проблемам люди эти правила проверяли и доказывали жизнью. Нам они даны уже готовыми, мы их воспринимаем, как нечто само собой разумеющееся. Себя же порядочным каждый из нас считает, разумеется, не только потому, что не нарушает уголовного кодекса и вообще юридических законов (это минимум, который на порядочность еще не тянет). Порядочность живет по законам чести. Нет, и это определение неточно и, может быть, даже слишком сухо. Пожалуй, точнее было бы сказать, что порядочность живет по законам чести и сердечности.

Вы можете мне возразить, что и не очень сердечный, даже совсем недобрый человек может быть порядочным, — бывает. Но дело не в данном человеке, добром или недобром. Дело в том, что сами правила порядочности в ходе общественного развития вырабатывались как наилучшие для людей, обеспечивающие им возможно более счастливую жизненную атмосферу, укрепляющие их связи друг с другом, каковы бы ни были эти связи — семейные,

дружеские или деловые. Правила порядочности вносят в эти отношения необходимые начала благородства и человечности. Ну, к примеру, исключая из жизни ложь, предательство, лицемерие, поставив их в ряд явлений презренных, запрещенных правилами порядочности, мы тем самым обеспечиваем нормальные отношения друг с другом, потому что на фундаменте лжи, предательства, лицемерия, как всякому ясно, не построить ни дружбы, ни любви, ни семьи, не решить никакого общественного дела.

Жила-была благополучная семья. Он, Анатолий, огромный добродушный сутулый медведь, обожавший сына Костика, хорошо вкалывал, чтобы обеспечить в доме достаток. Она, Люда, веселая, спокойная, красивая (чуть избалованная, быть может), была преданной женой и заботливой матерью. Но вот Анатолий стал заниматься английским языком, а преподавательница английского Клара была не просто хороша, а обаятельна, и, представьте себе, он сделал вдруг ей предложение, и она, несмотря на то, что была замужем (и была у нее дочь Катя), это предложение приняла. Решено было объединить детей и начать новую прекрасную жизнь. То, что на пути этого решения стоят двое — Катин родной отец Олег и Костинова родная мать Люда, — молодоженов не затрудняло.

Начали с Олега. Его прямо предупредили, чтоб уносил ноги — освобождал площадь и не вздумал предъявлять права на ребенка. «Иначе, — сказали ему, — так залапчаем, что всю жизнь не отмоешься». Поскольку это не подействовало, то в суд, куда подал Олег, пошла любопытная бумага. Написана она была рукой Анатолия, но от лица Клары — на суде Анатолий объяснил, что Клара по женской своей слабости сначала утаила от него, но потом все-таки призналась: всю их совместную жизнь ее бывший муж занимался злостной спекуляцией; заодно супруги сообщили в суд, что на Олега ведется уголовное дело. Никакого дела, конечно, не было, просто еще до того Клара подала соответствующий донос в милицию.

Олег не сдался, и тогда супруги решили подвинуть гайки.

Тут мы вступаем в область психологии, потому что, предпринимая какой-либо шаг, Клара — а в разработке сюжетов здесь все-таки видна тонкая женская душа — каждый раз решала новую психологическую задачу. Когда нужно было кого-нибудь запугать, кого-нибудь подчинить, прежде всего находили болевую точку (узнают, предположим, что человек страстно любит ребенка, — и грозят бедой ребенку). Угрозы шли по телефону — одной женщине позвонили в Новый год без пяти двенадцать и предупредили: если посмеет выступить против них на суде, этот год станет для нее годом «гражданской смерти»!

На Олега пошла целая волна террора... Но все это были детские игры по сравнению с тем, что произошло с Людой. Представим себе ее душевное состояние. Она привыкла жить за мужем, как за каменной стеной. Это значило не только материальное обеспечение. Люда прочно чувствовала себя в жизни потому, что была уверена — ей с сыном есть на кого опереться. И дело не только в том, что опора эта исчезла. Молодую женщину ждала куда более тяжкая беда: человек, которого она любила и которому бесконечно верила, стал неузнаваем. Это превращение можно сравнить только со сказочным, когда добрый молодец вдруг превращается в злого серого волка. Но и серый волк не так бы казался страшным, как этот оборотень.

До женитьбы на Кларе все считали Анатолия порядочным человеком, и он, как видно, готов был соблюдать правила порядочности, пока это соответствовало его интересам и намерениям. Но дело в том, что правила эти не стали неотъемлемой частью его существа, его личности, они жили отдельно от него, что и обнаружилось при первой серьезной проверке, при первом же конфликте, когда он с легкостью необязанной и с циничной откровенностью их отбросил.

Тут есть над чем подумать: ведь правила порядочности созданы именно для жизненных коллизий, для решения именно самых трудных жизненных задач. И они обязательны, эти правила, иначе какой в них смысл?

Итак, Люда жила за мужем, как за каменной

стеной, и вот оказалась одна на юру, на ветру. А ветры задули свирепые. Муж стал врагом — и каким! (Лучшее доказательство того, что отношения нельзя строить на одной любви, не всегда постоянной; нужны еще такие стабильные величины, как совесть и долг.) Анатолий обобрал жену, унеся все семейные сбережения, задавил ее судами, в частности подробнейшими имущественными разделами, и даже подал в суд заявление, будто Люда избивала его, двухметрового сироту.

А потом произошло событие, ставшее главной загадкой этого дела: Люда вдруг взяла и отдала своего ребенка Кларе. Лютому врагу, который отнял у нее покой и счастье, отдала впридачу еще и своего единственного Костика. В нотариальной конторе собственноручно подписала согласие на то, чтобы Клара его усыновила.

И вот мы в Московском городском суде (Люда взяла согласие обратно и просит вернуть ей ребенка), сейчас увидим всех действующих лиц. Люду, истцу, я знаю, она приходила в редакцию, но вот и ответчики — Клара и Анатолий. Он огромный, сутулый, с висячими усами. А она?

Прежде всего она неожиданна. Высокая, гибкая, с мягкими движениями и легкой походкой — она не только бесспорно красивая женщина, она похожа на девочку-подростка, а может быть, на красивого мальчика. Чтобы это она писала доносы и режиссировала шантажи? Быть этого не может! Просто невероятно! У нее ясное, приветливое лицо, лепные губы всегда готовы улыбнуться, речь горяча.

— Я усыновила Костика потому, что он сын моего мужа, — говорит она. — И вылитый Анатолий, такой же благородный и добрый. Люда продала его нам за деньги, и я никому никогда его не отдам. Не различайте меня с ним, не отнимайте у нас сына!

Какие слова и как сказаны! Ясно, чисто, точно. Только вот это «продала за деньги»... Люда, увы, ничего толком объяснить не может, а уж когда дело доходит до рокового дня, субботы 29 марта (в этот день она письменно согласилась на усыновление), почему-то совсем ничего не помнит. Говорит, была больная, высокая температура, и приехал Виктор...

Виктор — это имя мне знакомо. Несколько месяцев назад в редакцию пришел профессор К., крупный, уважаемый ученый, и рассказал такую любопытную историю.

Он давно знает Люду, его дочь Таня училась с ней в институте, они вместе стали врачами-логопедами. И вот однажды Тане позвонила какая-то женщина и, сославшись на Таниного учителя, очень просила порекомендовать для консультации логопеда — и Таня назвала кого-то из коллег. Недели через две женщина позвонила опять, сказала, что переехала в Щелково и очень просит логопеда из этих краев. В Щелкове жила Люда, и Таня назвала ее. Женщина приехала к Люде не только с ребенком, которого нужно было проконсультировать, с ней был еще молодой человек — это и был Виктор. С тех пор, выходила ли она из дому или из поликлиники, где работала, его машина стояла у подъезда, и сам он был тут. Люде было одиноко, они с сыном болели, ни денег, ни родных. А тут влюбленный без памяти Виктор просит довериться ему, на него опереться. Наверное, хотелось ей и довериться и опереться, но что-то в этом человеке было неясно, и она даже привела его в дом профессора К. — может быть, здесь разберутся и поймут? Но профессор, сколько ни вглядывался, тоже ничего понять не мог: довольно красивый парень, сдержанный, как видно, волевой. Все заметили, что Люда выглядит скверно — бледная, вялая, явно больная. Когда ей предложили лекарства, сказала, что ее лечит Виктор. В субботу 29-го, перед тем, как поехать к подруге, он будто бы тоже дал ей какие-то таблетки. Они по дороге где-то останавливались, куда-то ходили, она неясно помнит, куда и зачем. В воскресенье Анатолий взял ребенка на свой день рождения, и когда она позвонила и попросила, чтобы Костика привезли, бывший ее муж только рассмеялся в ответ: «Ты что, не знаешь, что подписывала?» А Виктор, безумно влюбленный и преданный, после той субботы исчез, чтобы больше не появиться.

— Честно говоря, вся эта история казалась фантастической, — продолжал профессор К., — до тех пор, пока мне не позвонил Виктор. Раньше такой вежли-

ДЕСТВО

вый, сейчас говорил с невероятной наглостью: если кто-нибудь из нашей семьи, заявил он, посмеет появиться в суде, они нас так залачаюют, что всю жизнь не отмоемся. «Вы знаете, мы умеем это делать», — прибавил он. Вот тогда-то я и призадумался: если по отношению ко мне, мужчине, человеку с определенным положением, возможна такая наглость, то по отношению к одинокой и беззащитной Люде... Стали мы вспоминать и сопоставлять. Вспомнили женщину, которая, ссылаясь на Таниного учителя, просила о консультации именно в Щелкове и привезла Виктора. Позвонили Таниному учителю — он никакой женщины не рекомендовал.

Словом, досталась судьям задача, досталось им и работы. Слушали они одну сторону, слушали другую — обе версии казались невероятными. Можно ли верить, что мать, всегда заботливая, любящая, вдруг взяла да и отдала родного сына чужой тете? И мыслимо ли представить себе, что ее чем-то опои и она подписала согласие на усыновление словно бы в беспамятстве? Судебное разбирательство идет трудно, тщательно и кропотливо.

И вдруг я вижу, что Клара, обернувшись, ласково смотрит на Люду. «Ну, что, еле жива? — говорит ее взгляд. — Тебе ли, слабосильной, со мной тягаться! Подожди, сейчас мы тебе покажем, что почем».

В самом деле: идут свидетели ответчиков, то есть Анатолия и Клары... Вот перед судом адвокат, она показывает, что два года назад истица обратилась к ней за юридическим советом.

— Я вас в первый раз в жизни вижу! — кричит Люда.

— Зато я вас помню отлично. — спокойно отвечает свидетельница. — Вы пришли с молодым человеком и спрашивали, кто, сколько и кому будет платить, если ребенка оставить отцу и согласиться на усыновление. На вас еще было красное пальто с норкой.

Прокурор Кольчева спрашивает, как удался адвокату, у которого за год проходит не менее тысячи клиентов, запомнить человека, приходившего два года назад.

— У меня никогда в жизни не было норки! — кричит Люда.

А Клара, оглянувшись, так же ласково на нее смотрит. «Ну, как? Ничего?»

Другой свидетель — пожилая женщина. Она почему-то идет к судейскому столу плача — беззвучно ревет, выставив, как ребенок, нижнюю губу сквородником. В ответ на вопрос судьи что-то шипит невнятным голосом.

— Кем вы приходите истце? — спрашивает председательствующая в процессе Римма Викторовна Гаврилова.

— Мать, — бормочет свидетельница. — Родная мать...

Разве у Люды есть мать? Оказывается, есть, впрочем, она несколько лет не видела дочери, а внука своего и вовсе никогда.

— Почему же вы с ними не виделись? — спрашивает судья.

— Ненавязчива, — шипит мать. — Она стыдилась, что я маникюрша... А я (слезы)... я терпеливо ждала (рыдания)...

Что же пришла рассказать суду мать Люды? Будто ее дочь приходила к ней с молодым человеком и сказала, что хочет выйти за него замуж, а ребенка отдать Кларе.

— Я вам честно говорю, — уверяет мать. — В глаза смотрю.

Действительно, смотрит — из того погребельного мира морщин, мешков и рытвин, что окружают ее глаза, глядит на судей сам перепой.

Вот они — два неопровержимых свидетеля: адвокат, который пришел в суд выступать против доверившегося ему человека (если предположить, что Люда действительно приходила к нему советоваться), что решительно запрещено — в иных случаях прямо законом и во всех случаях адвокатской этикой. Мать, которая, по свидетельству давней Людиной подруги, была ужасом ее детства, по свидетельству участкового милиционера — и нынче трезва не бывает, а по свидетельству соседей — после посещения Анатолия и Клары, которые вдруг завели с ней дружбу, становится пьяной в дым. Можно было бы строго спросить с этой женщины, как это случилось, что она, не видевшая дочери несколько лет; единожды проявила

к ней внимание, придя в суд свидетельствовать против нее. Но сейчас, наверно, спрос не с нее, а с тех, кто воспользовался ее болезнью (а она, конечно, уже глубоко и тяжело больна).

Но вершиной всех свидетельских показаний было выступление в суде председателя того ЖСК, где живут Анатолий и Клара, — он призван рассказать, как Костик любит свою новую маму.

Римма Викторовна спрашивает, разговаривал ли он с мальчиком.

— Само собой, — благодушно отвечает свидетель. — Как когда? Когда парень из школы приходит.

— Сколько же ему лет?

— Да так, двенадцать — четырнадцать, — прикидывает свидетель.

— Ребенку шесть, — говорит судья.

— Я у него паспорта не спрашивал, — надменно отвечает свидетель.

Очевидно ведь, что пошел он в суд, чтобы лжесвидетельствовать. Мы не знаем, почему — купили его или он хотел удружить знакомым, это значения не имеет. Он пришел сюда заведомо лгать, и когда его изобличили, не только не сорел со стыда, даже и не смутился нисколько. Видите, какая подобралась компания...

С Людой творится что-то совсем неладное. Люди, хорошо ее знавшие, сейчас не узнают: всегда спокойная — она стала судорожной, всегда доброжелательная — теперь никому не верит, спорит, сражается со всем светом.

Вот Люда поднимается и стоит (год назад, когда она пришла в редакцию, Люда была еще хороша, а сейчас лицо ее стало треугольным, на нем, кроме глаз, словно бы и нет ничего, все растаяло, только огромные, тревожные глаза смотрят на судей).

— Что, Людмила Леонидовна? — спрашивает судья.

— У меня ходатайство, — говорит Люда.

— Попозже. В процессе всему свое место, — объясняет судья. — Сейчас идет допрос свидетелей.

Люда стоит и смотрит.

— Садитесь, — говорит Римма Викторовна. Нет, стоит, смотрит.

— Людмила Леонидовна! — окликает судья голосом, каким будят спящих, и Люда действительно словно бы просыпается.

— Но у меня ходатайство, — говорит она с тревогой, ее глаза, наливаясь слезами, становятся огромными и выпуклыми. — Почему вы затыкаете мне рот?

Ах, какое удовольствие на лице Клары! А судья все внимательнее приглядывается к истце и становится все терпеливей и мягче. Чувствуя на себе пристальный взгляд, Люда вдруг вскипает:

— Я не могу, когда вы смотрите на меня своими страшными глазами.

Все возмущены. А судья? Она, улынувшись, прикрывает глаза ладонью. Не подумайте, что председательствующая слабовольна, податлива и пускает процесс на произвол судьбы. Напротив, она ведет его властно — по отношению к одной Люде безгранично ее терпение. Римма Викторовна опытный юрист и знает: чтобы понять суть дела и тем более суть человека, лучшего метода, чем терпение, нет.

Прокурор Галина Алексеевна Кольчева в своей речи отобрала лишь факты бесспорные, отбросив все мутное и недоказанное (и версию продажи ребенка и версию таблеток). 29 марта, когда было подписано согласие, Люда была сильно больна, а через день, в понедельник, уже в тревоге звонила в роно. Ее успокоили, сказали, что документы на усыновление еще не приходили, что эти дела вообще скоро решаться не могут (необходимые проверки занимают не меньше месяца) и что ей, Люде, надо прийти в приемный день 31-го. Она и пришла 31-го с заявлением, что отказывается от согласия, которое подписала, не отдавая себе отчета в своих действиях.

И вдруг оказалось, что усыновление уже проведено! В другом районе, в спешке, в нарушение всех правил, с некомплект документов — в два дня. В два дня — в понедельник начали, в среду кончили! В каком бы состоянии ни была Люда, когда подписывала заявление, ей явно не дали опомниться. Правда, увидев свою ошибку, работники роно (а затем и Горно) энергично стали на ее сторону, а прокуратура Москвы опротестовала усыновление, но ведь решение исполкома можно отменить только по суду.

И вот теперь, в суде, они снова торжествуют, Анатолий и Клара, — не потому, конечно, что правда на их стороне, а потому, что Люда в таком состоянии, что суд вряд ли решится сейчас отдать ей ребенка (и действительно, он только отменил усыновление).

Слаженно действовала в этом деле наша пара. Нужно им получить липовую метрику на Костику? Они врываются в кабинет заведующей загсом, загоняют ее в угол, блокируют телефон, грозят обвинить во взятке, а увидев, что не получилось (прибежали сотрудники), едут за город и там получают нужный фиктивный документ. Свидетельница, научный работник (та самая, которой звонили в новогоднюю ночь), все-таки мужественно выступила в суде — Клара тогда вскочила с криком: «Она меня обокрала! Мою работу напечатала, как свою!» — чистый бред, но дело сделано. И видели бы вы Клару в ту минуту: какая там девочка, какой там мальчик — тут кобра, раздувая шею, стоит на хвосте.

На славу работают эти двое — оперативно, инициативно, весело. Но все же самая добротная их работа — по разрушению Людиной нервной системы. Недаром так ласково смотрит Клара, недаром и Анатолий, подойдя к бывшей жене, сказал сокрушенно: «Смотрю я на тебя — нет, тебе этой борьбы не выдержать».

А бедная Люда держится. Дрожит, не знает, какую провокацию еще придумают, какого лжесвидетеля найдут, но все же мужественно ведет свой бой за сына.

Почему они ничего не боятся, наши гангстеры? Напротив, они сами нагнали на окружающих страху почти мистического (многие свидетели на суд и заглянуть не посмели, а та свидетельница, которой звонили в новогоднюю ночь, шла в суд под вопли и плач семьи). А чего им, собственно, бояться? Они знают по долговому опыту: если «закопать труп на чужом огороде», пришлют команду с лопатами, будут проверять бездоказательное заявление, порочащее людей, да еще вызывать для объяснений того, на кого оно написано. В такой ситуации нашей паре не только легко жить, она благоденствует и резвится. Могла дорезвиться и до таблеток. Странная история, — не правда ли? — появление Виктора с женщиной, которую никто не рекомендовал, его бурная любовь, кончившаяся, лишь только документ был подписан. Кстати, приехав из нотариата к подруге, Люда заснула в кресле и проспала шесть часов, ее не могли будить — неясное, темное дело. Но все, кто с ним знаком, убеждены, что могли быть таблетки, могли. Эти люди на все способны.

Мы явно недооцениваем социальную опасности подобного доморощенного гангстеризма, на самом деле столь же опасного, что и бандитизм с ножом в руке. Тем более опасного, что он себя воспроизводит. Костик! Вот главная наша тревога.

Как вообще с ним быть, с Костином? Уже более трех лет (полжизни!) он живет в чужой семье, где родной у него один отец. В семье большой достаток, автомашина (сколько значит для мальчишки автомашина!). Он к этой жизни привык. Когда Люда пришла в школу, где Костик учится в первом классе, он, ее сын, увидев ее, сказал:

— Уходи, я тебя не знаю.

— Если ты не знаешь этой женщины, — сказала ему учительница, — почему же ты так зло и грубо с ней разговариваешь?

— Она уже три года мучает папу и Клару.

Яд лжи и ненависти уже инъецирован в его кровь. А дальше будет жизнь, и в ходе жизни пойдет тренаж по уже известным нам методам и средствам.

А ведь общество должно решительно противостоять подобного рода гангстеризму и делать все для того, чтобы статьи уголовного кодекса, карающие за ложный донос и клевету, повседневно работали. Чтобы общественная брезгливость стала тут отчетлива, общественное негодование активно, — тогда в решении этой проблемы возникнет необходимая острота, воздух станет чистым, а в чистом воздухе порок, как известно, задыхается.

Но это — воздействие общества на душу извне. А вот если бы в самой душе был хотя бы грань порядочности, хотя бы отдаленное представление о ней, скверных историй наподобие рассказанной просто не происходило бы.

«Поджогом чужой чести» называл клевету выдающийся русский юрист А. Ф. Конн. Если и нам подойти с этим определением к постыдному поведению Анатолия и Клары, то иначе, как поджигателями, их не назовешь. Молчать и равнодушно проходить мимо людей, беззастенчиво попирающих нормы нашей морали, мы не имеем права. И потому публикуем эту историю в дискуссии «Что значит — порядочный человек?». Надеемся, что разговор об элементарной порядочности, человечности и совести будет продолжен нашими читателями. Ждем ваших писем!»

Молодой человек, вы похожи на одного известного артиста,—сказал старый фотограф в маленькой фотомастерской на Невском.

— На кого?—удивился молодой человек.

— На Костецкого!—ответил фотограф и удивился в свою очередь.—Разве вы его не знаете?

Молодой человек Виктора Костецкого знал. Как можно знать самого себя, конечно, только известным никогда не считал. В его понятии известными были, например, мастера прославленного МХАТа—Н. Хмелев, Л. Леонидов, А. Грибов. До сих пор помнится Виктору далекое чудо из детства—патефон и старенькая пластинка. На ней—запись сцен из спектакля МХАТа «Анна Каренина», где Анна—Тарасова. Чуть не каждый день Виктор заслушивался этой пластинкой. Бороздки совсем стерлись, даже бумажная наклейка отлетела. Но Виктор упрямо таскал пластинку за собой.

А переезжала их семья довольно часто. Отец был военным, и место службы его постоянно менялось. Снимались с места совсем легко—чемоданы всегда стояли наготове. И сам Виктор быстро собирал в сумку заветные сокровища—старенький патефон и томики Лермонтова, Некрасова и Шекспира. Сначала их читала Виктору мама. А он слушал. Потом начал читать сам. Взялся на табуретку и декламировал по памяти длинные-длинные строки. И тогда его слушала уже вся семья.

А еще он любил сказку о Синей птице. Часами воображал себе спектакль любимого МХАТа. Уже много позже он увидит его в Москве. А тогда думал о чуде, и Синяя птица казалась спрятанной в стареньком патефоне. Тогда, в детстве, Виктор и решил, что однажды придет в театр и в волшебной полутьме сцены отыщет свою Синюю птицу. Только трудная это мечта—о Синей птице. Много странствий, много дорог, мало удачи. Отправился в путь, в Ленинград, поступать на актерский—не приняли. Друзья уговаривали пойти на художественно-графический факультет полиграфического института, стать художником-оформителем книг: Виктор ведь прекрасно рисовал.

Он легко сдал и рисунок и живопись. Добросовестно прозанимался весь год, но после первого курса вновь отправился в ЛИТМиК. И снова его ждала неудача. Судьба была упряма, но он, наверное, упрямее, потому что через год опять сдавал на актерский и поступил. Тут—ему, наконец, и повезло. Он попал к Б. Зону—педагогу яркому, интересному, внимательному. Когда-то Зон создавал театр для юных зрителей, и у него навсегда осталась любовь к молодежи, к ее поискам и стремлениям. И в институте Зон старался понять молодых. Но вот со студентом Костецким его отношения вначале как-то не складывались. Угловатый парень оставался для педагога загадкой, заставлял задуматься: получится из него актер или ходить ему в вечных сценических мальчиках?

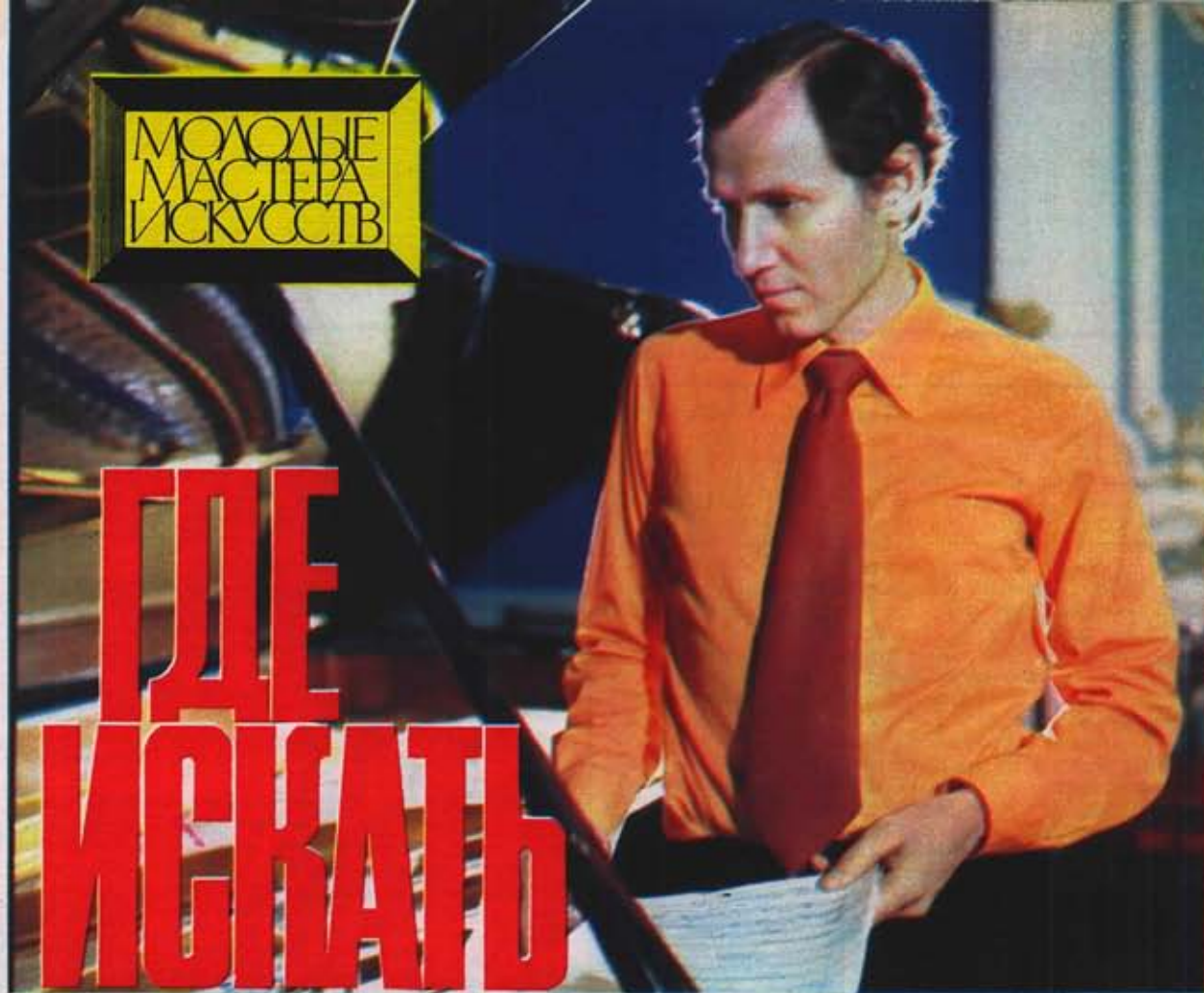
Поворот произошел, когда на курсе был зачет по сольному пению. Студент Костецкий не только пел—он играл, профессионально вылепленная образ. И неожиданно получил пятерку не за певческое, а за актерское мастерство. С тех пор учитель начал относиться к нему по-другому: старый мастер увидел, что «заболевание» сценой у Виктора не случайно.

И все же нелегко давалась в руки Виктору его Синяя птица сцены. Ленинградский театр имени Ленинского комсомола взял четырех его однокурсников. Шансов, что возьмут пятого, было мало. Но Костецкий все-таки рискнул. Показался—и был принят. Начал он с ролей совсем крохотных. Два года играл в эпизодах. Товарищи даже его прозвали «мастером эпизода».

Что-то, а эпизоды Виктор Костецкий играл мастерски. Это признавали все—и партнеры и зрители. Однажды в спектакле «Петровка, 38» ему дали роль с одной фразой. Он сказал ее так, что зал разразился хохотом и аплодисментами. А товарищи прибежали выяснять, что случилось. Ведь раньше в этой сцене не было никакой реакции зрителей.

Как часто молодые актеры жалуются, что мало работы, что нет достойных ролей, хотя ты мог бы сыграть Гамлета. А Костецкий не ждал, пока ему предложат Гамлета. Играл Чудище в «Аленьком цветочке», ходил весь то в зеленой бахроме, то с наклеенным носом, то с оттопыренными ушами.

И к каждой работе относился творчески, по-рыцарски, в каждой искал что-то важное и дорогое. И может, потому, что он всегда что-то придумывал, отыскивал, работал над своими ролями до седьмого пота, судьба свела его с такими режиссерами, как Г. Товстоногов, А. Товстоногов, Р. Сирота и с удивительными героями. Он играл чуткого, деликатного

ГДЕ ИСКАТЬ СИНЮЮ ПТИЦУ

Ивана Петровича в «Униженных и оскорбленных», бескомпромиссного Ипполита в «Выборе», взвинченного парнишку Тони—современного американского Ромео из трагической «Вестсайдской истории». Диапазон достаточно широкий для молодого актера!

О нем говорили и писали. На спектакли с его участием спрашивали лишние билеты. Синяя птица уже летела совсем рядом. И шум ее крыльев напоминал аплодисменты после спектакля. А Костецкий вдруг взял да и перешел в Театр музыкальной комедии.

Честно говоря, это должно было случиться. Именно музыка выручила его в институте. Да и первые шаги на сцене хотя и были в театре драматическом, но вели явно в театр музыкальный. На сцене солидного, серьезного театра музыка ухитрилась доминировать его чуть ли не в каждом спектакле. И начинались курьезы, как однажды, когда ему поручили крохотную роль японца. Выходил его герой под проигрыш какого-то синкопированного мотивчика. Ничего особенного—ни один исполнитель этого мотивчика, собственно, не замечал. А вот молодой актер вышел какой-то кланяющейся, «восточной» походкой и закивал болванчиком. Зал засмеялся, чего в спектакле, естественно, не предусматривалось. В антракте режиссер начал отчитывать Костецкого за вольность. Виктор недоумевал: а как он еще мог выйти под такую музыку?..

Актер Костецкий читал ленинградцам стихи и пел грустные романсы в спектаклях. Но это было в драматических спектаклях. Дома часто зачитывался рассказами Бунина и Куприна. Вслушивался в музыкальную гармонию строк. Но их музыка все

равно была музыкой прозы. А ему нужна была мелодия сцены, мелодия театра, мелодия действия, оживающего с первым лучом прожектора.

И потому, когда молодой режиссер Владимир Воробьев пригласил его в Театр музыкальной комедии, он согласился не задумываясь.

Переходить на новую работу всегда трудно. Особенно, если твоя работа—театр. А если это еще и театр совершенно иного жанра,—почти невысказано. Актер драмы в Театре музыкальной комедии—такого еще не бывало!

Но Костецкий начал все заново. Свой первый спектакль. «Как сделать карьеру», он репетировал так ярко и интересно, что собирались все актеры театра.

Итак: живущий—да летит!—гласит восточная мудрость. Приближалась премьера. Все шло блестяще. И вдруг Костецкий заболел. Мало того—совсем не смог петь. Сказалось—таки огромное перенапряжение последних месяцев работы. Но он все-таки пришел в театр. И отыграл весь спектакль на едином дыхании. Зал восторженно аплодировал. И вдруг застучали смычки скрипок. Зааплодировал оркестр.

С легкостью и изяществом истинного персонажа комедии существовал на сцене его герой Финч. Будто и не было мучительных репетиций! Обаятельный Финч, этот сногшибательный пройдоха и враль, ловко устраивал свои дела, обставял всех, продвигаясь по служебной лестнице. Однако отнюдь не милого плута рисовал перед зрителями актер. В сатирическом спектакле он убедительно показывал развитие образа: по ходу действия из веселого предприимчивого парня Финч превращался в делового «волка», способного проглотить не только фирму, в которой он служит, но и парочку других миллионных концернов в придачу.

Финч был признан лучшей ролью года театрального Ленинграда. А в следующем году эту же награду «получил» Михайло Васильевич Кречинский, сыгранный Костецким в «Свадьбе Кречинского».

Сегодня все единодушно соглашаются: Костецкий—лучший Кречинский в музыкальном театре. Если провести своеобразный конкурс «Кречинских» по всей стране, Кречинский Костецкого был бы, что называется, вне конкурса. В сущности, пока все актеры повторяют его трактовку.

Легко ли это—быть лучшим? Да и вообще как создаются роли, о которых зрители говорят потом: «Да он просто рожден для этой роли!»

Нет, Костецкий не был рожден для роли Кречинского. Больше того, казалось, совсем не подходил для нее, и выбор режиссера Воробьева выглядел весьма спорным. Ведь Кречинский—человек жесткий, способный на мгновенную блестящую аферу. Костецкий же сам по себе человек интеллигентный, деликатный. Тут уж не пойдешь только от «себя в

СУДЬБА СВЕЛА ВИКТОРА КОСТЕЦКОГО С ИНТЕРЕСНЕЙШИМИ ПЕРСОНАЖАМИ. СЕГОДНЯ ВСЕ ЕДИНОДУШНО СОГЛАШАЮТСЯ: КОСТЕЦКИЙ — ЛУЧШИЙ КРЕЧИНСКИЙ В МУЗЫКАЛЬНОМ ТЕАТРЕ.

Фото Сергея ВЕТРОВА

«Труффальдино» — спектакль необыкновенно веселый. Смеются не только зрители, но и актеры за кулисами. А после спектакля Костецкий убеждает нас: «Пусть будет радость. Пусть будет веселый спектакль. На сцене ведь не создать атмосферы карнавала, если выходить с каменными лицами».

Сам Костецкий — неугомонный, жизнелюбивый человек. Дома у него всегда шумно и весело. Все давно привыкло к тому, что в его уютной квартире можно собраться, посидеть часок-другой после спектакля, поговорить по душам. Он умеет слушать и понимать, умеет внушить человеку уверенность в свои силы. Поэтому вокруг него всегда и складывается та атмосфера взаимопонимания, что привлекает к нему друзей. Может быть, поэтому, когда в театре встал вопрос о выборе председателя месткома, все единодушно назвали Виктора Костецкого. Он ведь по-настоящему добр.

У Костецкого все получается артистично. Каждая его импровизация — законченный рассказ, каждый жест пластичен. Каждая новая встреча с ним начинается с его вопроса или восклицания: «А вы читали?.. Вы слышали?.. Вы были?..» Он всегда в гуще жизни. Такое ощущение, что он знает все. И не может жить — просто не может! — чем-то не увлекался. И не поверхностно, а серьезно, взвешенно. То книгами В. Шукшина: «Это же удивительный писатель! В характерах, мимо которых мы проходим каждый день, он открывает жемчужины русской души». То новой выставкой: «Иногда так и тянет самому взяться за кисть. Времени не хватает. Недавно, правда, решил написать портрет дочери — получилась вылитая мама». То новейшими гипотезами о звездных мирах: «Разве может человечество быть одиноким? Жизнь началась среди звезд и уходит к звездам. Влюбленные всегда смотрят на звезды. Что-то же они находят там!»

А еще Костецкий увлечен коллекционированием старинных монет и медалей. Началось все с того, что однажды ребята собирали железный лом. Кто-то вместе с примусами вытряхнул на стол приемника ржавую монетку. За лом полагались деньги, но Виктор наотрез отказался. «Чего же тебе?» — недовольно спросил старик. «Мне, дедушка, вон ту денгу!» — ответил мальчишка и умчался, зажав в руке находку. А дома, отмыв, увидел на ней год — 1751 и коровью выведенное слово «денга».

Теперь в коллекции актера есть редчайшие вещи. Вот медаль, выпущенная сразу после Февральской революции. На одной стороне — лозунг Французской революции: «Свобода, равенство, братство». На другой — женщина в классической тунике со шитом. На нем надпись: «1 марта 1917 года». А вот таинственная японская медаль с драконом, обнимающим грозный щит. И посреди щита светится древний золотой иероглиф. Есть у Костецкого и «Георгий» и «Владимиры», и даже «Анна» с мечами есть.

Но о чем бы ни говорили, разговор всегда незаметно перейдет на театр. Так уж получилось, что для всей семьи Костецких театр не просто место работы, а вся их жизнь. Жена Виктора тоже работает в театре. Профессия у нее — театральная гример. А дочка Костецких Даша — та совсем, можно сказать, выросла в театре. Пока папа репетировал, сидела в темноте зрительного зала и смотрела молча — знала: папа работает, мешать нельзя. Чтобы чем-нибудь заняться, вспоминала сказки, которые перед сном всегда сочиняет ей папа. В пять лет Даша и сама сочинила свою первую сказку: про короля, королеву и непослушного принца. Потом эта сказка под интригующим названием «Свадьба» вышла в домашнем самиздате. Автором и художником значилась Даша, а главным редактором — папа. Потом сказка разыгрывалась дома, и папе досталась роль короля. Кажется, он справился с ней не очень удачно, потому что второго представления Даша не потребовала.

Студенты с отделения мюзикомедии ЛГИТМиКа считают, что актера и педагога лучше, чем их Виктор Александрович, нет и быть не может. Да и он любит своих ребят, возится с ними с утра до вечера, как только выдается свободное от репетиций время. И чаще всего работает с наименее подготовленными, составляет с ними партитуру каждой, даже самой крохотной роли. И может, потому он так радуется их успехам, что хорошо помнит, как трудно самому давалось все на первых порах.

— Учитель должен учить! — убежден Костецкий. — Учить не только актерскому мастерству. Учить жизни. Если я хоть чуть старше и опытнее

их, я должен передать им свой опыт. Студенты вот часто спрашивают: плохо ли подражать кому-то? Но ведь вначале всегда кому-нибудь подражаешь. Это неизбежно. И я не против, не критикую за это, знаю: рано или поздно найдут свой рисунок. Но есть то, что нужно осознать с самого начала: в каждый спектакль актер должен — да просто и не имеет иного права! — внести одержимость какой-то большой идеей, восставать против подлости, восторгаться силой чьего-то чувства и мужества. В спектаклях нашего театра, на мой взгляд, это проявляется особенно. Ведь как часто говорят: «Музкомедия... Что вы можете?» А ведь говорят именно потому, что в «легком» жанре — что греха таить! — еще встречаются и пошлость, и узость кругозора, и стремление вытянуть спектакль на красивой мелодии и обаянии юной актрисы. А между тем мы можем очень многое. Когда ставили «Отражение», спектакль о ленинградской блокаде, многие считали, что он неуместен в Театре музыкальной комедии. Но мы с режиссером В. Воробьевым думали иначе: спектакль должен был появиться в нашем театре! На обсуждении нас поддержали шефы с фабрики «Красное Знамя». «Ваш театр был с городом в те тяжелые дни: вы ободряли и веселили, — сказали они. — Вы с полным правом можете вспомнить, как это было».

И театр вспомнил. И авторам было что вспомнить: режиссер Воробьев мальчишкой сам пережил блокаду, у него на глазах умер старший брат; композитора А. Колкера ребенком вывезли на Большую землю; отец Костецкого прошел всю войну.

В этом спектакле нельзя было играть — нужно было жить. И пережить, перенести боль памяти. На одну из репетиций пригласили группу ребят из детской музыкальной школы. Тонкие детские голоса запели «Священную войну». После первого куплета репетиция прервалась. Актеры не смогли сдержать слез. В тот день больше не репетировали.

— В спектакле остались взрослые исполнители, — рассказывает Виктор. — Но продолжавшие звучать в нас те детские, шепчущие голоса стали болью всего спектакля. Дети и блокада — это страшно, невозможно, несомненно. Но это было. И мы не забыли. Мы не имеем права забывать... Что ж, разве всегда Театр музыкальной комедии должен забавлять и веселить людей?

Наверно, именно такие спектакли, страстные, бескомпромиссные, сделали Виктора Костецкого любимым актером ленинградцев. Теперь он уже заслуженный артист республики, хотя, честное слово, солидности не приобрел. По-прежнему он день и ночь пропадает в театре, что-то придумывает, репетирует. И на вопрос, есть ли у него любимая роль, улыбается:

— Все любимые. Если встречается нелюбимая, надо отказываться. Ведь на время спектакля роль — это твоя сущность. Нельзя общаться с человеком, если он тебе неинтересен. Нельзя играть, если роль тебя «не греет». Из бесстрастного наблюдения тепла не родится.

...Однажды Костецкому предложили сыграть Некрасова. Эпизоды в фильме не очень большие, но ведь это Некрасов — любимый поэт! Придя домой, Виктор схватился за томик его стихов. Когда-то он зачитывался некрасовскими стихами вместе с мамой. Она рассказывала о поэте увлекательно и чуть печально. Перед глазами вставал Рыцарь добра — страстный и бескомпромиссный. Могли ли они в те долгие вечера подумать, что Виктор сыграет роль поэта в фильме «Зеленая карета»!

Да, в героях Костецкого много рыцарства, благородства, душевной стойкости. Недаром он мечтает сыграть Сирано де Бержерака — неистового гасконца, грустного мудреца.

Эти черты рыцарства и благородства проступают и в современных ролях Костецкого. В новом фильме «В моей смерти прошу винить Клаву К.» он снялся в роли Отца. Когда на обсуждении спросили одного парнишку: «Как ты думаешь, какой он, этот отец?» — мальчишка ответил: «Не знаю. Но такого я бы хотел и себе». Да, именно такого — справедливого и чуткого старшего друга.

А вот Даша, поняв однажды, что папа окончательно заработался в своем театре, уходя спать, оставила ему маленькую записку большими печатными буквами: «Папа, я не знаю, что происходит на свете, но мне нужна елка!»

Оказывается, работы было так много, что Виктор забыл про Новый год.

Елку, конечно, нашли. И на Новый год позвали всех друзей. И начался один из тех веселых домашних капустников, о которых потом долго вспоминают в театре. И хозяин дома пел, сочинял стихи, пародировал друзей, разговаривал голосами Этуша и Папанова. И все были счастливы. Потому что поверили в новогоднее чудо, в себя, в то, что все вместе они найдут свою Синюю птицу.

Помните, как в старом волшебном спектакле: «Мы длинной вереницей пойдем за Синей птицей...»

предлагаемых обстоятельствах». Пришлось работать и работать. Репетиции, вокал, танцы, пластика. Но если бы только это! Нет, Костецкий не был бы Костецким, если бы не переворачивал груды книг, читая о той далекой эпохе, о нелегкой судьбе драматурга Сухово-Кобылина. Больше всего поразило тогда Костецкого один портрет писателя. Умный, пронзительный человек смотрел куда-то вдаль, усы топорщились задорно, по-галльски, только глаза блестели горько и грустно. Настоящий рыцарь печального образа, умудренный жизненными боями. Потом именно этот взгляд появился у Кречинского — Костецкого — взгляд человека, многое знающего наперед.

Этот Кречинский — фигура совершенно неожиданная. Он молод, деятелен, остроумен и дьявольски обаятелен.

С его-то умом, дерзостью и талантом он мог бы стать философом или естествоиспытателем. Но что талант в мире, где все ложь и обман? Вечно только одно — деньги. Кречинский Костецкого гоняется за ними в лихорадочном азарте. В средствах Кречинский мастак: где откровенная лесть, где бешенство, где просто прямая угроза. Чего стесняться? «Игра, идет игра!» Он весь в этой игре. И только в глазах грустное предчувствие, словно он все знает наперед. Знает свой неизбежный проигрыш в схватке с жизнью. И его знаменитое «Сорвалось!» относится уже не к афере, не к свадьбе, а к самому себе, который проиграл в этой схватке.

И это горькое осознание нелепо загубленной собственной жизни, загубленной погоней за призраками золотого тельца, делает Кречинского — Костецкого не только жертвой, но и обличителем жуткого мира, убивающего в человеке все человеческое.

А если вы увидите Костецкого в веселом спектакле «Труффальдино», ни за что не поверите, что это тоже он. Здесь Костецкий играет Флориндо. Роль далеко не главная да и вообще не бог весть какая оригинальная. Несчастный дворянин в опале, да и к тому же безнадежно влюбленный. Но Костецкий, как всегда, подошел к характеру своего героя довольно неожиданно. Его «несчастный дворянин» влюблен в жизнь, в пирушки с друзьями и в ночные карнавалы. И, конечно же, во всех женщин Венеции сразу. А поскольку каждому уважающему себя «герою» полагается тосковать по оставшейся где-то возлюбленной, тоскует и он — Флориндо. Чем он хуже других?

— Вот идет несчастный Флориндо! — кричит его слуга, представляя зрителям своего господина. И на сцену в окружении красоток вваливается этакий цветущий балагур и повеса.

— Он так страдает! — вопит слуга, пытаясь образумить Флориндо.

И Флориндо Костецкого, вспомнив, что он душа страдающая, заламывает руки.

СЕНТЯБРЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

«ПУТЕШЕСТВИЕ В АД»

Нью-йоркское метро, отметившее 75-ю годовщину своего основания, считается одним из самых опасных в мире. В 1979 году число совершенных в этом метро преступлений повысилось по сравнению с предыдущим годом на 60 процентов. Двенадцать убийств, около двадцати изнасилований и свыше двух тысяч всякого рода нападений и ограблений — такой печальный баланс года. Генри Миллер, известный американский писатель, сравнил поездку в метро с «путешествием в ад».

Перроны метро производят отвратительное впечатление — они грязны, завалены горами отбросов. Некоторые двери вагонов не открываются, а некоторые открываются только наполовину, что вызывает невероятную давку, особенно в часы пик. Стекла вагонов так засалены, что кажется, будто их мыли последний раз в 1904 году, то есть в год основания метро.

Лабиринты плохо освещенных коридоров, темные углы под ле-

стницами — вот места, где действуют преступные элементы. Бывает, они орудуют прямо под носом дежурящего полицейского. Мэр города Эдвард Кох попробовал развернуть наступление на преступность. С шести часов вечера до двух часов ночи, то есть в то время, которое признано особо опасным, в каждом составе метро теперь дежурит полицейский.

Усилив надзор, удовлетворительных результатов нью-йоркские власти все же не добились. «Муниципалитет проиграл войну против преступности» — так озглавила одну из статей о метро «Нью-Йорк пост».

Миллионам ньюйоркцев, отправляющихся на работу, волею судьбы приходится каждый день совершать «путешествие в ад»: ведь метро — единственный в городе транспорт, который не знает уличных пробок и позволяет без опоздания прибыть на рабочее место.

ДЗЕННИК ЛЮДОВЫ,
ПОЛЬША

ТРАГЕДИЯ АМАЗОНИИ

Девственные леса Амазонии часто называют «легкими мира». Этим огромным зеленым массивом угрожает большая опасность, поскольку, по мнению ученых, быстро прогрессирующее необдуманное выкорчевывание джунглей вызывает эрозию почвы и значительно уменьшает атмосферные осадки в этой области, что может иметь пагубное влияние на климат во всем мире. Под предлогом использования бразильской Амазонии безжалостно расхищаются ее природные богатства. Коренные обитатели тропических лесов — индейцы — насильно сгоняются со своих земель и становятся жертвой геноцида.

«Если леса, занимающие площадь, равную двум третям территории Соединенных Штатов, и далее будут вырубаться теперешними темпами, в Бразилии образуется новая Сахара», — предупреждают экологи. Как подтверждают данные, полученные с помощью искусственных спутников, уничтожена уже десятая часть лесов. Это означает, что опустошена территория, большая по площади, чем штат Техас.

В Амазонии строятся крупные поселения, самые большие из которых лежат в устье реки Жари, северного притока Амазонки. Они

принадлежат американскому миллиардеру Д. Людвигу, который приобрел более миллиона гектаров леса. Людвиг даже построил в своем «королевстве» нечто вроде столицы с 10 тысячами жителей. В Японии американский миллиардер закупил плавучий завод по производству целлюлозы, который своим ходом доставлен сюда через полмира.

«Фольксваген де Бразил», одна из крупнейших иностранных компаний в стране, получила право эксплуатировать леса на одной стороне автомагистрали от Белена до города Бразилиа. Этот земельный участок равен по площади Люксембургу. Итальянская фирма «Людвигас» владеет огромным скотоводческим ранчо площадью в 420 тысяч гектаров. Мясо доставляется в Италию самолетами.

Современные колонизаторы, захватившие индейские земли, не останавливаются ни перед чем. Число индейцев постоянно уменьшается. Бразильский «закон об индейцах» говорит об их «постепенной интеграции». До сих пор эта интеграция заключалась в том, что индейцев просто убивали.

«МЛАДИ СВЕТ»,
ЧЕХОСЛОВАКИЯ

ЛИЦОМ К ЛИЦУ С ОКЕАНОМ

Необычное плавание совершил итальянец Серджено Феррери. Отправившись с острова Ивиса (Балеарские острова) на видсерфе — доске с небольшой мачтой и парусом, он спустя 36 часов достиг благополучно Барселоны. Расстояние между этими двумя пунктами — 150 морских миль. Одеждой в специальный прорезиненный костюм сядельчаку пришлось простоять на ногах все 36 часов, с большим вниманием ведя крохотное «судно» в правильном направлении. Феррери сопровождал катер, на котором находилась комиссия для засвидетельствования рекорда. С катера он получал пищу. Потода, в общем, благоприятствовала плаванию, но были и моменты, которые потребовали от спортсмена напряжения всех сил.

«МАГАЗИН», РУМЫНИЯ

ЕХАТЬ ИЛИ ШАГАТЬ?

Историки техники предполагают, что всем нам хорошо известное колесо было изобретено шесть-семь тысяч лет назад где-то в Месопотамии. Несомненно, это было одно из крупнейших изобретений в истории человечества. Преимущества колеса очевидны, и долгое время мало кому приходило в голову мысль о его несовершенстве. Колесо наиболее эффективно работает тогда, когда под ним ровная поверхность дороги или ее частный случай — рельсы. Другим частным случаем являются гусеницы — их можно считать прототипом дороги, которую транспортное средство постоянно возит с собой.

Природа, как известно, не знает колеса. Похоже, что этот вариант был отклонен ею уже давно, что, впрочем, несколько не задержало эволюции живых существ. На труднодоступной территории самым надежным двигателем является нога. Это, в сущности, своего рода шарнирное соединение, состоящее из суставов, в которые очень хорошо вписываются кровеносные сосуды, нервы и мускулы. Создать шагающее транспортное средство... Такие попытки делаются уже давно: ведь природа технически ложных решений не принимает, а иметь шагоход во многих случаях очень полезно.

Любопытный вариант шагающей машины был построен американской фирмой «Дженерал электрик». Это устройство высотой три метра и весом полторы тонны, этакий гигантский железный кузнечик на четырех «ногах». Без применения электроники здесь не обошлось. Отдельные элементы управления прикреплены к рукам, ногам и корпусу водителя, благодаря чему с помощью применения гидравлических систем движения передаются на «ноги» машины. Центр стабилизации устойчиво сохраняет равновесие в самых критических ситуациях. К подошвам водителя подведена система обратной связи, поэтому он может хорошо ощущать сопротивление грунта и другие параметры движения, шагая так, чтобы не отвлекаться от выполнения более важных задач.

Конструирование шагающих машин — дело весьма и весьма сложное, однако шагоходы различных типов могут найти важное применение как на Земле, так и при исследовании других небесных тел. Попытка применить в делах человеческих еще один патент природы является весьма соблазнительной.

ХОББИ «ДЛИННОГО ДЖО»

Джо Лонг чистит окна своей квартиры с улицы без лестницы, хотя живет на втором этаже. «Лонг» значит по-английски «длинный». Сам Джо имеет рост лишь 1,67 метра, но ради шутки прохаживается при чистке окон на кодулях высотой 7,2 метра. Сейчас Лонгу 34 года, из них 27 он увлекается этим своим хобби, в котором считает себя чемпионом мира: он уже вставал на кодули высотой в 10,5 метра. Однако и этот свой результат он собирается улучшить.

«МАДЬЯР ИФЬЮШАГ»,
ВЕНГРИЯ

«ВИЛЬД ДЕР ВИССЕНШАФТ»,
ФРГ

МЕЛОДИИ ПЛАНЕТ

Американские ученые с помощью электронно-музыкального синтезатора записали на долгоиграющей пластинке звуки, которые могли бы издавать планеты Солнечной системы при идеальном движении по своим орбитам.

Эта своеобразная музыка — плод многолетних усилий музыкантов, искусствоведов, астрономов и кибернетиков. Они синтезировали эту музыку сфер на основании вычислений одного из величайших астрономов нашей планеты — Иоганна Кеплера. Открыв в XVII веке законы движения небесных светил, Кеплер высказал гипотезу о существовании связанной с ними музыки. Вычислив изменяющиеся скорости планет, он преобразовал их в тона. Согласно его теории, музыка сфер является «непрерывной песней для несколь-

ких голосов, которая улавливается разумом, а не ухом». С помощью электронно-вычислительной техники ученые смогли сделать эту музыку слышимой.

«Песня» всякой планеты — прямой результат ее величины, формы и изменяющейся скорости движения. Меркурий, например, тонко подсвистывает, и быстрый переход от одной тональности к другой соответствует небольшому периоду его обращения вокруг Солнца. Венера и Земля с их почти сферическими орбитами имеют близкие мелодические регистры. Венера звучит в диапазоне четверти тона, а Земля «выпевает» немного печальную полутоновую мелодию. В то же время Марс издает звуки с быстрыми переходами, охватывающими широкий диапазон тонов.

От Меркурия до Плутона планеты «поют» в двухдольном такте с многократно повторяющимися басовыми ритмами, в которые вклиниваются микроритмы. В этом есть какое-то смутное и почти неуловимое сходство с «Испанской рапсодией» Ра-

вля, но в грандиозных космических масштабах. Эта электронно-бесплотная музыка напоминает также немного авангардистскую музыку пятидесятых — шестидесятых годов. Здесь так же часто употребляются низкие тона, есть та же беспощадно логическая связь между абстрактными элементами, те же нечеловечески точные, компьютерно-размеренные образы. Повторяющийся мотив ритмических басовых нот напоминает удары сердца. Мотивы меняются почти незаметно, как меняются и орбиты планет.

Кеплер был не единственным ученым, который интересовался музыкой сфер. Подобные предположения делались еще во времена Пифагора. А английский поэт-романтик Блейк писал, что «звезды поют хором», что, как оказалось, не было только поэтической метафорой. Следует заметить, что сам Кеплер обладал весьма большими познаниями в музыке, что позволило ему соотнести формулы законов движения планет с соответствующими нотами, описывающими «музыкальный голос» каж-

дой из известных ему планет. Интересно, однако, что некоторые математики, принимавшие участие в «озвучивании» астрономических величин, утверждают, что никакой гармонии здесь нет, а есть только точное математическое объединение формул Кеплера, преобразованных в абстрактные музыкальные звуки.

«СЪЯНС Э ВИ», ФРАНЦИЯ

Традиции позора

Когда подполковник бундесвера Динерт входит в штабное здание, его встречает широкой улыбкой бравого воина манекен в форме капитана гитлеровского вермахта. Здесь, в вестибюле, на самом видном месте красуется целая галерея портретов офицеров нацистского вермахта, одна стена занята старыми фашистскими грамотами «За солдатскую доблесть» и большой кичливой картой «Военные кампании 1939—1945 годов». Все это называется «уголком традиций». Подобные «уголки», а также комнаты и кабинеты становятся обычными не только в бундесвере, но и в школах. Подчеркнутое почтение к орденам, медалям, эмблемам, знаменам и прочим регалиям гитлеровских времен подается как «уважение к традициям». И многие придерживаются того же мнения, что и подполковник Динерт, который считает: «Должны же и у нас быть какие-то традиции». Динерт, участник второй мировой войны, знаком с истинным лицом нацистского рейха, но все-таки считает «уважение» к его «традициям» не только безобидным, но и нужным делом. Что же говорить о людях, лично не знавших фашизма. Куда поведут их эти «традиции»?

«ЭЛАН», ФРГ

«ПРОСТО РАБЫ»

Таиландский бокс... Вступая на ринг, боксер прежде всего касается пола головой, потом обращается к «духу» ринга и кланяется противнику. Только теперь можно начинать бой.

В таиландском боксе бить можно не только кулаками, но и ногами — в любую часть тела. Это самый популярный в стране вид зрелища. В Бангкоке боксерские соревнования регулярно проходят в двух больших спортзалах. Бой устраиваются и на индивидуальных заказах богачей. Для многих молодых людей это единственный способ заработать немного денег. Что же касается прибылей владельцев спортзалов, то их ежегодный доход исчисляют миллионами долларов. Они полновластные хозяева боксеров. Тяжелые травмы спортсменов дельцам безразличны, поскольку проблем с заменой выбывших нет — в стране массовая безработица. Как цинично заявил в газетном интервью один из боссов таиландского ринга, боксеры — это «просто современные рабы»...

«НБИ», ГДР

ИГРА СТОИТ СВЕЧ

Фанарона, чатуранга, бак-измак, реверси, вари, го, таблут, тальма... Что означают эти таинственные названия? На каком это языке?

Загадка? Загадка. Но не для всех. Для знатока и любителя стратегических игр они так же понятны, как слова «шахи», «шахматы» или «домино».

Выигрыш в стратегических, или, как их еще называют, логических, играх зависит не от простого везения, не от «воли судьбы», как, скажем, в карты или рулетке, а от комбинационного мастерства, от памяти, изобретательности самого игрока, от его понимания тактики, наконец, от его воли к победе. Достоинства стратегических игр в развитии многих полезных качеств давно уже признаны специалистами.

Несколько лет назад варшавское правление Социалистического Союза Польской Молодежи организовало в столице Польши «Молодежный центр игр и развлечений». Пожалуй, это единственная в Польше организация, уставной целью которой является пропаганда игр как полезной и увлекательной формы активного проведения свободного времени. Сейчас этот клуб, возглавляемый группой энтузиастов под руководством Тадеуша Урбановича, насчитывает в своих рядах уже более 1000 постоянных членов — людей разных профессий, разного уровня образования.

В «Центре» родилась и приобрела необыкновенную популярность

новая разновидность молодежного вечера отсюда — игротеха. Устройством ее несложно: традиционная дискотека плюс салон стратегических игр. Конечно, это не означает, что именно игра участникам дискотек недоставало, как говорится, для полного счастья. Секрет популярности, очевидно, в том, что игры были предложены как одна из возможных занятий: не в перерыве, а одновременно с танцами и не для каждого, так сказать, «принудительно», а только для тех, кому это нравится.

Группа во главе с Урбановичем объезжала со своим реквизитом всю Польшу. У них побывало более миллиона любителей игр, и после каждого «представления» поступают новые приглашения. Они желанные гости в домах культуры, санаториях, школах.

Но где же они берут свои игры? Промышленность производит пока недостаточно игр для взрослых, поэтому письменный стол Тадеуша Урбановича не похож на столы иных заведующих клубами и директоров домов культуры: не блестит полировкой и не завален бумагами... Он перепачкан конторским клеем, изрезан ножами, исцарапан козеницами. Этот стол — рабочий верстак Активисты молодежного клуба только своими силами уже изготовили несколько сот комплектов игр. И каждый день добавляются новые...

«НА ПШЕЛАЙ», ПОЛЬША

Обзор зарубежной печати.
Материалы печатаются в изложении.

Телетайпы отстукивают сообщения из Италии — словно звучат автоматные очереди с поля боя... Агро-Ночерино, область Кампания... В центре города на глазах сотен людей несколькими выстрелами в упор убит бывший мэр, адвокат Джорджо Барбаруло. Он был известен непримиримыми выступлениями против «мафиози»...

Палермо, Сицилия... Террористы убили главного прокурора города Газтано Коста. Убежденный антифашист, он занимался расследованием деятельности правых экстремистов, а также связей сицилийской мафии с американским преступным миром...

Болонья... Страшное, чудовищное преступление совершено неонацистами. Взорвано здание железнодорожного вокзала. Страна потрясена: число погибших — 84, число тяжелораненых — более 200, среди жертв много детей... Когда было передано это сообщение, спасательные команды еще продолжали извлекать из-под развалин тела погибших...

Убит, убит, убиты... Пуля и бомба давно уже стали оружием борьбы за влияние и власть, главным аргументом — уголовников от бизнеса и политики против тех, кто слишком много знает, кто стремится открыть людям глаза на чудовищное сплетение бандитизма, политического террора, коррупции полицейских и чиновников, от которого стонет страна на Апеннинском полуострове. Паутина организованной преступности вряд ли когда прежде душила с такой беспощадностью Италию. Сколько трагедий произошло и сколько еще произойдет, пока положение удастся изменить! Демократы и антифашисты, трудовой народ Италии, прогрессивная интеллигенция, студенты, профсоюзные и молодежные организации энергично и решительно выступают против разгула бандитов и террористов, однако у тех слишком могущественные и высокие покровители, чтобы говорить сегодня о сколько-нибудь серьезных победах в походе за нормализацию жизни в стране. Борьба продолжается и вовлекает в свою орбиту новых и новых людей. В том числе и таких, кого не глубокие политические убеждения, а нередко просто элементарная человеческая порядочность приводит на баррикады необъявленной войны, навязанной стране преступным альянсом мафии, полиции, секретных служб, политической реакции.

Так произошло с героем романа, предлагаемого читателю.

Хочешь быть честен — приготовься к самым тяжким испытаниям, к преодолению непробиваемой стены, вырастающей на пути к раскрытию преступления, к смертельной опасности, ибо хозяева преступного мира имеют своих людей всюду, приготовься к худшему для себя и для своих близких.

Пространные рассуждения о правах — и насаждение бесправия, высокопарные рассуждения о законности — и разгул беззакония, проповеди о христианских добродетелях — и поощрение всех и всяческих форм антидемократического террора — таковы будни государства, где правые силы судорожно цепляются за власть. Вопреки интересам народа, вопреки воле народа. Такова современная капиталистическая действительность.

Литературный глобус «Смены»

ЧЕРНАЯ КОШАЧКА

ПОВЕСТЬ

Инизеро КРЕМАСКИ

Перевод с итальянского
Екатерины БОЧАРНИКОВОЙ

1

— Вы действительно Камилло Сандри?

Уже три раза я ответил ей, что меня зовут именно так. Официант приносит поднос с бокалами, мы одновременно поднимаем их. Стоит ли уточнять, что для меня Джулиано ближе брата, мы друзья с младенческого возраста или почти. Пусть лучше она скажет, что случилось, почему примчалась ко мне в полицейский участок, принесла с собой запах дождя и ощущение страха. И потащила в это совсем не аппетитное заведение, и вот уже который раз уходит от прямого разговора, и я не стал бы тратить время, если бы она сразу не сказала, что у Джулиано неприятности.

Девушка смотрит через стекло на улицу, словно удивляясь, что в Милане дождь. Она нервничает, царапает ногтем ручку небольшого чемоданчика-косметички.

— Вы удивляетесь, почему Джулиано сам не пришел?

Я чувствую себя невероятно усталым, ничему не удивляюсь и не задаю вопросов. Официант зажигает неоновые трубки, девушка вздрагивает, осматривает помещение. Успокаиваю ее: мы здесь одни, а если кто-то и придет в такой ранний час, это могут быть лишь мои друзья — агенты уголовной полиции.

— Вы подруга Джулиано?

— В некотором роде...

— Как вас зовут?

Молчание. Я встаю, у меня нет никакого желания

заниматься глупыми играми в свой свободный вечер да еще с невестой Джулиано или его подругой. А ее только и интересует ливень, грозящий залить улицу. Какой абсурд!

— Как вам угодно... Объяснитесь, или я уйду домой.

— Почему?

Я вынужден сказать ей, что провел на ногах всю ночь, один тип заехал мне кулаком в зубы, и теперь мне кажется, что даже не все кости у меня целы.

— Простите меня, — говорит она, — я действительно считаю, что мое имя не имеет ко всему этому никакого отношения.

Пусть расскажет мне то, что ей самой кажется важным. Единственная причина нашей встречи — помочь Джулиано. Я предлагаю сесть в машину и поехать к нему. Как я могу помочь, не зная, в какую историю он влип.

— Сейчас он у меня. Если вы согласны, поедem к нему вместе... Нет, по телефону с ним нельзя говорить, ни в коем случае.

Выходим под дождь, садимся в самый старый «Фольксваген» из всех циркулирующих по улицам Милана. Впереди ничего не видно, пока наконец «дворникам» не удастся преодолеть сопротивление дождевых потоков, теперь я могу рассмотреть перебегающих улицу прохожих под зонтиками. Раз уж у девушки нет имени, попробую сам окрестить ее.

— Имя Сабина вам подходит?

— Ни в коем случае! — Но тут же меняет мнение, говорит с извиняющейся улыбкой: — Если вам оно нравится... Мне лично все равно.

— Какие у Джулиано неприятности?

— Не знаю.

Конечно, лжет. «Фольксваген» дребезжит, плетется, спотыкаясь, по тоннелю Центрального вокзала, ему давно пора на кладбище железного лома. К сожалению, финансовое положение агента уголовной полиции не позволяет мне поступить столь опрометчиво.

— Люблю умных парней, — говорит она. — На какое-то мгновение я забыла о неприятности Джулиано.

Сперва она говорила о неприятностях во множественном числе, теперь неприятность только одна.

— Вы всегда так внимательны? Ловите людей на слове... Понимаю, при вашей профессии...

Лже-Сабина указывает мне путь: по площади, потом светофор, газетный киоск, еще один светофор — словом, лабиринт, я уже сворачивал около тысячи раз и потерял всякое представление, в каком направлении мы едем. По-видимому, мы уже за окраиной города, у черта на куличках или еще дальше. Наконец девушка говорит, что мы уже почти приехали.

Посреди болота торчит здание, десять этажей с пустыми оконными проемами, серая громада в серых сумерках. Чуть дальше, в другом болоте, — еще одно здание-близнец, колеса машины скользят в грязи, поднимая фонтаны воды. Очень медленно продвигаюсь вперед — покрышки изношены. Лже-Сабина указывает красным ногтем на третье здание, ускоряю ход и торжую на покрытой цементом площадке. Выхожу из машины, открываю дверцу девушке, хочу помочь нести тяжелую «косметичку», но она не отдает ее мне.

Входим в огромный вестибюль, похожий на сарай, с белеными известью стенами. Лже-Сабина ведет меня за руку, говорит, что все три дома еще не заселены, лишь одна квартира на последнем этаже оборудована под жилье — ее квартира.

— Идите со мной, Камилло, придется лезть на десятый этаж, лифт еще не работает, и неизвестно, когда его пустят.

— Его еще даже не установили.

Поднимаемся по шаткой лестнице с деревянными ступенями, везде грязь, пятна раствора, вместо перил лишь кое-где временно прилаженные доски. Смотрю в лестничный проем, меня охватывает уныние. Почему нигде не видно рабочих?

— Не знаю, — отвечает лже-Сабина. — Говорят, на окончание строительства не хватает денег.

Недостроенный район, еще не родившийся, похож на город, разрушенный атомной бомбой. Я хочу сказать, что рождение и смерть близки, но у лже-Сабина нет никаких мнений по этому поводу, она хмурится, всем своим видом показывая, что ее не интересуют мои теории о начале и конце всего сущего. Желание философствовать окончательно покидает меня на последнем лестничном пролете, ступеньки которого удивительным образом кажутся мне выше предыдущих. Девушка останавливается перед единственной навешенной дверью и говорит:

— Dear friend!*

Условные слова отпирают замок, дверь едва приоткрывается, но все же мне удается проникнуть в убежище Джулиано вместе с топорщащейся на поясе кобурой. Я обнимаю друга, лже-Сабина исчезает в соседней комнате, но тут же появляется снова в свитере и розовых домашних туфлях.

— Почему ты пришел в мундире?

Развожу руками, Джулиано делает четыре шага к окну, поворачивает и старается, чтобы обратно шагов получилось пять, но и это не вдохновляет его. Джулиано нервничает, что-то бормочет, потом просит меня не торопить его — он не знает, с чего начать. Девушка просит его рассказать все с самого начала.

— А где начало? Все так запуталось.

— Тогда, — говорю я, — попробуем так: начиная с любого момента, например, с того, как ты послал за мной Сабину.

Джулиано кашляет.

— Кого ты называешь Сабинкой?

— Ее, — показываю в сторону девушки.

— Ты с ума сошел! Или эта дура успела тебе все рассказать?!

— Ничего она мне не рассказала. Как тайный агент она сплошное совершенство. А теперь, учитывая мои дружеские чувства, приведите меня к вам в день всемирного потопа, хочется узнать некоторые подробности. Что случилось?

— Шутки здесь неуместны, — упрекает меня лже-Сабина.

Я пытаюсь извлечь Джулиано из глыбы льда, в которую он закован, но сделать это нелегко.

— Ничего не могу объяснить тебе, Камилло. Лучше поедem туда.

* Дорогой друг (англ.).

Я отказываюсь снова выходить под дождь. Джулиано знает, чем можно меня пронять — смотрит со слезами на глазах и с выражением потерявшегося в толпе ребенка. Сдаюсь, только прошу дать мне время высушить рубашку. Джулиано старается спрятаться за частоколом банальностей, говорит, что время терпит, в доказательство чего садится в кресло. Девушка становится возле него на колени, обнимает за талию, такая интимность на моих глазах не делает меня счастливее. Поднимаюсь со стула: поехали.

Джулиано с трудом удается натянуть на себя плащ, его подруга уже готова — в костюме из черной кожи, с бесчисленными браслетами на запястьях.

— Уже стемнело, что ж, так даже лучше. Джулиано — человек воспитанный, но его обычно мягкий голос звучит очень серьезно с заднего сиденья машины. Где-то вдаль уже горят фонари, дождь все еще идет, и я не знаю, куда мы теперь едем. Лже-Сабина рядом со мной подсказывает:

— Держите прямо, за перекрестком сверните к железной дороге налево.

— Это что, к рисовым полям? — резко переспрашиваю я.

Девушка, не обращая внимания на мой тон, объясняет:

— Там увидите дорожку.

Сворачиваю на невидимую под деревьями дорогу, машина подпрыгивает на ухабах, дорога извивается, выезжаем на заросший травой склон. Торможу. Голос невидимого в темноте Джулиано спрашивает, захватил ли я с собой электрический фонарик.

Протискиваясь сквозь заросли кустарника, Джулиано идет впереди, ругается, зацепившись за колючку. Останавливаемся на небольшой полянке.

Джулиано указывает на некоторое подобие лаза среди зелени, в глубине которого я ничего не вижу, потом в свете фонаря обнаруживаю пустые бутылки, обрывки бумаги. Лже-Сабина берет меня за руку, направляет свет немного левее — на узел тряпья, из которого торчат человеческая голова и две руки.

— Что это, черт возьми?

Отвожу ветку дерева, нагибаюсь ближе.

— Плохое место для смерти.

Луч фонарика освещает лицо девушки. Светлокаштановые волосы. Очки в черепаховой оправе. Когда-то ей, очевидно, нравились эти очки, теперь они соскользнули с носа, залепаны грязью.

— Кто она?

Джулиано молчит, лже-Сабина отвернулась. Я рассматриваю бедняжку: хрупкая, худенькая, словно сидит из модного журнала, спина согнулась в неестественной позе, голова повернута, щека в грязи, стекло очков разбито. Старюсь не глядеть в широко открытый глаз.

— Ран не видно.

— Она, очевидно, упала.

— Откуда?

Оба молчат, приходится снова мне взять инициативу:

— Красивая, молодая...

— Да, была, — спокойно отвечает лже-Сабина. Вид тела не волнует ее.

Джулиано стоит в тени, неподвижный и молчаливый. Придется мне выразить чувство жалости, раз уж они молчат.

Рисунок Аллы СОЛОВКИНОЙ

Она явно хитрит, старается уйти в сторону, свалить все на него, самой остаться в тени. Мои подозрения усиливаются, я обращаюсь к девушке:

— Почему не расскажете вы? Джулиано слишком взволнован, вы должны ему помочь.

— Я ничего не знаю. Я уезжала из Милана, вернулась незадолго до того, как пришла к вам в участок.

Ответ похож на правду, только сможет ли она это доказать? Говорит, что сможет, есть свидетели.

— А у тебя есть алиби? — обращаюсь к Джулиано.

— Никакого.

— Тогда говори. Ты должен все рассказать, Сабина права...

— Ступай к дьяволу, и хватит поминать Сабину! — кричит вне себя Джулиано. — Ее зовут Анджела.

— Красивое имя, — отвечаю спокойно и, как всегда, желая взять верх над Джулиано, прибегаю к иронии: — Сожалею, что обстоятельства не самые благоприятные для знакомства. Но факт остается фактом: Анджела права.

Джулиано просит, чтобы я в качестве полицейского — он так и сказал: «полицейского» — задавал ему конкретные вопросы; он согласен ответить даже на самые бесцеремонные. Хорошо.

— Во-первых, почему ты хочешь, чтобы убийство девушки было признано несчастным случаем?

— Я хотел посоветоваться с тобой, тебе постоянно приходится иметь дело с убийцами и трупами.

Он оскорбляет меня, но считаю за лучшее проглотить обиду.

— Совет я тебе уже дал. Если вы оба в этом деле замешаны, выдвигайте любые версии, которые вам придут в голову, кроме несчастного случая и самоубийства. Даже последний дурак такой глупости не поверит.

На объяснения у меня уходит слишком много времени: у девушки, по всей видимости, сломаны шейные позвонки, нельзя себе представить, чтобы она могла свернуть себе шею, падая с железнодорожной насыпи, катаясь по отлогому грязному склону.

Джулиано слушает меня, вытирает пот и решает оказать мне капелюк доверия:

— Значит, мы влипли! Опустит стекло, здесь можно задохнуться.

Он прав, в машине стало жарко, да еще запах духов Анджелы. Распахиваю дверцу, брызги дождя оседают у меня на волосах.

— Буду спрашивать, как тебе этого хочется. Имя фамилия, возраст и профессия убитой.

— Сабина Сирна, — отвечает Анджела.

Вздрагиваю: сотни имен в календаре, и ведь надо же, чтобы убитая девушка носила имя, названное мною наугад.

— Теперь понимаешь, почему это имя вывело меня из себя?

— Понимаю. Прости меня и пошли дальше. Ты знал Сабину Сирну?

— Поверхностно.

— И вы, Анджела, знали ее поверхностно?

— Надеюсь, что она не очень страдала, такая тоненькая и хрупкая. Вы подозреваете, кто мог ее убить?

— Она упала, никто ее не убивал, — отвечают они в унисон.

— Разве нельзя предположить несчастный случай? — спрашивает лже-Сабина.

Я наклоняюсь над телом девушки, брошенной в кусты, меня смущает ее неестественная поза, поворот головы. На щеке следы ударов. Очевидно, ее сначала избил.

— Нет, она упала.

Лже-Сабина упрямо настаивает на своем. Предлагаю вернуться в машину, там мы можем поговорить спокойно и в сухом месте. Садимся, в машине действительно тепло и все кажется привычным, как в скорлупе.

— Я спрашиваю у вас: это несчастный случай?

Лже-Сабина утвердительно, но не очень уверенно кивает головой, Джулиано, неспособный долгое время лгать, отвечает: нет. Спрашиваю, прикасались ли они к чему-нибудь, например, к сумочке, которую девушка сжимает в руках. Нет. Это хорошо.

— Но вам хотелось бы, чтобы полиция подумала о несчастном случае или самоубийстве.

— Вот именно, — через силу отвечает лже-Сабина. — Мне кажется, что ты должен все объяснить, Джулиано. Расскажи все, что тебе известно. Ты должен это сделать.

— Я тут ни при чем, — неуверенно говорит Анджела. — Меня и в Милане не было. Я стараюсь лишь помочь Джулиано.

— Я повторяю вопрос: вы знали Сабину?

— Конечно, знала. Мы жили с ней вместе в квартире пустого дома. Но это еще ничего не значит.

— Это может очень многое значить. Никто лучше вас не поможет заместителю прокурора ознакомиться с кругами, в которых вращалась убитая.

— Ничего он там не найдет.

— Мы этого знать не можем. Вам придется отвечать на вопросы. И первый вопрос будет: где вы находились в момент совершения преступления? Второй вопрос: когда вы видели в последний раз убитую?

На мои вопросы надо отвечать сразу, но Анджела считает ниже собственного достоинства отвечать простому агенту уголовной полиции и заявляет тоном драматической героини:

— Отвечу, когда будет в том необходимость.

— Оставь ее! — спешит ей на помощь Джулиано. — Она уезжала в Градо. А теперь, когда ты это знаешь, помогло это тебе в чем-то?

Пытаюсь ориентироваться, сообразить, в каком направлении может быть телефон-автомат. Товарный поезд громыхает по рельсам, и я чувствую себя похожим на этот поезд; инспектор Клелио Финати, может быть, ждет в своем кабинете телефонного звонка. Я решаю продолжить допрос, прежде чем идти к нему, хочу найти хоть какую-то опору для защиты Джулиано и сюж, наблюдая за стекающими по стеклу ручейками, испытывая неприятное ощущение от промокшей насквозь одежды, от неуверенности, стоит ли сейчас же звонить инспектору и как найти нужные слова.

2

Мне надо еще узнать, где они познакомились с Сабинной и кто ее им представил. Задаю вопросы попеременно, хочу запутать их: где они видели ее в последний раз? Ее профессия? Почему Анджела таскает с собой «косметичку»? Где работала Сабина, если она вообще работала?

— Мы познакомились с ней шесть месяцев тому назад, — отвечает с горечью Джулиано, — в одном из центральных кабар. Мне сказали, что она работает в нем делопроизводителем.

— Кто тебе ее представил?

— Стефано Платани.

— Кто он по профессии?

— Ты становишься бюрократом, Камилло.

— Отвечай.

— Искусствовед.

— Сидилиц?

— Да, но это ничего не значит, Стефано и мужи не тронет.

— Допустим, что ты меня убедил, но мне хочется узнать некоторые подробности об отношениях между искусствоведам и убитой девушкой.

— Вижу, вы решили учинить нам допрос! — взрывается Анджела, вшиваясь в меня сверкающими глазами. — Может быть, воображаете себя начальником отделения полиции?

Вижу в полутьме, как переглядываются между собой Джулиано и Анджела, пытаюсь прочитать выражение их лиц, что это: любовь или взаимная просьба о помощи?

— Должен повторить вопрос, и смотрите мне прямо в лицо: у вас есть предположение, кто убийца?

Джулиано вздыхает, я перестаю быть для него другом, почти братом, вместо товарища детских игр перед ним предстает иной Камилло Сандри — агент уголовной полиции, успевший отличиться в нескольких операциях против уголовников Ломбардии*.

— Я уже и так отклонился от своих обязанностей, — говорит моим голосом агент полиции. — Я должен был уже давно позвонить в ближайшее отделение полиции.

Джулиано не верит, что я говорю вполне серьезно. — Ближайшее отделение как раз твоё. Не удивляйся: Анджела заставила тебя совершить туристическую поездку по всему городу, чтобы сбить с толку. Теперь мы находимся в районе твоего отделения. Теоретически ты должен позвонить твоему собственному начальнику.

— Именно это я и собираюсь сделать.

— Подожди, не торопись. Если хочешь, скажу тебе все, что знаю, что мы знаем.

Джулиано трудно решиться. Он колеблется и страдает, вот-вот заплачет. Однажды женщина-графолог сказала ему о преобладании в его характере сверхчувствительности и эмоциональности. Я терпеливо стараюсь помочь ему вопросами:

— Какие у вас были отношения с Сабинной?

— Ничего особенного. Были знакомы, вот и все. Анджела может подтвердить.

Но Анджела, по-видимому, окончательно решила не отвечать на вопросы простого агента полиции. Ставило еще один вопрос:

— Какие отношения были у Сабинны с Платани?

— Никаких. Иногда выпивали вместе по рюмочке виски, за всю свою жизнь не обменялись и пятью десятками фраз, состоящих из выражений вежливости и приветов.

— Здравствуйте и до свидания. Ты это хочешь сказать?

— Вот именно... Или еще: как поживаешь?

— А почему они называли друг друга на «ты», если были так мало знакомы?

— Товарные отношения, но не по работе и не потому, что были близки. И любви между ними не было, если ты на это намекаешь. Словом, пассажиры одного экипажа, вот и все. Не знаю, понятно ли вам?

Нет, я никогда не понимал иносказаний. Прошу Анджелу помочь мне добраться до правды.

— Проблема всегда заключается в том, как узнать истину, — говорю я ей, отдавая себе отчет, что моя манера выражаться не нравится ей.

— Я вам сразу могу сказать, — отвечает она неохотно, — что выяснение отношений между Сабинной и Стефано вам ничего не даст.

Джулиано не замечает, что маска полицейской нетерпимости превосходно скрывает мою обычную доброжелательность, и уже не надеется на нашу давнюю дружбу, которая могла бы послужить ему защитой.

— Я хотел видеть тебя, Камилло, мне нужен был твой совет, — говорит он невнятно, — ты мне дал его, пусть в отрицательном смысле. Теперь хватит.

— Что хватит?

Я требую от них кучу конкретных фактов, меня охватывает лихорадка поиска, и я уже дошел до такой степени накала, что не отступлю, даже если меня начнут стегать кнутом. Джулиано это понимает, говорит, что в общем я прав, умоляет дать ему время самому распутать клубок. Ему было бы достаточно заявить о своей непричастности к случившемуся, но он, как всегда, пересаливает.

— Оставь в покое Стефано, я его хорошо знаю и могу поклясться, что он тут совсем ни при чем.

По насыпи пронесется длинный ряд локомотивов и ярко освещенных вагонов — в четырехтактном ритме, исполненном ярости, проходит «Ориент экспресс»*. Джулиано замолкает, ждет, пока снова станет темно и тихо. Молчание, слышно только завывание траммонанты в акациях.

— Говорите же! — кричу я. — Убили девушку, объясните ее смерть несчастным случаем невозможно, еще менее годится версия самоубийства. Выкладываете наконец все, что вам известно.

Они испуганы, путаются, пока не убеждаются, что я твердо решил позвонить в полицейский участок и назвать их имена. Анджела еще пытается как-то заштититься:

— Мы ничего не знаем, ничего не можем сказать.

Джулиано начинает уступать, догадывается, что им не удастся стереть впечатление увиденного мною.

— Может быть, — говорит Джулиано, — надо рассказать о Франко Питталуга.

— Еще одно имя. Кто он такой?

— Бывший хозяин Сабинны. Она работала у него счетоводом, несколько месяцев тому назад перешла к другому.

— Чем он занимается, этот Питталуга?

— Официально он ювелир.

— Слишком много неточностей в твоём изложении. Что значит «официально»?

— У него магазин на Порте Венеция. Но он сам там почти не бывает. Вообще же он умеет вставлять в оправу драгоценные камни так же, как я, скажем, водить космический корабль.

Анджела считает, что Джулиано не должен сообщать мне все эти сведения. Я спрашиваю почему, смотрю на нее очень внимательно, подмечаю происшедшую в ней перемену за несколько часов после нашей встречи, которые кажутся мне теперь десятилетиями. Анджела не постарела, но повзрослела, стала жестче и упорнее.

— Для Джулиано имеет смысл говорить в том случае, если при расследовании будет названо его имя, но это маловероятно, если вы будете молчать.

Я обрушиваюсь на нее всей силой своей ярости, потом снова саркастически обращаюсь к Джулиано: мой друг не знал до сих пор второго лица Камилло Сандри, агента уголовной полиции. Он сразу становится податливее.

— Есть еще Эрнесто Виери — хозяин кабар. Они с Питталугой на разных берегах, словом — конкуренты.

— Совершенно естественно! — прерываю я его. — Превеселенная конкуренция: в ночном заведении продают драгоценности, а в магазине играет оркестр и танцуют.

Анджела советует мне покончить с шутками. — Камилло не шутит, — говорит Джулиано. — Остроумным он становится, когда по-настоящему начинает сердиться.

Включаю мотор, даю задний ход, машина пятится, выползает на асфальтированную дорогу, выжимаю максимальную скорость — девяносто километров в час, на большее мой «фольксваген» не способен. Анджела качает головой, Джулиано борется какие-то междометия.

— Кто убил Сабину? — спрашиваю я.

— Мы не знаем.

— Кто спрятал ее тело в кустах?

— Представления не имеем.

— Откуда тебе стало известно, Джулиано, что она была спрятана именно здесь?

— Может быть, я скажу тебе все позже, когда у меня пройдет головная боль. Сейчас я ничего не соображаю.

Я пытаюсь привести в порядок немногие сведения, полученные мною, но не успеваю этого сделать: Анджела одним махом переворачивает все мои умозаключения вверх ногами, внося еще больший беспорядок. По ее мнению, убийство могло быть совершено вне Милана, а еще, что Виери находится в Градо и принимает там ванны, а Питталуга не мог бы убить даже паралитика, потому что он сам парализован.

3

Колесо машины задевает за тротуар, подсакивает, я торможу у входа в остерию в одном из небольших ветхих домов, со всех сторон зажатых огромными, буквально лоснящимися от собственного превосходства многоэтажными коробками. Открываю дверцу, предлагаю Анджеле и Джулиано:

— Зайдем на минутку. Вести машину и разговаривать с вами — можно дойти до того, что забудешь, сколько будет дважды два. Здесь мы можем посидеть спокойно.

Посетители остерии едят и смотрят телевизор. Мужчины разглядывают черную кожанку Анджелы, переводят глаза на ее лицо, потом на тарелку с котлетой. Джулиано наполняет стаканы, а я возвращаюсь к нашему разговору:

— Установим линию поведения. Убита девушка, может быть, ее ударили тяжелым предметом.

— Она упала.

— Да, упала. Кто-то подтолкнул ее, если это не так, зачем относить ее тело так далеко. Продолжаем. Вы заявляете, что знаете имена возможных убийц, но не можете назвать никого в частности.

— Вообще не можем назвать, — перебивает меня Анджела.

— Вы не хотите неприятностей, — продолжаю я, не слушая ее, — не хотите выступить свидетелями. Другими словами, желаете остаться в тени.

— На нас это произвело ужасное впечатление, мы не знали, что делать.

— И решили пустить все на самотек, пусть полиция бродит впотьмах. Удивляет одно: что вы все же решили кому-то показать вашу находку. Вам нужен эксперт по трупам? Разве не так? — добавляю я, уставившись в глаза Джулиано. — Именно так с присущей тебе деликатностью ты меня назвал.

— Прошу вас меня не вмешивать, — говорит Анджела, — я ничего не знала и не желаю быть втянутой в это дело.

— Кстати, когда вы вернулись из Градо и не застали вашу соседку по комнате, что вы подумали — куда она девалась?

— Сабина не впервые исчезает на несколько дней, у нее много друзей.

— Откуда вам известно, что Сабина отсутствует уже несколько дней? Вы сказали, что вернулись сегодня.

— Я всего лишь сказала, что Сабина довольно часто уезжала из Милана, иногда даже на неделю-другую.

— Напишите мне имена и адреса всех друзей Сабинны.

— Ни в коем случае. Я здесь ни при чем.

Джулиано, по-видимому, огорчен поведением Анджелы, ест он совсем вяло.

— Послушай, Камилло, ты не можешь заявить об обнаруженном тобой трупе.

— Могу.

— Неправда. Как ты объяснишь свое присутствие там? Не скажешь же ты, что пошел прогуляться за город, под дождем, который вот уже неделю льет не переставая. И зачем тебе понадобилось лезть в эти колчичие кусты? Ты не можешь сказать, что услышал крик или стоны, ведь Сабина уже сутки как мертва.

— А тебе это откуда известно?

* Область, центр которой — Милан.

* «Восточный экспресс».

— Ты можешь заявить в полицию, только со-
славшись на меня.

— А почему бы и нет?

— Если ты это сделаешь, я окажусь в ужасном
положении, все улики против меня, а я ни в чем не
виноват.

— У вас один выход,— снова вмешивается Ан-
джела,— анонимный телефонный звонок в
полицию.

— Правда, Камилло,— поддерживает ее Джули-
ано,— ты не можешь так подставить меня, я этого не
заслужил. Во всяком случае, если полиция начнет
копаться в той среде, где вращалась Сабина, то рано
или поздно и до меня доберутся. А еще раньше до
тебя, Анджела.

Тут меня озаряет: лучше оставить пока отдель-
ных лиц—Виери, Платани и Питталугу, а поко-
паться в прошлом Сабини. Даже при самом богатом
воображении невозможно себе представить жизнь
человека вне работы, учебы, развлечений, молитвы
или преступлений; никакой другой активности че-
ловек не проявляет, иного применения заложенной
в нем энергии нет.

— Среда, в которой вращалась Сабина, преступ-
на,— заключаю я.— Очень редко бывает, что чело-
века лишают жизни в кругу тех, с кем он работает,
учится, развлекается или молится.

Анджела и Джулиано молча пьют пиво, ждут, к
каким я приду выводам.

— Может быть, торговля несовершеннолетними?
Этим в наши времена не занимаются. Грабеж?
Присутствие парализованного исключает этот вид
преступности. Контрабанда, наркотики, подлоги?
Возможно, но как ты мог затесаться, Джулиано, к
контрабандистам или мошенникам? Остаются тай-
ные игорные дома. Хочу, чтобы вы сами мне это
сказали.

Они молчат. Джулиано подзывает хозяина, пла-
тит по счету.

— Ты можешь отчитать меня, Камилло, прекрас-
но понимаю, что ты разочарован во мне, в своем
друге. Почему ты не надаешь мне пощечин?

По дороге к машине Джулиано бормочет жалкие
оправдания, ссылается на судьбу, на слабость ха-
рактера, нищенское существование, невозможность
найти постоянную работу или покупателей для
картин.

— Так на какой же ветке замечательного древа
преступности ты завис-таки? Скажи нако-
нец!— кричу я.

— Это не имеет значения.— Голос Джулиано тих,
ноток раскаяния я не слышу.

Мотор рычит, агент уголовной полиции Камилло
Сандри выжимает из него максимальную скорость
и тоже рычит:

— Направление — полицейский участок! При та-
ком положении вещей мне кажется это единственно
разумным советом.

Джулиано впадает в истерику:

— Ты не можешь меня предать!

Я понимаю его состояние и продолжаю нажимать
на акселератор, чтоб поскорей кончились его муче-
ния. Он с заднего сиденья хватается за плечо,
трясет, рвет на мне мундир. Я не отбиваюсь,
сжимаю зубы и веду машину на максимальной
скорости.

Анджела тоже старается помешать мне осуще-
ствить задуманное, к счастью, она не может выска-
чить из мчащейся с такой скоростью машины. Я еду
на желтый сигнал светофора, задеваю тротуары,
проскальзываю между машинами, не снижая ско-
рости на поворотах. Джулиано перестает терзать
мое плечо, он весь страх.

— Я здесь ни при чем,— твердит Анджела,— в
полицию ты меня не затащишь.

Значит, так: на первом же ухабе она покидает
Джулиано, предоставляя ему самому выкручиваться.
Пытаюсь уменьшить напряжение, ораторствую
на темы поправной дружбы, злоупотребления дове-
рием. Говорю вполне искренне, а так как во мне
погибает неплохой актер, мои слова звучат в вы-
шей степени драматично.

— Ты всегда говорил мне, что работаешь, пи-
шешь картины, что у тебя хорошая должность
чертежника, ты врал беспардонно, а сам по шею
увяз в грязи с бандой гангстеров. Надеюсь, что твоя
мать не знает об этом, она умрет от разрыва сердца.

Вместо аплодисментов слышу холодные и равно-
душные слова:

— Я предпочел бы, чтоб ты меня побил.

Я тоже. Спрашиваю, сколько времени он связан с
фальшивыми ювелирами.

— Полгода, может быть, чуть больше. И хватит
читать мне проповеди, прошу тебя. Я поступил
плохо, что ничего тебе не сказал, но согласись:
признаться в таком нелегко. Клянусь тебе, со дня на
день я откладывал разговор с тобой.

— Баста!— кричу я.— Нет в тебе ни крошки
решимости. Кто убил эту бедняжку? Кому она
мешала?

Я угадал: Джулиано трусит, ему стыдно передо
мною. А может быть, и перед Анджелой. Едва
сдерживаюсь, чтоб не выпалить сакраментальное
изречение: полицейскому и врачу надо всегда гово-
рить правду.

— Я не знаю, я действительно не знаю,— снова
пытается от всего отказаться Джулиано.

— Расскажи все мне! Ты не выдержишь насто-
ящего допроса. И еще: твое признание поможет тебе
избежать мести преступников.

— Кто тебе сказал, что они будут мстить?

— Твой страх.— Тебе известны имена виновных,
это очевидно, и ты боишься за свою шкуру.

— А что мне делать?

Мое терпение иссякает, но я не могу ответить:
Анджела открывает дверцу, я едва успеваю схва-
титься за ручку. Разъяренная девушка визжит, что
хочет выйти, она выполнила просьбу Джулиано,
привела Камилло, больше ей здесь нечего делать.

— А ты еще говорила, что любишь! — патетиче-
ски восклицает Джулиано. Его поведение в полном
противоречии с агрессивностью Анджелы. Я быстро
сообразжаю, что будет лучше, если мой друг загово-
рит лишь в присутствии моего шефа Клелио Финати
и стенографа. Джулиано со мной не согласен.

— Неужели ты, именно ты, отдашь меня в руки
полиции?! И отвезешь меня на машине, которую я
тебе подарил?

Я снова не успеваю ответить, Анджела хватается
за руль, поворачивает его на себя, машина въезжа-
ет на тротуар, врзается в фонарный столб, словно
букашка преклоняет колени перед каменным идо-
лом. Чувствую удар в солнечное сплетение, но
мысль о машине заглушает боль.

Вокруг нас уже собираются любопытные. Андже-
ла и Джулиано, не обращая ни на что внимания,
высказывают из машины и бегут по аллее. Сумерки
неожиданно быстро размывают их силуэты.

4

В некотором роде мне все же везет: на площади
светится вывеска мастерской по ремонту автомоби-
лей. Человек в комбинезоне помогает мне затащить
машину и обещает завтра поговорить с хозяином.
За ремонт и окраску придется уплатить примерно
сорок тысяч лир.

Возвращаюсь домой на троллейбусе, чувствуя
тупую боль в ребрах. Дома обнаруживаю огромный
синяк, растираю мазью, вешаю на плечики ките-
ль, разглаживаю руками складки брюк и ложусь
в постель.

Заснуть мне не удается, лежу и думаю. Первый
раунд выиграла Анджела, я могу заявить о найден-
ном в кустах трупе девушки, только назвав Джули-
ано. Не вижу другого выхода, кроме подлого ано-
нимного сообщения по телефону, подсказанного
мне Анджелой. Встаю с постели, прижимая рукой
пульсирующее болью место ушиба, снимаю трубку
телефона, набираю знакомый номер.

— Чао, могу задать тебе вопрос?

— В два часа ночи?

— Дело спешное, слушай внимательно. Мне, ко-
нечно, известно, что агент уголовной полиции не
имеет права жениться, пока ему не исполнится
двадцать восемь лет. Однако устав не может ему
запретить иметь сердце.

— Я тебя перебыл, Камилло, твои излияния по
телефону я слушать не стану, линия должна быть
свободной. Ты мне изложишь свои проблемы
завтра.

— Нет, лучше сейчас.

— Тогда оденься и иди сюда.

Слушаю. Мне даже носки натягивать не прихо-
дится, я их не снимаю вот уже тридцать шесть
часов, ведь сначала я еще занимался поимкой
воровки, который, как оказалось, превосходно
умел пользоваться огнестрельным оружием.

...Младший бригадир Доменико Сильвестри от-
кровенно скучает, по-видимому, преступники выле-
зают из своих нор лишь во время моего дежурства:
преследования, рукопашные бои — все и всегда до-
стается мне.

— Ты еще долго будешь раздумывать, Камилло?

— Я уже готов. Вчера вечером, то есть сегодня, я
гулял со своей девушкой на окраине города.

— Имя девушки?

— Мария. А тебе это зачем?

— Фамилия?

— Альварес, она испанка и сегодня ночью улете-
ла самолетом в Барселону, где живут ее родные.

— Гуляешь под проливным дождем?

Доменико всегда все драматизирует, даже самые
обыкновенные дожди, но у меня нет охоты рассу-
ждать с ним о метеорологических тонкостях, и я
продолжаю:

— Милан — большой город, там, где мы гуляли,
никакого дождя не было. И вот там, где мы гуляли и
где не было дождя, я обнаружил в кустах убитую
девушку.

— И ты являешься ко мне в два часа ночи со
своими шуточками?

— Я не шучу. Двадцать пять лет, перелом шей-
ных позвонков, принесли ее туда уже после смерти.
Мой непосредственный начальник никогда не
удивляется, он и бровью не поведет, когда ему
приходится разбираться в случаях неимоверной
жестокости,— такой уж у него профессиональный
вывих.

— Когда ты сделал это открытие?

— Часа два тому назад, возможно, меньше, мо-
жет быть, минут сорок.

— Почему сразу не сообщил?

Рассказываю все, что мне известно, но имен моих
друзей не называю, я еще не кончил, а Доменико
уже мизинцем с длинным ногтем набирает номер
телефона. Мне известно, с кем он говорит. Повторив
слово в слово мой рассказ, он снова обращается ко
мне:

— Ступай к шефу, Ками.

Меня это устраивает, Клелио Финати внушает
симпатию и уважение. Троекратно стучу в дверь,
вхожу и останавливаюсь в позиции «смирно». Не-
которое время он меня рассматривает, небритого, в
измятой рубашке, мокрым мундире, потом прика-
зывает:

— Расскажи мне все, со всеми подробностями.

Я повторяю, мне трудно вернуться к описанию
тела Сабини — открытый глаз, неестественное по-
ложение головы, но стараюсь живописать всю
сцену, дождь, чувство охватившего меня ужаса.

Финати не терпит времени на расспросы — трид-
цать лет работы в уголовной полиции помогают ему
сразу ориентироваться.

— Поедем на место. Ты нас проводишь, потом
вернешься сюда.

Делаю неимоверные усилия, чтобы побороть сон,
уныние и усталость, стараюсь угадать, что со мной
теперь будет, но шеф — человек быстрых решений:

— Сутки ареста, меньше этого я не имею права
тебе дать.

— Слушаюсь. Начиная с этой минуты или когда я
сюда вернусь?

— С момента, когда ты обнаружил труп. А теперь
марш! Скажи Эмилио, чтоб машина была готова, и
позови Доменико. Ты сядешь с шофером и будешь
показывать, куда ехать.

Полчаса на дорогу туда, учитывая мои колебания
на поворотах, до того места, где лежит неподвижно
Сабина, час на дорогу обратно. Возвращаюсь в
полицейский участок с полным равнодушием к себе
самому: двадцать четыре часа под арестом не
наказание, а чуть ли не премия, облегчение для
человека, увидевшего одиночество смерти. Меня
отводят в параллелепипед голых стен, но на ключ
не запирают, наказание чисто формальное, да и
уверены они, что куда не денусь.

Растягиваюсь на нарах, сжимаю веки, пытаюсь
прогнать навязчивое видение широко открытого
глаза. Ничего не получается. Вскикиваю на ноги,
жду кусок газеты, скатываю два шарика, чтоб
заткнуть уши: мышьяная возня не дает уснуть,
холодок пробегает вдоль спины, а я должен обяза-
тельно поспать, головная боль, боль в ребрах и все
пережитое совершенно лишили меня сил.

Во мне страдает и мечется агент уголовной поли-
ции Камилло Сандри, который никогда не спит.
Наплеватель ему на арест, на унизительность положе-
ния, в котором он оказался, любая комедия прихо-
дит к заслуженному концу, а наказание я выбрал
для себя добровольно, чтобы не повредить еще
больше Джулиано. Он и в детстве всегда умел
совершенно невинным попадать в беду.

Агент Сандри в долгую сырую ночь грустит о
несостоявшихся слежках, о том, что нечего ему в
эту ночь обнаруживать и делать выводы, участво-
вать в предварительных допросах, каталогизиро-
вать вещественные доказательства, быть в одной
связке с алхимиками из лаборатории и колдунами
судебной медицины. Мимо нашей бессонницы про-
ходят жизни и смерти, там, за стеной, варвары спят
или грабят банки, а нам хотелось бы быть именно
там, среди варваров и преступников.

Тянутся минуты, сейчас измеряют, берут слепки
следов, проверяют содержание сумочки, доктор
Серпи приступает к первому исследованию, а Финати
пишет, наблюдает, опять пишет, распоряжается,
звонит по телефону, передает в центральное управ-
ление уголовной полиции данные о времени, рассто-
яниях, обстоятельствах.

Я был обязан сообщить имена Джулиано Люльи и
Анджелы... Я не знаю ее фамилии.

Желание у меня одно — завернуться в одеяло,
погрузиться в пахнущую мышьями темноту. И во сне
на экране совести я вижу обезображенное лицо
Сабини Сирны, убитой неизвестными по неведо-
мым причинам.

Продолжение следует

Рисунок Петра ВОСКРЕСЕНСКОГО

Во!

Рисунки Владимира СОЛДАТОВА

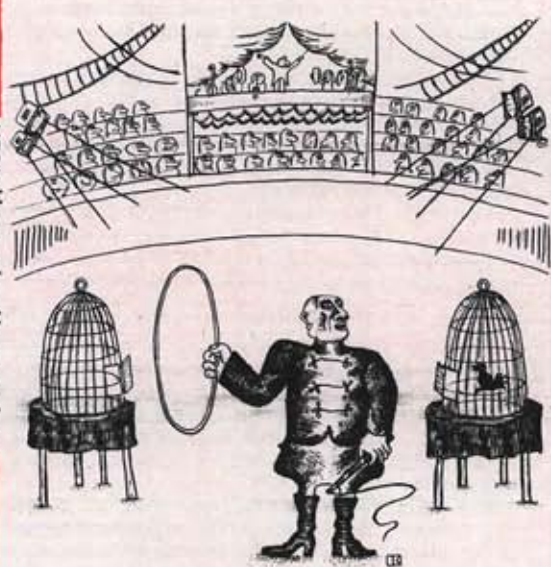

Рисунок Андрея БИЛЬЖО

ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ Под редакцией заслуженного тренера РСФСР Виктора ЛЮБЛИНСКОГО ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ

КОНКУРС «СМЕНА-80»

(Продолжение. Начало см. в №№ 12—17 журнала).

СЕДЬМОЙ ТУР

XII

Белые начинают и дают мат в три хода (2 очка).

Ход черных. Как должна завершиться борьба при наилучших действиях обеих сторон? (3 очка).

В целях более оперативной работы жюри с тысячами читательских конкурсных писем редакция просит участников этого заочного соревнования строго выполнять несложные, обусловленные нами правила — решение каждого задания сообщать на отдельной открытке, пользуясь только сокращенной шахматной нотацией, ставить пометку «Шахматный конкурс «Смена-80», тур седьмой», и указывать свой учетный конкурсный номер.

Запомните, пожалуйста, что письма на седьмой тур конкурса нужно посылать в адрес редакции «Смены» в период с 1 по 30 ноября 1980 года.

АТАКУЮТ ЧЕМПИОН И ЧЕМПИОНКА

Выполняя просьбу наших читателей, приводим яркий финал партии гроссмейстерского турнира, проведенного в нынешнем году в Югославии. Белыми играл молодой чемпион мира Анатолий Карпов, черными — экс-чемпион мира Михаил Таль. Друзья-соперники сделали по 19 ходов.

Несмотря на то, что изрядное число фигур исчезло с поля «боя» (уже разменены две пары пешек, две пары легких фигур и даже ферзи), лучшая отоборизованность позволяет белым развить инициативу, а в дальнейшем сравнительно малыми силами развернуть мощное наступление на неприятельского короля.

20. Сe1—a3! Лh8—e8 21. Лe1—d1+ Крd7—c7 22. f2—f3 Кe4—f6.

Белая пешка на поле «с3» «отравлена» — в случае 22... К:c3? 23. Лa1 черные теряют связанного коня.

23. Са3—d6+! Крc7—b6 24. с3—с4! Лa8—с8 25. с4:b5 a6:b5 26. a2—a4!

Пешечными выпадами на ферзевом фланге белые добиваются вскрытия вертикалей, по которым ладейный дуэт чемпиона мира развернет неотразимую атаку на короля противника.

26... Лc8—d8 27. a4:b5 Лd8—d7 28. Лd1—d4 Лe8—d8 29. Лa1—d1! Лd8—с8 30. Сd6—e5 Лd7—e7.

Разменный вариант 30... Л:d4 31. С:d4+ Кр:b5 32. С:f6 gf 33. Лd7! повел бы к гибели пешечной группировки черных на королевском фланге.

31. Лd4—d6+ Крb6:b5 32. Лd1—b1+ Крb5—c4 33. Лd6—d4+ Крc4—c5.

Иные отступления черного короля также были обречены на неудачу.

34. Кf4—d3+, и черные сложили «оружие», так как на единственный ответ 34... Крc6 партнер может объявить форсированный мат в семь ходов.

Немало наших читателей интересуется творчеством нынешней обладательницы мировой женской шахматной короны Майи Чибурдадзе. Вот как изящно и высококлассно завершила юная тбилисская шахматистка поединок против экс-чемпионки СССР киевлянки Людси Семеновки на соревнованиях в высшей лиге Кубка СССР нынешнего года.

Перед вами позиция, сложившаяся после 16-го хода черных. Немного ранее Майя, игравшая белыми, смело пожертвовала пешку. Сейчас же тонким маневром ферзя она создает одновременно две

угрозы (18. e5! и 18. Kd5!). Парировать черные могут лишь одну из них.

17. Фd3—d2! Сb7—a8 18. Кc3—d5! e6:d5 19. Лc1:c4 d5:c4.

За отданного ферзя черные получили почти что достаточную компенсацию в виде ладьи, коня и пешки. Главная их беда в отсутствии взаимодействия черных фигур.

20. e4—e5! d6:e5 21. Cf3:a8 Лc8:a8 22. f4:e5 Kf6—g4 23. Ce3:b6! Kg4:e5 24. Фd2—d5 Ce7—f6 25. Сb6—c7! Ke5—g6 26. Лf1—c1 Cf6:b2 27. Лc1:c4 Сb2—f6 28. a2—a4!

С завоеванием неприятельской пешки на поле «a6», защитит которую не представляется возможным, у белых появляется решающий козырь — неудержимая проходная пешка на их левом фланге.

28... Лa8—с8 29. a4—a5 h7—h6 30. Сc7—b6! Kg6—e5 31. Лc4:c8 Лf8:c8 32. Фd5—b7 Лc8—c1+ 33. Крg1—f2 Cf6—g5, и черные сдались, не дожидаясь очевидной реплики 34. Ф:a6.

АХ, КАК ХОЧЕТСЯ ВЛЮБИТЬСЯ

Музыка Евгения МАРТЫНОВА
Стихи Андрея ДЕМЕНТЬЕВА,
Алексея ПЬЯНОВА

Нагадала мне кукушка,
что с любовью встретишь я.
Подказала мне кукушка,
где смогу найти тебя.

И предчувствием любви
полны земля и небо.
На меня глаза твои
глядят светло и нежно.
Жду тебя, я жду тебя...

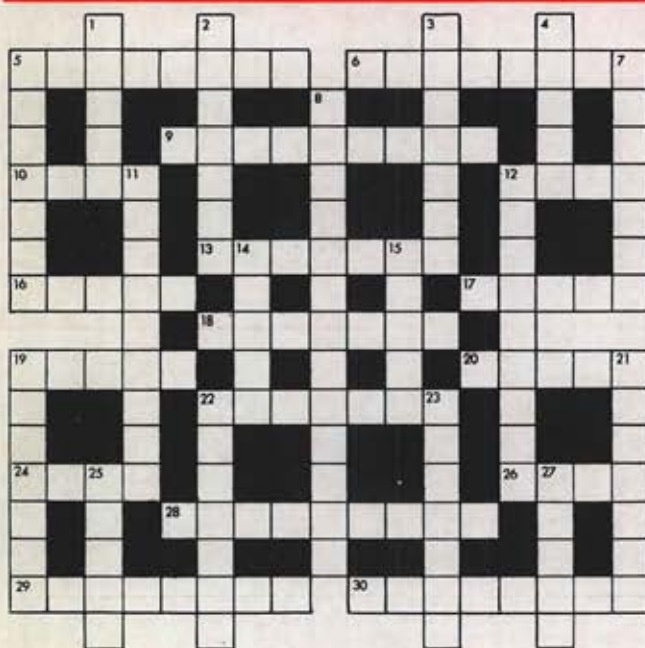
Припев:
Ах, как хочется влюбиться,
влюбиться, влюбиться, влюбиться.
Сердце бьется, словно птица,
к тебе мое сердце стремится.

Ах, как хочется влюбиться,
навеки влюбиться, влюбиться.
Что кукушка нагадала —
я верю — свершится, свершится.

Я завидую влюбленным —
хорошо счастливым быть.
И, надеждой окрыленный,
я весь мир хочу любить.

Пусть придет любовь моя
ко мне волшебным маем.
Ты, наверно, ждешь меня.
Пути к тебе я знаю.
Знаю я, да, знаю я...

Припев.

КРОССВОРД

КРОССВОРД
Составил П. АНДРЕЕВ,
Чимкент

По горизонтали:

5. Единица частоты периодического процесса, колебания. 6. Порт на берегу Кольского залива. 9. Народная артистка СССР, Герой Социалистического Труда. 10. Государство в Юго-Западной Азии. 12. Норвежский композитор, пианист, дирижер. 13. Круглое здание с колоннами. 16. Пьеса А. Н. Афиногенова. 17. Композитор, автор оперы «Аида». 18. Определенный порядок в организации действий, процессов. 19. Духовой клавишный инструмент. 20. Единица магнитной индукции. 22. Вечнозеленое плодовое дерево. 24. Военный лагерь в Древней Руси. 26. Стихотворение А. С. Пушкина. 28. Спортивная игра с мячом. 29. Геолог и палеонтолог, Герой Социалистического Труда. 30. Комедия Д. И. Фонвизина.

По вертикали:

1. Лиственное дерево. 2. Южное созвездие. 3. Вид графики. 4. Сооружение для хранения и технического обслуживания самолетов. 5. Композитор, основоположник армянской школы многоголосной музыки. 7. Город на юге Канады. 8. Наука об ископаемых организмах. 11. Судно с двумя корпусами. 12. Преобразователь различных видов энергии в электрическую. 14. Масло, употребляемое для изготовления красок, лаков. 15. Опера А. Г. Рубинштейна. 19. Персонаж повести Ф. М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели». 21. Сигнальное устройство на железных дорогах. 22. Полуостров на юго-востоке Азии. 23. Действующее лицо оперы Моцарта «Свадьба Фигаро». 25. Кольцеобразный коралловый остров. 27. Промышленный город в Румынии.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 17

По горизонтали:

7. «Тропики». 8. Артишок. 9. «Берег». 11. Клоун. 12. Нукус. 13. Молодечно. 15. Адресат. 17. Бутаков. 18. Астра. 19. Галле. 20. Плотина. 22. Тетрадь. 24. Индикатор. 27. Звено. 29. Голец. 30. Капри. 31. Титовка. 32. Ножовка.

По вертикали:

1. Барилал. 2. Карагач. 3. Репин. 4. Орион. 5. Ортопед. 6. Коркино. 10. Радиотелескоп. 13. Миссисипи. 14. Обпоратор. 16. Тайга. 17. Балет. 21. Лютетий. 23. Дialeкт. 25. Деканат. 26. Твиндек. 28. «Огонь». 29. «Гроза».

ГЛИНЯНЫЕ СКАЗЫ

Первое, что привлекает внимание, когдаходишь в новую гостиницу «Кодры» в Кишиневе,—яркие, необычные керамические сюжетные картины. Они принадлежат известному скульптору Брунгильде Марченко, лауреату премии Молдавского комсомола имени Бориса Главана.

Искусство Брунгильды романтично и радостно. В основе его фольклор, светлое восприятие мира. Этот неизменный свет народной жизни, присущий картинам-пластам, чувствуется во всем: и в обрамляющих сюжет виньетках и в плавной «сказовости» персонажей, каждый из которых—и обобщенный образ эпоса и герой, наделенный ярким воображением творца. Сцена-сюжет располагается в глубине пласта, края его загибаются в виде свитка, подчеркивая глубину воплощенного.

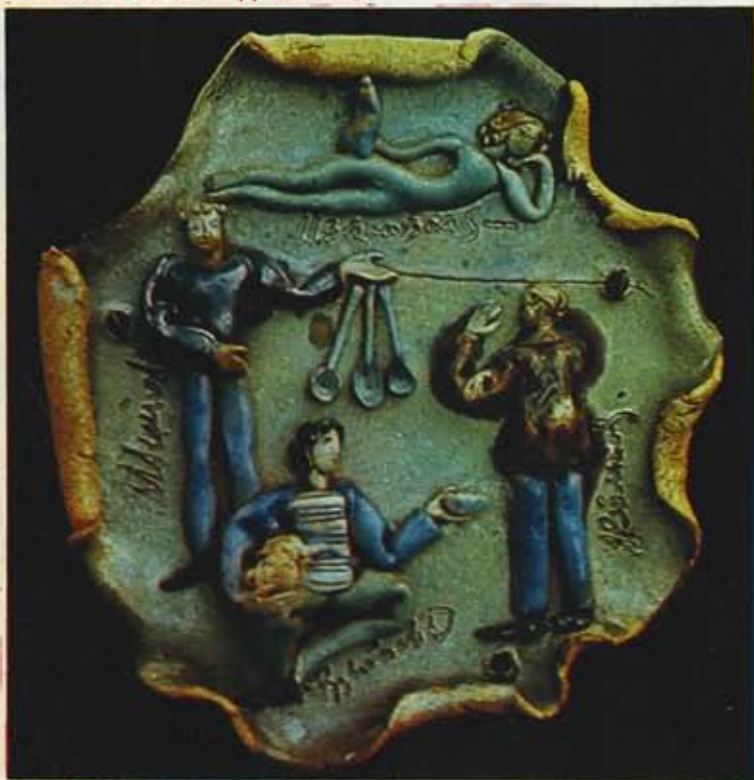
Особое место в творчестве Марченко занимают циклы пластов на темы песен Отечественной войны: «Священная вой-

ХУДОЖНИЦА ЗА РАБОТОЙ.

В МАСТЕРСКОЙ ХУДОЖНИКА.

СТУДЕНКА.

«СИНИЙ ПЛАТОЧЕК».

на». «Синий платочек», «Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат...».

Скульптурный портрет художницы также необычен: он цветной. Дерево, обработанное левкасом, раскрашено. Ясное, юное лицо студентки, синие глаза, теплый цвет кожи, светло-русые волны волос... А вот совсем иной портрет—чтеца Вячеслава Сомова. Портрет решен точно, строго. Перед зрителями предстает человек искусства, с его трудным, подчас горьким счастьем, с борьбой, преодолениями, потерями и удачами. Каким разным и всякий раз утверждающим свою правоту может быть истинный художник.

На углу улицы Гоголя в Кишиневе установлен рельеф, который художница посвятила приезду в 1925 году в Кишинев известного прогрессивного французского писателя Анри Барбюса.

Дерево и керамика, сказовый полет и реальность повседневной жизни, легкость, изысканность пластов и суровая четкость рельефов, возрождение раскрашенного скульптурного портрета—все это говорит о том, что впереди у Брунгильды Марченко новые, необычные, удивляющие яркостью фантазии произведения, ибо сюда приложена еще и ее неисчерпаемая жажда творить.

Ксения ВАСИЛЬЕВА

ТАНЕЦ.

ПЛОВДИВ. БОЛГАРИЯ.

